

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	2
ПРОЛОГ. ПОДРОСТОК И РЕВОЛЮЦИЯ	6
СССР. ПОСТИЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ	14
КИТАЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ, БОРЬБА, ПОРАЖЕНИЕ.	35
Смена вех.	35
Очищение нравов в отдельно взятом округе.	43
Вырастить сторонников.	56
Встречи со Сталиным.	59
Административная утопия времен гражданской войны.	70
Бег.	75
ТАЙВАНЬ. ПОСТРОЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА НА ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ОСТРОВЕ	81
Становление диктатуры.	81
Восхождение Цзян Цзинго.....	96
Первый шаг к демократии.	114
Тихая революция.	139
“Цели наши величественны...”	154
ПРИМЕЧАНИЯ	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга повествует о двух политических деятелях - президентах, проводивших реформы на Тайване в последние десятилетия XX века и осуществивших то, что получило названия "тайваньского чуда" и "тихой революции".

Казалось бы, что может быть интересного для российского читателя в биографиях политиков небольшого далекого острова, где жизнь так непохожа на нашу? Однако на самом деле интересного здесь немало. Тайвань - особая часть Китая, а судьбы России и Китая, при всем различии их культур и темпов развития, тесно связаны между собой. Дороги, которыми они пошли в двадцатом веке, нередко оказывались параллельными, сходились, пересекались. Не только взаимоотношения этих стран друг с другом, но и вообще положение каждой из них в мире существенно зависят от того, что происходит внутри другой страны. Поэтому в России был, есть и будет существовать всегда отнюдь не праздный интерес к Китаю. Сегодня для внимания к Китаю появились новые резоны, поскольку в российско-китайских отношениях сложилась небывалая ситуация: рядом с растерявшей свои международные позиции Россией уверенно набирает силу китайская потенциальная, если не уже состоявшаяся, сверхдержава.

"Учиться у Советского Союза", "Сегодня Советского Союза - это наше завтра" - такие лозунги, сейчас уже намертво забытые, были в ходу в Китае в начале 50-х годов. Не пора теперь нам учиться у Китая? Сегодня немало людей в России считают, что это не мешало бы сделать, а российские специалисты внимательно исследуют положительные и отрицательные стороны китайской реформации.

Короче: России сегодня необходимо знать Китай - и его современный облик, и его историю. А полноценное знание Китая должно охватывать не только историю китайской компартии, но и историю ее постоянного соперника в борьбе за Китай - партии Гоминьдан (Национальной партии). Не только материковую часть Китая, но и Тайвань, куда Гоминьдан переместился полвека назад.

История страны складывается из истории людей. В истории Китая и советско-китайских отношений видное место занимают Чан Кайши и его сын Цзян Цзинго, которому посвящена значительная часть этой книги. Сын оставил в истории, может быть, менее глубокий след, чем отец, однако достаточно яркий и своеобразный. Цзян Цзинго был причастен ко многим важным событиям в Китае (особенно на Тайване) и в России, причем причастен самым непосредственным и подчас даже неожиданным образом. Достаточно сказать, что он прошел

необычный жизненный путь от студента, рабочего, газетчика в России до президента лишенной международного признания, но существующей де-факто Китайской Республики на Тайване. С именем Цзян Цзинго неразрывно связаны нынешнее благосостояние и демократизация двадцатимиллионного островного общества.

В биографии Цзян Цзинго причудливо отразились противоречия эпохи: он менялся поразительным образом, и не менее круто менялись оценки его деятельности. Он был, судя по всему, старательным и сознательным строителем социализма в СССР, а на Тайване стал одним из самых непримиримых в мировой политике врагов коммунизма. Руководители китайской компартии объявили его военным преступником, а позже ученые из Китайской Народной Республики признали его заслуги перед нацией. На Тайване он был героем приторно-сладких очерков (на цветных обложках таких книг он утопал в кустах роз), а через несколько лет после его смерти на острове стали выходить в свет его жизнеописания, выдержанные в достаточно критических тонах.

О Цзян Цзинго написано немало, больше всего, разумеется, в Китае, в обеих его частях, и существенно меньше - в США. Одних только монографических жизнеописаний насчитывается примерно полтора десятка. Статьи о Цзян Цзинго исчисляются сотнями. Издано и переиздано многотомное собрание его собственных сочинений. Почти четырехсотстраничная книга посвящена супружеской жизни Цзян Цзинго и его русской жены Фаины Вахревой (Цзян Фанлянь). В нашей стране первая статья о Цзян Цзинго, принадлежащая перу советского востоковеда В.Б.Воронцова¹, появилась в 1988г.

Подготавливая эту книгу, я не только штудировал посвященную Цзян Цзинго литературу, но и брал интервью у людей, когда-то работавших и друживших в этом неординарном человеком, собирал материалы в архивах Москвы, Свердловска-Екатеринбурга, Тайбэя. Из моря фактов, нередко по-разному излагаемых и по-разному толкуемых, я стремился отобрать то, что, по моему мнению, является наиболее существенным и наиболее интересным для российского читателя. Разумеется, субъективизм тут неизбежен. Другой автор, очевидно, написал бы на этом же материале другую книгу, может быть, лучшую, чем эта.

Рассказывая российским читателям о необычной жизни Цзян Цзинго, я хотел не только познакомить их с этой крупной политической фигурой, незаурядной личностью, вполне, кстати сказать, логичной во всех своих метаморфозах. Мне хотелось показать через его биографию, как тесно переплетены между собой нити, составляющие ткань российской и ткань китайской историй. Но этого нельзя было сделать, не набросав, пусть самыми беглыми

и скупыми штрихами, хотя бы несколько важных эпизодов из истории советско-китайских отношений.

Мне представляется, далее, что в истории Гоминьдана есть немало и других аспектов, интересных для российских читателей. Особое их внимание я хотел бы привлечь к феномену установленной на Тайване на рубеже 40-50-х годов однопартийной политической системы, "партии-государства", сумевшей затем без политических и социальных судорог "самоперестроиться" в систему демократическую. Современная история Тайваня подтверждает: однопартийная диктатура с присущим ей тотальным идеологическим контролем над населением и столь же неизбежным патернализмом и популизмом, с обожествленным ("харизматическим") вождем на вершине - такая диктатура может быть построена на любом базисе: и на базисе частной собственности, и государственной, и смешанной. Сама по себе такая политическая система не является ни абсолютно реакционной, ни безусловно прогрессивной. Все зависит по крайней мере от двух обстоятельств. Во-первых, какую политику она проводит в отношении своих граждан: в какой мере обеспечивает их благосостояние? В какой мере допускает гражданские свободы, терпит оппозицию? Во-вторых, способна ли она, исчерпав свой исторический ресурс, плавно, по возможности безболезненно самоликвидироваться, перейти в новое качество?

Опыт Гоминьдана в этом отношении заслуживает самого внимательного изучения.

Последние главы книги посвящены преемнику Цзян Цзинго - тайваньскому президенту Ли Дэнхуэю, который провел крупные конституционные реформы, превратив Тайвань в типичное многопартийное общество.

Рассказ о Ли Дэнхуэе оказался гораздо короче, чем повествование о Цзян Цзинго, пропорции нарушились. но это вполне объяснимо: жизнь Цзян Цзинго не только богаче драматическими событиями, но и ближе к нашей истории, и потому в ней больше значимых для нас подробностей. Однако и в деятельности Ли содержится много интересного и поучительного. Описывая ее, я стремился познакомить читателя с некоторыми достижениями и важнейшими проблемами современного Тайваня, как внешними, специфическими для него, так и внутренними. Последние, при всей несхожести Тайваня с Россией, явственно перекликаются с проблемами, над которыми бьется наша страна. Они дают богатую пищу для размышлений на тему "государство и общество". Скажем, о необходимости для общества сильной государственной власти, а также о необходимости силами общества контролировать и направлять ее.

Работая над этой книгой, я старался избегать предвзятости, не допускать натяжек, не чернить сторону А и не высветлять сторону Б в угоду тем или иным идеологическим схемам. Развитие отношений между двумя частями Китая, несмотря на все трудности и срывы далеко продвинувшееся за последние годы, являет собой пример того, как можно, отбросив прежнюю вражду, постепенно овладевать искусством уважать оппонента. Тем больше такта и уважения при описании истории Китая и его исторических деятелей требуется от иностранца. Такой подход вытекает и из переосмысления истории нашего собственного народа, пережившего восемь десятилетий назад трагедию собственной большой гражданской войны, а недавно потрясенного "малой" гражданской войной в Чечне.

Напоследок - еще одно замечание. Сколько бы ни спорили специалисты о том, европейская ли страна Россия или азиатская, следует ли ей больше повернуться к Западу или к Востоку, в нашей стране гораздо меньше знакомы с китайской культурой, с китайскими реалиями, чем с европейскими. Китайские имена для нас как правило непривычны и трудноваты. Поэтому, надеясь, что книгой заинтересуются не только китаеведы, я постарался свести к минимуму количество китайских имен, названий и мелких реалий. А тот, кто захочет ближе познакомиться с историческим материалом, сможет воспользоваться достаточно обширным ссылочным аппаратом, помещенным в конце книги.

Насколько удались мне мои замыслы - судить читателям.

Я буду считать свою задачу выполненной, если моя книга поможет читателям больше узнать о Китае, о такой его уникальной части, как Тайвань, об истории российско-китайских отношений.

Хочу выразить искреннюю глубокую благодарность всем российским и китайским друзьям и коллегам, кто взял на себя труд прочесть мою книгу в рукописи и высказать мне свои замечания, кто помог в сборе материалов.

ПРОЛОГ. ПОДРОСТОК И РЕВОЛЮЦИЯ

27 апреля 1910г. в семье китайского военного Чан Кайши родился сын, которого назвали Цзинго. Семья жила в живописном местечке Сикоу, что в южной приморской провинции Чжэцзян. Весной там, по выражению поэта, "персиковые и сливовые деревья на склонах гор соперничают друг с другом красотой".

Младенца ждала причудливая яркая судьба, и в его имени был намек на нее: "цзин го" - это первая часть китайской идиомы "управлять государством, спасти мир". Ему предстояло совместить в одной жизни несколько жизней, казалось бы, несовместимых: выкрикивать патриотические лозунги на улицах Шанхая, выпускать многотиражку на большом советском заводе - первенце пятилеток, призывать советских трудящихся строить коммунизм, призывать китайский народ бороться против коммунизма, и, наконец, вслед за своим отцом - президентом Китайской Республики Чан Кайши принимать президентскую присягу на Тайване.

Чан Кайши (в стандартном китайском произношении - Цзян Цзешу; здесь Цзян или, как в данном случае, Чан - фамильный иероглиф, общий для всех поколений данной семьи) в момент рождения сына находился в Японии: учился там в военной школе на офицера-артиллериста. Он увидел сына только на следующий год, приехав в отпуск. Но и потом, вернувшись на родину, он редко бывал дома, занятый военной службой. Зато мать - Мао Фумэй и бабушка вдвоем неустанно опекали малыша.

Гармонии между родителями не получилось: они были абсолютно разными людьми. Их женили, когда Чану было пятнадцать лет, а его супруге девятнадцать. Если Чан делал военную карьеру и интересовался политикой, то круг интересов Мао Фумэй состоял из домашних забот, исполнения религиозных обрядов и помощи родственникам и соседям. Родилась она в глухой провинции, и ее воспитание ограничивалось усвоением патриархальных традиций. Как и свекровь, она была глубоко верующей буддисткой и - быть может, благодаря этому - обладала, по свидетельству знавших ее людей, "множеством добродетелей, и в особенности - щедростью".

Через некоторое время после рождения сына Чан Кайши ввел в дом вторую жену. Когда Цзян Цзинго было пять лет, у него появился младший брат Цзян Вэйго.

В шесть лет Цзинго пошел учиться. Облаченный в длинную кофту-курму, он выполнил обряд "три коленипреклонения и девять поклонов" перед изображением Конфуция и табличек с именами предков, после чего обратился к учителю Чжоу с просьбой быть его наставником.

Учеба велась на традиционный схоластический лад: она состояла в прописывании иероглифов и заучивании отрывков из старинных классических книг.

Чан Кайши стремился компенсировать недостаток общения с сыном тем, что из Шанхая присылал ему с оказией дорогие заморские игрушки а, главное, проявлял особое внимание к его образованию. Когда Цзинго исполнилось семь лет, отец направил его к учителю, у которого когда-то учился сам. В десятилетнем возрасте у мальчика появился домашний учитель. В письмах Чан постоянно призывал сына старательно учиться, быть почтительным с родителями, стать достойным продолжателем своего рода.

Впоследствии Цзинго делился с молодыми людьми наставлениями, полученными от отца: “не поддавайся сомнению”, “не заражайся иждивенчеством, не проси у меня денег: настоящий китаец завоеует мир голыми руками”, “не гоняйся за почестями”, “не хули других: мой главный враг - я сам, нужно очищаться от собственных недостатков, а не перемывать косточки другим”, “не лицемерь”¹.

Классическое образование Чан Кайши считал необходимым для формирования нравственной личности. Но, чтобы занять достойное место в обществе в Китае двадцатого века, этого было мало. В 1922г. Цзинго уехал продолжать учебу в Шанхай, где уже существовали школы нового типа: в них преподавали математику, биологию, географию и т.п. Чан Кайши к этому времени переехал в Гуанчжоу (Кантон), откуда продолжал писать сыну наставительные письма, призывая его не отрываться от древней культуры своей страны: изучать основу основ - “четверокнижие”, заучивать наизусть поучения великих мудрецов, И прежде всего: “Утром вставай пораньше и прописывай иероглифы, сто четким стилем и пятьдесят скорописью”². Он исправлял ошибки в письмах сына и отсылал их ему назад: пусть и семейная переписка поможет ему стать грамотным. Из новых предметов Чан рекомендовал сыну изучать английский язык.

В Шанхае юному провинциалу открылись новые горизонты. Здесь атмосфера была насыщена политикой, здесь возмущались засильем иностранных держав, пропагандировали самые разные идеи общественного переустройства. Страна переживала революционный подъем. Забастовки, демонстрации следовали одна за другой.

Цзинго увлекался всем: и спортом - он получал призы на школьных олимпиадах - и политикой. Он участвовал в бойкоте иностранных товаров, в демонстрациях протеста, проводившихся вслед за известными событиями 30 мая 1925г. - кровавым разгоном рабочих и студентов - и был за это исключен из школы. Он уехал в Пекин и поступил там в училище иностранных языков. Но удержаться от политики не мог, был замечен среди участников

антиправительственной демонстрации и на две недели попал под арест в собственном учебном заведении. А, выйдя из-под стражи, уехал к отцу в Гуанчжоу.

Здесь мы должны прервать повествование о Цзян Цзинго и, чтобы было понятно дальнейшее, рассказать, хотя бы очень кратко и схематично, о тех важнейших событиях, которые происходили в Китае³, пока Цзян Цзинго превращался из младенца в своенравного подростка с бунтарским темпераментом.

На следующий год после рождения Цзян Цзинго, в 1911г. великая Срединная империя стала Китайской Республикой. Шестилетний император Пу И был низложен. Свершилась революция (так называемая Синьхайская), с которой патриоты связывали надежды на возрождение Китая, на его выход из положения нищей полукolonии западных держав. Однако - не первый и не последний раз - революция обманула ожидания тех, кто творил ее с мыслью о народном благе. Мало того, что ни одна из поставленных благородных задач не была достигнута. Сломав аппарат, посредством которого ненавистная маньчжурская династия управляла обществом, революционеры тем самым, вовсе о том не помышляя, разрушили политический каркас общества, и государство фактически распалось на несколько частей - ситуация, тяжелые последствия которой хорошо знакомы миллионам жителей бывшего СССР по собственному опыту.

Теперь частями номинально единой Китайской Республики управляли милитаристские группировки, ведущие борьбу с другими группировками и раздираемые внутренними распрями. За спиной группировок стояли колониальные державы, они же носители столь милых сердцу многих образованных китайцев того времени демократических свобод. Особую часть Китая составила провинция Гуандун, в столице которой Гуанчжоу (Кантон) возник очаг новой революции со своими органами власти. В стране появились два правительства, два парламента, два президента. Номинально северный режим в Пекине, так называемый "бэйянский", представлял во внешнеполитических отношениях весь Китай, фактически же Север и Юг, Пекин и Гуанчжоу не признавали друг друга, находились в состоянии острой политической конфронтации, а временами вели друг против друга боевые действия.

Силы южан возглавил доктор Сунь Ятсен, общепризнанный теоретик революции и неутомимый строитель революционной партии. Чжунго Гоминьдан (Китайская национальная партия), созданный Сунем в 1919г., спустя двадцать пять лет после того, как он впервые собрал в единую группу своих последователей, стал в начале 20-х годов самой значительной силой национальной революции⁴.

Еще более мощными, однако, были милитаристские клики, в том числе и южные, которые составляли главную силовую опору Сунь Ятсена и от которых он зависел. В результате ссор с ними ему дважды пришлось покинуть Гуанчжоу. Он остро нуждался во внешних союзниках, с помощью которых можно было бы двигать дальше дело его жизни. Однако ни США, ни Япония, ни европейские державы, насчет которых Сунь когда-то был уверен, что они "имеют добрые намерения по отношению к нам" и "помогут нам привести в исполнение наши широкие перспективы", не оправдали его ожиданий - наоборот, раз за разом ставили ему палки в колеса.

Зато Сунь Ятсен обрел союзника в лице Советской России, готовой самым серьезным образом поддержать национальные революции на Востоке, с тем чтобы подорвать тылы мирового империализма. Россия предложила Китаю отношения нового типа - равноправные, отказавшись от привилегий, полученных царским правительством⁵. Ленин и Сунь Ятсен нашли друг друга через разделявшие их тысячи километров, через пространства, занятые враждебными армиями. Первый обмен телеграммами между Москвой и Шанхаем, куда Сунь был вынужден уехать из Гуанчжоу после конфликта с лидерами милитаристских группировок, происходил через Америку.

С 1920 г. Суня стали посещать работники Коминтерна, представители советского правительства, началась переписка с наркомом по иностранным делам Г.В.Чичериным, в результате чего были намечены основные направления сотрудничества сторон. Сунь Ятсен нуждался и в материальной помощи, и в политической поддержке, а, самое, вероятно, главное - в получении бесценных, проверенных жизнью "ноу-хау" из области революционных технологий⁶.

Такая помощь была ему предоставлена. В 1923 г. делегация Гоминьдана во главе с Чан Кайши посетила Россию, где в течение нескольких месяцев знакомилась с постановкой в стране военной и политической работы, консультировалась по поводу привезенных из Китая планов революционной войны, встречалась с Л.Д.Троцким, Г.Е.Зиновьевым, главкомом С.С.Каменевым.

В тот же период в Гуанчжоу прибыла группа советских специалистов. Опытный партийный деятель М.М.Бородин, зарекомендовавший себя успешным выполнением поручений Коминтерна в зарубежных странах, стал главным политическим советником Сунь Ятсена и принял участие в руководстве работой по реорганизации Гоминьдана, имевшей целью превратить его в партию с четкой организационной структурой и крепкой внутренней дисциплиной, ориентируясь на опыт российских большевиков. Герой гражданской войны

В.К.Блюхер разрабатывал рекомендации по созданию Народно-Революционной Армии, сплоченность рядов которой обеспечивали политорганы и политкомиссары. Недалеко от Гуанчжоу, в городке Хуанпу (Вампу) на средства, предоставленные Россией, открылась первая революционная военная школа, откуда впоследствии вышло много видных военачальников и политических деятелей. Начальником школы был назначен Чан Кайши, еще в Японии вступивший в созданную Сунь Ятсеном революционную организацию, а затем вошедший в его ближайшее окружение. Более ста военных советников из России занимались строительством армии, преподавали в школе Хуанпу, участвовали в планировании боевых операций против местных милитаристов. Москва оказывала революционному гуанчжоускому правительству финансовую поддержку, поставляла оружие и боеприпасы.

Тесные отношения, сложившиеся с советской Россией, Сунь Ятсен называл дружескими, братскими, он с энтузиазмом говорил об Октябрьской революции, о Ленине. "Русские - люди большого размаха, обширных знаний, поэтому они сумели выработать правильные методы,- писал Сунь.- Если мы хотим успешно завершить революцию, нам необходимо учиться у них"⁷.

Содружество советской России и Гоминьдана являлось, однако, лишь частью более широкого явления: трехстороннего сотрудничества, в котором третьей стороной была китайская компартия. Она возникла в 1921г. на фоне пробуждения в Китае интереса к марксизму и опыту Октябрьской революции. Коминтерн стоял у колыбели КПК, и вся ее деятельность с самого начала в значительной мере определялась директивами и рекомендациями Коминтерна, который оказывал ей и финансовую помощь, при том что отношения между ними были гораздо сложнее, чем взаимоотношения между руководителем и исполнителем.

Реализуя ленинскую концепцию единого фронта - союза всех антиимпериалистических сил на первом этапе революции, Коминтерн через своих представителей добился того, что коммунисты вошли в Гоминьдан - а Гоминьдан "допустил" их в свой состав и предоставил целый ряд ответственных постов и в своем Центральном Исполнительном Комитете, и в местных организациях. Начальником политотдела в школе Хуанпу был назначен коммунист Чжоу Эньлай, в будущем - один из высших руководителей КПК и КНР. Кое-кто из ведущих членов компартии принял даже участие в работе по реорганизации Гоминьдана. Правда, Сунь Ятсен настоял, чтобы коммунисты входили в его партию только на личной основе, однако, их членство в КПК при этом сохранялось, что не противоречило уставу Гоминьдана.

Отношения внутри этого альянса принципиально не могли быть гладкими. В лице двух партий, каждая из которых рассматривала себя и только себя как подлинного творца революции, история предложила Китаю два взаимоисключающих пути обновления страны.

Путь коммунистов пролегал через социальный переворот и ликвидацию частнособственнических классов. Теория Сунь Ятсена, известная как "сань минь чжуи" - "три народных принципа" ("национализм", включавший в себя ликвидацию иностранного гнета, "народовластие" и "народное благосостояние"), предполагала создание рыночного хозяйства с сильной регулирующей ролью государства, располагающего собственным сектором в крупном производстве, проводящего активную социальную политику и построенного на базе политических свобод. Его модель можно было бы назвать социал-демократическим вариантом капиталистического общества, приправленным национальной спецификой в виде некоторых традиционных властных институтов и этических норм. Иногда Сунь упоминал и о желательности в будущем полного огосударствления национальной экономики, однако, эта мысль не получила в его учении фактически никакого развития. Концепция классовой борьбы была для Сунь Ятсена, прозванного "Отцом нации", неприемлема.

Любопытно, что в одни и те же термины он и его коммунистические партнеры вкладывали разный смысл. Сунь называл строй, который хотел создать в своей стране, "социализмом" или "государственным социализмом", подчеркивая особое значение государственной власти как главного регулятора общественных механизмов в интересах всего общества. Он утверждал, что в Китае капитализма нет и его можно миновать - подразумевая под капитализмом прежде всего засилье крупных монополий, доводящее народ до обнищания.

Что же касается социализма и коммунизма в понимании, принятом в СССР, то в 1923 г. в документе, известном как коммюнике Сунь Ятсена - Иоффе (А.А. Иоффе - полномочный представитель РСФСР в Китае), была зафиксирована такая продуманная и осторожная формулировка: "Д-р Сунь Ятсен считает, что в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там не существуют те условия, которые необходимы для успешного утверждения коммунизма или советизма. Эта точка зрения целиком разделяется полпредом РСФСР..."⁸

Годом раньше Сунь Ятсен предложил эмиссару из России С.А. Далину: "Я дам вам самый дикий горный уезд, не разvrщенный современной цивилизацией. Жители его принадлежат к народности мяо. Они более способны воспринять коммунизм, чем жители наших городов, где современная цивилизация сделала их противниками коммунизма. Вот в

этом уезде организуйте советскую власть, и, если ваш опыт будет удачным, я применю эту систему для всего Китая"⁹.

Постепенно на основании бесед с посланцами Москвы Сунь Ятсен пришел к выводу, что, введя НЭП, Россия тем самым отказалась от "коммунизма" и пошла примерно тем же путем, какой он, Сунь, предложил Китаю. В некоторых своих работах Сунь Ятсен высказывал мнение, что то состояние общества, которое будет достигнуто в соответствии с его теорией, и является эквивалентом коммунизма. Оно же - воплощение древнего идеала "Датун" - Великого единения¹⁰.

При столь глубоком различии идеологий неудивительно, что между коммунистами и гоминьдановцами сразу же возникли разногласия и по стратегическим, и по тактическим, и по сугубо конкретным вопросам и что в каждой из партий нашлись противники их сотрудничества. Тем не менее, коалиция существовала. Революция, несмотря на величайшие трудности, набирала силу.

В марте 1925г. Отец нации, как стали звать Сунь Ятсена, скончался в Пекине, куда он прибыл, чтобы обсудить вопросы объединения Китая. Последние дни при нем неотлучно находились его супруга Сун Цинлин и Бородин. Сунь Ятсен передал Бородину свое завещание и письмо правительству СССР: "Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай"¹¹.

Вскоре после этого было объявлено, что в Москве создается Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, и начался набор студентов. Приемную комиссию возглавил сам председатель Национального правительства Ван Цзинвэй. По свидетельству очевидцев, заманчивое предложение вызвало конкуренцию между представителями двух партий¹². Среди трехсот с лишним счастливых, отобранных комиссией, оказался и Цзян Цзинго.

Впоследствии, объясняя читателям и, может быть, самому себе, почему он решил отправиться на учебу в Москву, Цзян Цзинго вспоминал о своей поездке из Шанхая к отцу, возглавлявшему, напомним, военную школу Хуанпу: "Во дворе школы на стенах были вывешены лозунги, каких я еще не встречал: "Объединимся с Россией", "Объединимся с коммунистами", "Объединимся с рабочими и крестьянами". Я встретил в школе много людей из России. Мне говорили, что только русские являются друзьями китайцев, что вожди России - это не цари, не боги, а рабочие и крестьяне"¹³.

После этого был Пекин. "Там меня познакомили с членом китайской компартии Ли Дачжао (одним из первых китайских марксистов.- Авт.). Он жил в то время в советском посольстве, и благодаря ему я познакомился со многими советскими людьми. Некоторые из

моих новых знакомых советовали мне поехать учиться в СССР. Совет пришелся мне по душе, мне захотелось узнать побольше о советской политической системе..."¹⁴.

К этому времени Чан Кайши стал в Гоминьдане одной из ведущих фигур, военным деятелем номер один. Отпуская сына в Москву, он делал политический жест, подчеркивающий лишний раз готовность к продолжению тесного сотрудничества с СССР. Кроме того, вполне вероятно, что Чан Кайши не прочь был удалить порывистого подростка туда, где требования к нему будут строже и где он будет, к тому же, в меньшей опасности.

СССР. ПОСТИЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ

В октябре 1925 года в составе группы из двадцати двух человек Цзян Цзинго сел на пароход в Гуанчжоу и отправился во Владивосток. По пути, в Шанхае он имел недолгое свидание с матерью. Оба пролили немало слез. На прощанье мать подарила ему майку, которая потом стала для него самой дорогой памятью о самом любимом человеке.

Там же, в Шанхае Цзян Цзинго, как писал он потом в своих мемуарах, вступил в Гоминьдан. До этого, по его собственным словам, он, даже участвуя в студенческом движении, "не имел отношения ни к какой определенной политической платформе"¹. Теперь он решил связать свою судьбу с партией, одним из лидеров которой был его отец.

Дальнейший путь Цзян Цзинго проделал в условиях, далеких от комфорта, но вполне обычных для того трудного времени. Из Шанхая во Владивосток он с товарищами плыл на грузовом судне, в трюме, где до того перевозили скот. Бытовые неудобства скрашивались знакомством с новыми товарищами, жаркими спорами, обсуждением новых книг, в числе которых оказались, будто специально для сопоставлений и размышлений, "Три народных принципа" Сунь Ятсена и "Азбука коммунизма" Бухарина.

В поезде Владивосток - Москва стоял холод, отсутствовал вагон-ресторан, не было даже кипяченой воды. Паровоз из-за нехватки угля топили дровами, и поезд шел медленно. Зато на станциях будущие студенты, пользуясь долгими стоянками, устраивали митинги и беседы, на которых рассказывали о китайской революции и учении Сунь Ятсена. На одной из станций студенты попали на митинг, посвященный октябрьской революции. Их восторг вызывали лозунги: "Да здравствует китайская революция!", "Да здравствует сотрудничество России и Китая!".

Неожиданной для Цзян Цзинго с его возвышенными представлениями об СССР оказалась картина бедности, повсеместно царившей в Сибири...

В университете существовало правило: каждый китайский студент брал себе русское имя. Цзян Цзинго стал Николаем Владимировичем Елизаровым. Все студенты были разбиты на бригады. Николай и приехавшие вместе с ним двадцать два человека составили одну бригаду. Подбор предметов говорил сам за себя: русский, история (в том числе история революционного движения в Китае, на Востоке, на Западе), диалектический и исторический материализм, политэкономика капитализма, экономгеография, военное дело и т.д. Известный военачальник генерал Фэн Юйсян, посетивший Москву в 1926 г., писал: "В других странах

наши студенты изучают технику, строительство, горное дело, медицину. В СССР они изучают революцию”².

Аудиторные занятия длились восемь часов в день, но, по воспоминаниям очевидцев, массу времени занимали собрания. Как бы они ни затягивались, покидать их считалось позорным. Того, кто уходил с собрания на урок, обзывали «индивидуалистом», «зубрилой»; уходившего поесть - «мелкобуржуазным элементом», «себялюбцем». Много внимания уделялось самокритике: студенты должны были регулярно рассказывать о своих поступках и помыслах, записывать все это в дневники, предоставляемые для просмотра руководству³. Все же, видимо, эта воспитательно-заседательская деятельность не столь уж сильно мешала учебе, если впоследствии многие студенты университета стали видными деятелями компартии (Дэн Сяопин, Ян Шанкунь, Ляо Чэнчжи, Уланьфу, сидевший в аудитории, кстати сказать, рядом с Цзян Цзинго, и др.) и Гоминьдана (начиная с самого Цзян Цзинго).

Жизнь студентов в материальном отношении была весьма скромной, но Цзян Цзинго-Елизаров, не избалованный воспитанием, довольствовался тем, что имел, тем более, что видел, как трудно живут люди вокруг. Однажды он разговорился с молодым парнем - истопником в университете. Оказалось, тот учится в вузе, а здесь подрабатывает. «Я спросил, позавтракал ли он. Он вытащил из кармана кусок черного хлеба и две картофелины: «Вот мой завтрак». Мне стало стыдно. Я, иностранец, живу в их стране, не трачу ни копейки, а насколько лучше питаюсь! Мой собеседник сказал мне: Вы - молодые китайские революционеры, мы желаем вам скорее освободить свой народ”⁴.

Николай Елизаров много занимался, усердно изучал русский язык и хорошо овладел им. В соответствии с нравами того времени, отношения между полами в университете были достаточно свободными. Китайские студенты увлекались русскими девушками. Николай предпочел соотечественницу - красавицу Фэн Фунэн, дочь вышеупомянутого генерала Фэн Юйсяна. Кстати сказать, она взяла себе фамилию Неждановой, а ее брат - Собинова.

Подруга Николая мало интересовалась политикой. Сам же он постоянно выступал на собраниях, писал статьи в студенческие издания, делал доклады о положении в Китае даже перед массовыми аудиториями за пределами университетских стен. Уже в декабре 1925 года, т.е. всего через несколько недель после приезда в Москву, он подал заявление в ячейку китайского комсомола при университете и был принят в эту организацию, а затем стал секретарем ячейки.

Стремительное вступление новоиспеченного члена Гоминьдана в ряды молодых строителей коммунизма свидетельствовало скорее о его горячей жажде деятельности, чем о

политической зрелости. Просто в беспокойной атмосфере университета, где коммунисты вели дискуссии с гоминьдановцами (споры между ними доходили и до драк⁵), а троцкисты спорили со сталинистами, зеленый бунтарь должен был политически определиться. Так оно и случилось. Он выбрал себе место в крайней левой части спектра политических сил.

Сначала коммунисты привлекли его симпатии своим образом жизни: "Их жизнь была простой, а дисциплина четкой", и этим они выгодно отличались от своих однокашников из Гоминьдана, которые, почувствовав себя вольготно без родительского надзора, "своими поступками нарушали порядок, что вызывало недовольство окружающих". Затем - явно под влиянием ряда преподавателей - Елизаров воспринял идеи Троцкого⁶. Главным политическим наставником Елизарова стал директор университета Карл Радек, преподававший историю Китая и часто обсуждавший со своим способным студентом происходившие в Китае события. Особенно близкой сердцу юноши оказалась мысль о том, чтобы "факелом революции поджечь старый мир". Скорее всего, позиция молодого иностранца вытекала не из осмысления внутрисоветских факторов, а из надежд на активное стимулирование Россией мировой революции, частью которой и КПК, и Гоминьдан считали революцию в Китае.

Проникнувшись убежденностью в истинности троцкизма, Николай Елизаров не побоялся открыто высказывать свои взгляды (на что мало кто решался), более того - вступил в тайную троцкистскую организацию и начал подбивать своих товарищей издавать брошюры и проводить собрания антисталинской направленности. По крайней мере, так утверждает Цзян Цзинго в своем дневнике, и это вполне совпадает с партийной характеристикой Елизарова, составленной в университете: "Марксистски подготовлен, дисциплинированный, активный, благодаря своей молодости легкомысленный"⁷.

Тем временем революция в Китае успешно развивалась. 9 июля 1926г. Народно-революционная армия, выполняя заветы Сунь Ятсена, двинулась в Северный поход, имея задачей освобождение страны от засилья милитаристов и ее объединение. План этого грандиозного мероприятия был разработан с участием Блюхера и других советских военных специалистов. Из СССР поступило оружие: винтовки и пулеметы, орудия и даже самолеты. В боевых действиях принимали участие советские военные советники и летчики.

Сотрудничество между СССР и Гоминьданом сделалось настолько тесным, что Гоминьдан заявил о своем желании вступить в Коминтерн, членом которого уже состояла КПК. Чан Кайши еще в 1923 г., выступая в Москве на заседании Исполкома Коминтерна, выразил намерение силами Гоминьдана начать в Китае "пропаганду коммунистических лозунгов", но только на следующем этапе революции: "тогда будет легче для китайского

народа провести в жизнь коммунизм". Чан Кайши предложил также после победы революции в Германии и Китае создать тройственный союз России и этих стран для осуществления мировой революции - свержения капитализма во всем мире. Коминтерн не спешил принять в свои ряды еще одну китайскую партию, но пообещал ей поддержку как "прямому союзнику в борьбе с империализмом", к тому же "все более явно становящемуся руководящей силой китайского освободительного движения"⁸.

Впрочем, относительно руководящей силы китайского освободительного движения в Коминтерне высказывались и по-другому. Так, председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев (весьма упрощенно, впрочем, понимая ситуацию) говорил: "Кантон - это маленькая китайская Москва, где распоряжается в первую очередь товарищ из Коминтерна Бородин, а почти все руководство осуществляет КПК"⁹...

Северный поход складывался удачно. К началу 1927г. весь юг Китая и бассейн Янцзы уже находились в руках революционеров. 21-22 марта в результате двойного натиска: изнутри - силами вооруженных рабочих и извне - частями НРА был освобожден Шанхай. Событие широко отмечалось в СССР. На эту тему писали газеты, проводились митинги.

На другой день после Шанхая настала очередь Нанкина.

Простые советские люди, далекие от тонкостей политики, относились к китайской революции с величайшей симпатией. Маршал В.И. Чуйков, учившийся в 20-е годы на китайском отделении Военной академии им. Фрунзе, спустя десятилетия вспоминал: "Нам была понятна борьба Китая с иностранной интервенцией, поскольку мы сами ее пережили. И лозунги «Руки прочь от Китая!» доходили до наших сердец как свои, родные. Поэтому мы день и ночь зубрили китайские иероглифы..."¹⁰.

Поэт революции Владимир Маяковский несколько раз обращался в своих стихах к событиям в Китае. В стихотворении "Не юбилейте!" он писал:

“Пусть

китайский язык

мудрен и велик,-

Знает каждый и так,

что Кантон

тот же бой ведет,

что в Октябрь вели

Наш

рязанский

Иван да Антон”¹¹.

Между тем, под аккомпанимент победных сводок в недрах китайской революции зрел раскол. Компартия и до, и во время похода вела активную работу среди рабочих и крестьян, расширяя таким образом социальную базу революции и одновременно укрепляя собственные позиции, с тем чтобы обеспечить перерастание антиимпериалистической революции в пролетарскую. Естественно, это никак не устраивало мощные силы в Гоминьдане, которых ожидала четкая перспектива превращения из субъектов революции в ее объекты.

И когда НРА вышла на Янцзы, на освобожденной территории возникли два центра власти: в Ухане обосновалось Национальное правительство левой ориентации, в которое вошли даже два коммуниста. Туда же переехал и Бородин. В Наньчане разбил свою ставку Чан Кайши, ставший к этому времени председателем ЦИК Гоминьдана, главнокомандующим НРА и обладателем многих других постов.

Двоевластие не могло продолжаться долго. В середине марта пленум ЦИК в Ухане снял Чан Кайши со всех его постов, за исключением, правда, самого важного: главкома НРА. Вслед за тем по инициативе Бородина был подписан секретный приказ о его аресте¹². Чан недолго медлил с ответом. 12 апреля он предпринял в Шанхае репрессивные акции против коммунистов, сотрудничавших с ними левых гоминьдановцев и их сторонников-рабочих. То же самое было проделано гоминьдановскими генералами и в других городах Китая. Пролилась кровь. 18 апреля в Нанкине Чан Кайши провозгласил образование нового Национального собрания. Все это вместе взятое складывалось в политический переворот, названный в гоминьдановской литературе “чисткой партии” от коммунистов. Чан Кайши не отказался от продолжения Северного похода и не спешил рвать связи с Москвой, однако, при этом, похоже, начал искать взаимопонимание с западными державами.

21 апреля в «Правде» появились тезисы для пропагандистов, в которых говорилось: «Переворот Чан Кайши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, рождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом против китайской революции». Точки над «і» были, таким образом, поставлены.

В университете им. Сунь Ятсена, между тем, шла подготовка к Первомаю и для демонстрантов был приготовлен большой портрет Чан Кайши. Теперь портрет убрали подальше, и начались митинги, участники которых гневно осуждали бывшего “красного генерала”. ТАСС распространил заявление Елизарова - Цзян Цзинго, в котором тот по

идейным соображениям отрекся от отца. Однокашник Николая пишет: "После этого, куда бы мы ни пошли, нас повсюду спрашивали: кто тут сын Чан Кайши?"¹³

Интерес к юноше, совершившему столь необычный поступок, был тем сильнее, что все прекрасно знали: разрыв отношений между сыном и отцом является неслыханным нарушением китайских традиций почитания родителей. Однако и в китайской истории мы находим примеры того, как сыновние чувства отступают в критические моменты перед интересами государственного или общественного характера. Вот, например, отрывок из письма, в котором в 1922 году Чан Кайши давал наставления своему ребенку. Когда отец Лю Бана, первого императора ханьской династии, был захвачен Сян Юем в плен, Сян Юй стал угрожать, что лишит своего пленника жизни, если Лю Бан не капитулирует. Однако Лю Бан не сдался. "Это показывает, что он меньше заботился о семье, чем о своей стране"¹⁴. Впрочем, существует и другая интерпретация поступка Елизарова: будто бы то был вынужденный шаг, совершенный под диктовку работавших в Коминтерне китайских коммунистов¹⁵.

С этого момента образ Елизарова-Цзян Цзинго как бы раздваивается. По одним документам это - не знающий сомнений борец за коммунизм, солдат великой армии мировой революции, хладнокровно жертвующий родственными связями ради великих идеалов и счастливый своей судьбой. По другим он - жертва, карта, которую разыгрывают между собой влиятельные политические силы. В этом качестве он подвергается постоянному давлению, испытывает самые неожиданные превратности судьбы.

(Из документов первого рода наиболее характерны анкета и автобиография, составленные Елизаровым при вступлении в ВКП(б) в 1936г. Автобиография цитируется ниже. Из материалов второго рода самый интересный - его мемуары "Мои дни в Советском Союзе". Датированные 1937 годом, они впервые увидели свет в 1989 г. в качестве приложения к книге Р.Клайна о Цзян Цзинго¹⁶. Р.Клайн в 1958-1963 годах возглавлял отделение ЦРУ в Тайбэе и тесно общался с Цзян Цзинго, который и предоставил ему свои записи для публикации).

С нашей точки зрения, вторая версия ближе к истине, однако, думается, в жизни Елизарова можно найти элементы обеих гипотез, хотя она была богаче и сложнее, чем любая из них¹⁷. Кстати сказать, в зарубежной литературе можно встретить оба толкования российского периода жизни Цзян Цзинго¹⁸.

После событий 12 апреля отношения между Москвой и гоминьдановским правительством резко ухудшились. Московская партия Гоминьдана была распущена, студенты университета им. Сунь Ятсена стали покидать СССР. Цзян Цзинго пишет в

мемуарах, что, окончив в апреле 1927 года университет, он вместе с группой своих товарищей стал добиваться возвращения на родину, однако представители КПК в Москве воспрепятствовали этому, посчитав, что его возвращение будет равнозначно усилению позиций Чан Кайши, и порекомендовали ему продолжать учебу в Советском Союзе.

Заметим, что Елизаров был не единственным из студентов, кого не хотели отпускать в Китай: задержать в СССР детей высокопоставленных родителей было выгодно с политической точки зрения. Вот часть письма ректора университета им. Сунь Ятсена П. Мифа и секретаря университетского парткома в оргбюро ЦК ВКП(б), написанного в январе 1928 года:

"В связи с проводимым Университетом составлением партийных и учебных характеристик нами выявлен целый ряд студентов, пребывание которых в Университете как с партийно-политической, так и с учебной точек зрения является абсолютно нецелесообразным. В числе этих намеченных к исключению студентов находятся: Фэн Ци-го (Собинов), Фэн Фунэн (Нежданова) - дети генерала Фына и Чжао Сянь-дин - Мотылькова - дочь генерала Чжао Шу-и, комкора, одного из сподвижников Фэна.

Собинов - комсомолец, вступил в Москве, партийно-политическими вопросами не интересуется, партийно не выдержан (сторонник оппозиции), недисциплинирован, связан с Гоминьданом и китайским консульством. Нежданова и Мотылькова в политическом отношении ничего из себя не представляют, очень молоды. Мотылькова - жена студента Лю Хуэй (Уншлихта), арестованного оперотделом ОГПУ...

Всем троим дана характеристика по учебной линии как балласта. Принимая во внимание все изложенное и учитывая общеполитические условия, считаем необходимым в отношении всех троих принять меры к тому, чтобы задержать их в СССР в качестве заложников"¹⁹. Через несколько месяцев, однако, детям Фэн Юйсяна было позволено вернуться на родину - в отличие от младшего Чана, получившего при окончании университета такую характеристику: "...а) выдержанность: в вопросах русской и китайской революции - активный сторонник оппозиции; б) дисциплинирован; в) в текущей партийной жизни разбирается поверхностно; г) тактическую партийную линию проводить не может...Примечание: очень способный товарищ, из которого может вырасти хороший партийный работник, но еще совершенно не оформившийся, нуждающийся в низовой и трудной работе под крепким руководством".

Жизнь Цзян Цзинго разом переменялась. Переписка с родными прервалась, и он оказался отрезанным от Китая, если не считать приходивших с опозданием китайских газет и журналов. Из баловня судьбы он объективно превратился в заложника, на судьбе которого

скрестились интересы различных политических сил, отнюдь не всегда благоприятные для него самого.

Пока Цзян Цзинго учился в университете им. Сунь Ятсена, в СССР шла острейшая политическая дискуссия между сторонниками Сталина и Троцкого о возможности построения социализма в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении, до победы пролетарской революции во всемирном масштабе. Победила концепция Сталина - курс на “строительство социализма в отдельно взятой стране”. И теперь Елизарову-Цзян Цзинго предстояло в течение многих лет постигать на собственном опыте практику строительства социализма.

Оставшись волею судьбы в чужой стране, Николай не потерял оптимизма и не собирался капитулировать. Питая с детства интерес к военной службе, он подал заявление в военную школу особого назначения, был принят туда курсантом, а, окончив ее, послан на учебу в Ленинград в Военно-политическую Академию им. Толмачева. Эти и все последующие назначения производились по рекомендации или, по крайней мере, с ведома китайской секции Коминтерна.

Два с половиной года, проведенные Елизаровым в Академии, дали ему возможность серьезно изучить не только разные отрасли военной науки (в том числе стратегию, которую преподавал маршал Тухачевский), но и политику, экономику, философию. Елизаров прекрасно учился, написал интересный доклад о тактике партизанской войны, публиковал статьи в научных журналах.

Много места в его жизни по-прежнему занимала общественная работа. Он был избран в комсомольское бюро Академии, а в 1929 году стал кандидатом в члены ВКП(б). Годом раньше он объявил о своем разрыве с троцкистами. Как объясняет Елизаров в своих воспоминаниях, он предпринял эти шаги, чтобы укрепить свое положение в чужой стране, тем более что был момент, когда над ним нависли подозрения в попытке на деньги Чан Кайши сколотить из своих земляков - выходцев из южных провинций Китая - контрреволюционную заговорщическую группу. К счастью, Елизарову довольно легко удалось отвести от себя наветы, источником которых он считал своих соотечественников из Коминтерна.

Окончив с отличием Академию в июне 1930 года, Елизаров обратился к советским властям с просьбой отпустить его на родину или направить служить в Красную армию. Однако ни одна из этих просьб не была выполнена - как считал Елизаров, из-за противодействия, опять-таки, китайской секции Коминтерна. Но и со стороны советской

власти полноценное доверие было ему, так сказать, "не положено". В характеристике на Елизарова, составленной на третьем курсе Академии, осторожно отмечалось: "Политически развит хорошо. В партийной работе активен. В силу молодости, отсутствия практической работы и социального происхождения посылать сразу в Китай на ответственную работу не следует. Желательно послать на год на производство"²⁰.

(Напомним, что в конце 20-х годов в стране была развернута широкая кампания против "буржуазных специалистов, и "классово чуждое" происхождение считалось достаточным основанием для увольнения сотрудников из государственных учреждений).

Так оно и произошло. Военная карьера Цзян Цзинго в России на этом закончилась. После двух томительных месяцев вынужденного безделья он был назначен инструктором группы китайских студентов в Ленинской школе (в которую был преобразован университет им. Сунь Ятсена), совершил с ними ознакомительную поездку на Украину и в Закавказье, перенес тяжелую болезнь, а в октябре 1930 года был поставлен на еще более низкую ступеньку социальной лестницы, теперь уже совсем далекую от его квалификации и профессиональных интересов: стал учеником слесаря на заводе "Динамо". Так началось его участие в осуществлении генерального лозунга тех лет - построении социализма в отдельно взятой стране.

"Раньше,- пишет он в мемуарах,- мне не приходилось заниматься тяжелым физическим трудом, и поначалу я страшно уставал. Через два дня руки опухли, появилась ломота в пояснице и во всей спине. Я твердо верил, что труд закаляет человека. Но мой месячный заработок составлял всего сорок пять рублей - как на него прожить? В то время в стране продовольствия не хватало, цены на него держались высокие, хлеб выдавали по карточкам, с мясом и рыбой также было очень туго. Нередко приходилось отправляться на работу с пустым желудком.

Я должен был найти способ как-то улучшить свою жизнь, поэтому решил поступить на вечерние инженерно-технические курсы. Одновременно мне подвернулась возможность преподавать на заводе военное дело. Я надеялся, что все это позволит мне занять более достойное место в обществе и немного подработать. Теперь я каждый день трудился с восьми утра до одиннадцати вечера. Вставал в семь часов, из общежития добирался на городском транспорте до завода. В пять вечера ужинал и отправлялся в публичную библиотеку, так как на покупку учебников в то время денег не было. С восьми до одиннадцати занимался на вечерних курсах. Кроме того, каждую неделю выкраивал семь часов для преподавания военного дела.

Вечерние курсы в самом деле прибавили мне знаний, и я сумел внедрить на заводе кое-какие технические усовершенствования. Пять месяцев спустя мой месячный заработок увеличился до ста пяти рублей. Жизнь оставалась нелегкой, но я испытывал некоторое удовлетворение. Ведь, не испробовав на себе ежедневный тяжкий труд, не почувствуешь суть человеческого общества, не поймешь тяготы простых людей, не познаешь подлинную цену труда. Я был уверен, что приобретенный опыт будет полезен мне в будущем"²¹.

Но прошел год, и, как повествует Елизаров-Цзян Цзинго в своих дневниках, вновь пришлось начинать все с нуля: в мае 1931 года его перебросили на крестьянские работы в захолустную деревню Жоково, расположенную между Москвой и Рязанью. Принимая новый поворот судьбы, Елизаров радовался тому, что сумел, ссылаясь на слабое здоровье, убедить ЦК не посылать его в далекую Сибирь с ее суровым климатом. Старательностью в непривычном для него труде, а, главное, образованностью он быстро заслужил уважение крестьян, поначалу встретивших его как чужака. Через неделю, вспоминает он, односельчане освободили его от работы в поле и поручили вести хозяйственные дела, а затем фактически возложили на него обязанности председателя, поскольку тот уже давно тяжело болел.

Знал бы новоиспеченный колхозник, что был момент, когда лишь тончайшая грань отделяла его от возвращения в Китай!

В июне 1931 г. муниципальная полиция города Шанхая арестовала «профессора французского и немецкого языков» Хилэра Нуланса, оказавшегося нелегальным сотрудником Коминтерна. Его настоящее имя было Яков Матвеевич Рудник. В защиту Нуланса была развернута широкая международная кампания, прозвучали голоса видных деятелей культуры, симпатизировавших Советскому Союзу: А. Эйнштейна, А. Барбюса, Т. Драйзера²². Но еще до того, как эта кампания началась, в декабре 1931 г. к Чан Кайши приехала сестра его жены, вдова Сунь Ятсена - Сун Цинлин. (К этому времени Чан был женат второй раз, разведясь с матерью Цзян Цзинго).

Дальше я пересказываю и цитирую материалы из Нанкинского архива, которыми любезно поделился со мной американский дипломат и публицист Джей Тэйлор, собравший их в ходе работы над жизнеописанием Цзян Цзинго.

Сун Цинлин предложила отпустить Нуланса и его супругу в обмен на репатриацию Цзян Цзинго. Несомненно, она действовала по поручению Москвы. Предложение свояченицы разбередило неутраченную рану в душе Чан Кайши, которому, очевидно, не было чуждо чувство вины. Незадолго до встречи с Сун Цинлин он исповедывался в своем дневнике: «...Я

не сделал ничего доброго своим родителям, не сумел быть добрым с детьми, и жалею об этом...Как мне нехватает сына! Я - плохой отец, мало заботился о нем».

Чан посоветовался с женой. Их супружество длилось уже четыре года, но детей не было, и Сун Мэйлин стояла за то, чтобы согласиться на сделку. Однако Чан после тяжелых раздумий отказался. Из его дневника: "Глава Дальневосточного бюро советской компартии совершил в Китае преступление, и мадам Сунь хочет, чтобы я обменял Нуланса на Цзинго. Нет, я скорее соглашусь, чтобы Цзинго оставался в ссылке и даже погиб в России, чем выменяю его на преступника. Иметь ли мне наследника или нет - на то Божья воля. Но я не могу нарушить закон, предать страну, запятнать честь своего имени. Не могу пожертвовать интересами государства даже ради сына".

Сделка не состоялась. Цзян Цзинго-Елизаров остался в России.

(Я.М. Рудник , участник штурма Зимнего, организатор Красной гвардии Финляндии, в послевоенные годы преподавал китайскую иероглифику в Московском институте востоковедения. Это был необычайно тихий, скромный человек. Ходили слухи, что когда-то ему пришлось сидеть в китайской тюрьме, но прямых вопросов на этот счет ему никто, разумеется, не задавал. Глаза его светились, когда он брал в руки китайские книги, а в разговоре он, случалось, поражал собеседников знанием тонкостей английского языка).

В октябре 1932 года Елизарову пришло распоряжение вернуться из деревни в Москву, а в 1933 году он попал в качестве рабочего на золотые прииски на Алтае, где провел в изнурительном труде и лишениях девять тяжелейших месяцев. Это было уже что-то вроде ссылки, из которой, однако, он смог досрочно вернуться благодаря образцовому поведению и трудовым успехам. Только после того, как в 1933 года Елизаров поступил на Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловске, жизнь его постепенно стала налаживаться.

Так пишет Елизаров-Цзян Цзинго в своих мемуарах, объясняя эти перипетии, раз за разом понижавшие его социальный статус, враждебным отношением к себе со стороны представителей КПК в Коминтерне, с которыми не мог не считаться ЦК ВКП(б). В автобиографии, которую Елизаров написал в 1936г. при приеме в партию, вся цепь событий выглядит несколько по-иному.

«После окончания академии Коминтерн посылает меня для работы на завод рядовым рабочим, для того чтобы я получил пролетарскую закалку, которая необходима была для моего дальнейшего воспитания. Я пошел работать на завод с большим желанием. После годичной работы на заводе я написал заявление в Коминтерн с просьбой послать меня

работать в колхоз. В колхозе непосредственно работал председателем и вместе с колхозниками выполнял полевую работу.

Завод и колхоз являются огромной жизненной, большевистской школой для меня. Я работал на заводе и в колхозе с большим желанием и подъемом. Я работал и учился у рабочих и колхозников, учился у руководителей партийной организации. В 1932 году по решению политсекретариата ИККИ я был послан ЦК ВКП(б) в распоряжение Уралобкома ВКП(б). Обком послал меня работать на Уралмашзавод»²³.

Можно только догадываться, почему в автобиографии Елизарова отсутствует алтайский период его жизни. Между имеющимися у нас документами есть и другие фактические расхождения, большинство которых, надо сказать, отчетливо координируется с целенаправленностью документов.

Уралмаш, одна из крупнейших индустриальных строек первой пятилетки, служил в то время чем-то вроде места почетной ссылки, куда в ходе политической борьбы группа Сталина потихоньку с дальним прицелом убирала из столицы кадры, в той или иной мере связанные с оппозицией. Для человека, находящегося в опале, попасть на Уралмаш казалось далеко не худшим вариантом. Существует гипотеза, будто бы мысль попроситься в Свердловск на строительство нового завода Елизарову подал А.М.Горький, который находился в дружеских отношениях с секретарем парткома завода Л.Л.Авербахом, в прошлом - известным комсомольским деятелем, редактором ряда газет и журналов, одним из основателей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Известно, что Елизаров был знаком с Горьким, а на Урале сблизился с Авербахом.

Любопытная версия того, как состоялось знакомство Елизарова с писателем, содержится в воспоминаниях Цзян Цзинго: как-то после переезда в Ленинград Николай шел по улице, повесив голову, и случайно столкнулся с высоким пожилым человеком, который тоже задумался в этот миг. Елизаров узнал его. Они разговорились. Елизаров проникся доверием к собеседнику и, отведя его в сторону, к фонарному столбу, рассказал ему свою историю. Горький участливо выслушал его, дружески взял за плечо, посоветовал встряхнуться, хорошо учиться, и предсказал возвращение в Китай и работу на благо народа после победы революции²⁴...

На Уралмаше Елизаров работал сначала заместителем начальника цеха по кадрам, а с 1934г. - заместителем и исполняющим обязанности главного редактора заводской многотиражки «За тяжелое машиностроение». Он оказался хорошим газетчиком. Свердловский журналист М.Банников, работавший под началом Елизарова ответственным

секретарем газеты, вспоминал впоследствии: «Коля показывал себя грамотным, искусным руководителем, способным, например, диктовать «с колес» целые статьи. Бывало, редакционное утро начиналось с того, что шеф заглядывал к своему ответсеку, спрашивал о готовящемся номере. И если оставалась на полосе «дыра», то успокаивал: «Ничего, я сам забью ее». Коммунисты типографии и редакции на партсобраниях хвалили Елизарова: «По его инициативе наша газета сейчас не опаздывает, стала работать лучше»²⁵.

Газета «За тяжелое машиностроение» посвящала свои страницы главным образом заводским делам, но иногда на основании присылаемых из Москвы пропагандистских материалов рассказывала о важнейших международных событиях. Елизаров писал о Китае, где революция к этому времени вступила в новый этап - советского движения, этап вооруженной борьбы коммунистов против господства Гоминьдана. Гражданская война разворачивалась в сельских районах южного и центрального Китая, куда коммунисты переместились после серии неудачных попыток поднять восстания в городах.

В Екатеринбурге в редакции газеты «За тяжелое машиностроение» мне удалось найти в старых подшивках газеты номера со статьями Елизарова на эту тему. Вот отрывок из одной его статьи, опубликованной в 1934 году.

«С конца 1929г. мы имеем два Китая: советский Китай, которому принадлежит будущее, и гоминьдановский Китай, отходящий в прошлое.

За короткий период советское движение стало крупным политическим фактором, миллионные массы рабочих и крестьян под руководством китайской компартии начали устанавливать советскую власть. Из отдельных сельских советов, расположенных в разбросанных районах, образовалась мощное государство - республика с общей площадью 1848180 кв. километров, а территория уже устойчивых советских районов составляет 681355 кв. километров. По отношению к территории устойчивых районов территория Германии составляет 68,7 проц., Англии (без колоний) 35,5 проц., Японии - 55,9 проц.»²⁶

Еще одно из выступлений Елизарова в том же 1934 г. было посвящено седьмой годовщине Кантонской коммуны:

«11 декабря 1927 года рабочие и трудящиеся города Кантона под руководством китайской коммунистической партии подняли первое знамя советов в полуколониальных странах.

В лозунгах Кантонской коммуны от имени захвативших власть рабочих и крестьян на всю страну было заявлено о гегемонии пролетариата, о советах как о форме демократической диктатуры пролетариата и крестьянства...

Кантонская коммуна пала, но пусть помнят враги, что ее дело живет и развивается. Вместо гоминьдановского Китая будет Китай советский, где будут хозяевами страны рабочие и крестьяне.

В случае войны империалистов против родины социализма - СССР китайские рабочие и крестьяне под руководством китайской компартии, со знаменем кантонской коммуны выступят все как один на защиту СССР!»- таким уверенным заявлением заканчивалась статья²⁷.

Газетную полосу, на которой статья была помещена, увенчивала шапка - набранное крупным шрифтом указание товарища Сталина: «Только Советы могут спасти Китай от окончательного развала и обнищания».

Но к моменту выхода этого номера газеты Советы в Китае были уже фактически разгромлены. Двумя месяцами ранее китайская Красная армия, с трудом прорвав гоминьдановскую блокаду, покинула территорию Центрального советского района и, начала долгий изнурительный марш - отступление в глухие окраинные провинции северо-западного Китая, где компартии предстояло начинать с нуля накопление новых сил.

В подготовке пятого по счету, решающего «карательного похода» против советских районов принимала участие группа немецких генералов, в том числе Ганс фон Сект, хорошо известный в кругу советских государственных и военных деятелей как организатор в 20-х годах секретного военного сотрудничества между Германией и СССР в обход Версальского договора. Интересно, что незадолго до поездки в Китай фон Сект, ведущий идеолог рейхсвера, писал о России: «Она может в условиях величайших потрясений радикально менять свою государственную форму, но она останется Россией, которая не даст себя исключить из мировой политики»²⁸.

...Как ни загружен был Елизаров делами в газете, его, обладателя незаурядного темперамента, хватало и на большую общественную работу.

Его фамилия часто встречается в протоколах партсобраний того времени. То он делает доклад об организации охраны огородов, то говорит о выплате рабочим задержанной зарплаты, то выступает в прениях по вопросу о чистке в партии²⁹. Товарищи говорили о нем: «Человек этот большой активности. Невзирая на лица, критикует всех. Один есть у него недостаток - уж очень горяч».

Не без влияния, вероятно, Л.Л.Авербаха, который в свое время был ответственным секретарем главной редакции «Истории заводов и фабрик», Елизаров взялся за написание

истории Уралмашзавода и к моменту отъезда в Китай успел, как будто бы, много написать и даже подготовить к печати. К сожалению, найти эти материалы не удалось.

В свободное время Николай охотно ездил с товарищами за город отдыхать, участвовал в вечеринках, где, по воспоминаниям товарищей, развеселившись, исполнял кавказские танцы с ножом в зубах и пел русские песни.

В начале 40-х годов, находясь уже в Китае, в то время, когда советский народ вел Великую отечественную войну, а Китай - войну против японских захватчиков, Елизаров-Цзян Цзинго написал небольшое проникновенное эссе «Письмо к другу в далекую северную страну» - свидетельство его глубокой привязанности к людям, среди которых он прожил много лет. «Мой славный друг! - восклицал Цзян Цзинго.- Немало благородных идеалов воплощается в жизнь, немало творится великих дел, и всегда это - плод общих усилий товарищей, которые воодушевляют друг друга, имеют общие идеалы и чувства...Уже шесть лет мы не шлем друг другу писем, и я не знаю, воюешь ли ты с врагом на фронте или куешь оружие в тылу. Желаю тебе радости! Желаю тебе идти вперед! Желаю тебе здоровья!»³⁰.

Трудолюбивый, умный, энергичный, общительный - таким помнят Елизарова те, кто был с ним знаком. Вдобавок он был образованным человеком, и уже одно это вызывало уважение к нему среди массы малограмотных людей, съехавшихся на строительство «завода заводов», а затем трудившихся в его цехах. М.С.Аникеева, в прошлом учетчица в одном из цехов Уралмаша, в 1990 году с восхищением рассказывала автору этих строк о том, какой популярностью пользовались лекции Елизарова о международном положении, каким он был простым и приветливым в обращении.

На заводе Николай познакомился с токарем Фаиной Вахревой. Она была, по воспоминаниям знавших ее людей, «девочка очень скромная, умная, все к ней хорошо относились». Фаина была сиротой. Она только что окончила ремесленное училище и жила вдвоем со старшей сестрой. «Фаина лучше всех понимала мое положение, в трудные моменты проявляла сочувствие и протягивала руку помощи», - вспоминал впоследствии Елизаров-Цзян Цзинго. В 1935 году Фаина и Николай поженились, а на следующий год у них родился первенец - сын Эрик.

Окруженный всеобщим уважением и доброжелательностью, Елизаров в ноябре 1936 года подал заявление о приеме в партию, а месяц спустя стал членом ВКП(б).

Однако то была лишь одна, доступная взглядам окружающих сторона жизни Елизарова. Помимо нее, существовала, судя по всему, и другая, невидимая, доставлявшая ему тяжелейшие переживания. В 1934 году, пишет Цзян Цзинго в своих мемуарах, начальник

Уральского управления НКВД вызвал его в свою канцелярию: «Китайское правительство требует Вашего возвращения...Вы должны написать заявление в Министерство иностранных дел о том, что не желаете возвращаться». Спустя несколько дней начальник управления «сообщил мне, что один из секретарей китайского посольства желает побеседовать со мной, и потребовал, чтобы я затем изложил ему содержание беседы. Вскоре беседа состоялась. Кроме секретаря, в ней участвовали еще двое, один из которых, китаец, сидел в соседней комнате. Конечно же, я не посмел выказать свое желание вернуться на родину»³¹.

То, что этот эпизод действительно имел место, косвенно подтверждается воспоминаниями, которыми поделился со мной бывший коллега Елизарова по газете А.П.Панфилов. По его словам, в те годы по редакционным комнатам ходила такая история: «К Николаю приезжали посыльные от отца. Зашли к нему в кабинет. О чем разговаривали, Николай не рассказывал, но шила в мешке не утаишь, мы все равно узнали. Они всячески уговаривали его вернуться, а тот отказался наотрез, накричал на них. Они говорят: напишите письменный отказ - как доказательство, что мы у Вас были. Что ж, он и написал - вроде бы, даже что-то очень резкое».

В январе 1935 года в «Правде» было опубликовано пространное письмо Елизарова матери, в котором он писал, что обрел свое счастье в борьбе за счастье всего человечества, что он будет смело идти дорогой китайской революции. Он объяснял матери, какие замечательные люди коммунисты, вновь резко критиковал действия отца, обвиняя его заодно в грубом обращении с женой. Называл СССР своим отечеством и призывал к борьбе за независимость Китая, за создание советской власти в Китае. В конце он писал, что будет очень рад встретиться с матерью в любой стране, если она сможет выехать из Китая.

Это письмо, в котором сын обращается к родной матери, малограмотной женщине, на казенном языке газетных передовиц, производит странное впечатление: трудно отделаться от мысли, что оно составлено под чужую диктовку. В дневнике же Цзян Цзинго рассказывает, как ему «выкручивали руки» сотрудники Коминтерна, добиваясь, чтобы он подписал подготовленный ими текст. «На четвертый день я не выдержал давления и согласился подписать черновик при условии, что добавлю от себя фразу: «Если вы хотите повидаться со мной, приезжайте в Западную Европу, там мы сможем встретиться». Я рассуждал так: если мои родственники пришлют мне письмо, в котором позовут меня в Европу, то я смогу воспользоваться им, чтобы покинуть СССР»³².

Но встреча в Европе не состоялась. В 1936 - 1937 годах в СССР атмосфера всеобщей подозрительности и выискивания врагов накалилась до предела. Мало кто чувствовал себя в безопасности. О том, чтобы выпустить Елизарова в Европу, не могло быть и речи.

Между тем, в водоворот событий в Свердловске оказались вовлечены близкие к Елизарову люди. Главной мишенью кампании на Уралмаше стал его приятель Е.В.Цетлин, заведующий бюро технического обслуживания, а прежде - председатель ЦК РКСМ, один из сподвижников Бухарина. Пострадал и Авербах, ставший к тому времени секретарем райкома: он оказался в числе тех руководителей, которые «выносили длинные решения и резолюции, кричали о бдительности, а под носом не замечали врагов партии, творивших свои грязные дела. И только поэтому враг партии и народа Цетлин пользовался большим доверием в райкоме, допускался к секретным документам»³³

И это еще не все: Авербахом «была взята линия на выхолащивание идейно-политического значения собраний партии»!

(Вскоре Е.В.Цетлин и Л.Л.Авербах были репрессированы).

Между тем, Авербах был не только товарищем Елизарова, но и дал ему рекомендацию для вступления в партию.

Тут же обнаружилось, что газета «За тяжелое машиностроение» «не развернула должным образом освещения методов предательской контрреволюционной работы Цетлина», и 5 января 1937 года бюро райкома постановило: «Освободить временно исполняющего обязанности редактора газеты тов. Елизарова от занимаемой должности»³⁴. А на районной партконференции в феврале уже зазвучали слова о связи Елизарова с троцкистами.

В этот критический момент нашлись люди, которые защитили Елизарова. Секретарь горкома партии М.В.Кузнецов заявил: «Он учится у нас, он молодой в нашей партии. Мы его послали в такую организацию, где он под руководством городского комитета партии, под руководством городского совета будет выправляться». Этой организацией был горсовет, куда Николая Елизарова направили на работу в качестве заместителя заведующего орготделом.

Было ясно, однако, что положение Елизарова остается крайне ненадежным, и ему нужно приложить все усилия, чтобы покинуть Советский Союз, не дожидаясь, пока из туч, сгустившихся над ним, грянет гром. В дневнике он пишет, что обращался с письмами на этот счет в Коминтерн и к Сталину. К счастью для Елизарова, в этот момент произошли крупные перемены в международных отношениях на Дальнем Востоке. Ввиду угрозы японской агрессии отношения между правительствами СССР и Китая стали опять налаживаться, при активном содействии Советского Союза Гоминьдан и китайская компартия вновь пошли на

сотрудничество. В этих условиях возымели свое действие и просьбы Елизарова-Цзян Цзинго, и усилия Чан Кайши, добивавшегося возвращения сына на родину.

В повороте трех сторон к сотрудничеству заметное место занял драматический эпизод в Сиани, где в 1936 г. военравный генерал Чжан Сюэлян, пользовавшийся определенной поддержкой КПК, взбунтовался и арестовал Чан Кайши. Страна оказалась перед новой вспышкой гражданской войны, которой удалось избежать лишь посредством напряженнейших переговоров. Одной из тем переговоров была судьба Цзян Цзинго, о котором Чан Кайши продолжал тревожиться, находясь под стражей. Получив разрешение переслать письмо жене, он писал ей: “Так как я посвятил свою жизнь революции, то без сожаления умру за ее дело и вернусь к предкам незапятнанным. Что же касается семейных дел, могу сказать одно: я хотел бы, чтобы ты, во утешение духа моего, относилась к моим сыновьям Цзинго и Вэйго как к своим собственным”³⁵. По воспоминаниям одного из крупнейших деятелей китайской компартии Чжан Готао, Чжоу Эньлай во время переговоров сообщил Чан Кайши, что его сын Цзян Цзинго пользуется “сравнительно хорошим обращением”, и “пообещал, что возьмет на себя воссоединение отца с сыном”³⁶

Решение отпустить Елизарова - Цзян Цзинго на родину принималось на высшем уровне. 3 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) без голосования постановило: “Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен”³⁷.

Из воспоминаний китайского посла в СССР Цзян Тинфу: «Перед моим отъездом в Москву в 1936г. супруга Председателя сказала мне, что Председатель желал бы, чтобы его старший сын вернулся на родину. При первой же встрече с заместителем наркома иностранных дел СССР я заявил, что буду весьма благодарен, если удастся выяснить, где находится старший сын Председателя. Он ответил, что это очень трудно, но обещал попытаться.

Однажды ночью 1937 года мне доложили, что какой-то человек добивается встречи со мной, но не желает открыть свое имя. Едва он оказался передо мной, как тут же заявил, что он и есть Цзян Цзинго. Я очень обрадовался. Он спросил меня: «Как Вы считаете, отец хочет, чтобы я вернулся? Я ответил: «Да, безусловно».- «Но у меня нет ни паспорта, ни денег». - «Не беспокойтесь, я все устрою». Он сказал, что женился на русской девушке и имеет ребенка. Я заверил его, что это не меняет воли Председателя. Он посоветовался со мной насчет подарков, и я помог ему выбрать настольное украшение из черного уральского мрамора для Председателя и каракулеву шубу для его супруги.

Спустя некоторое время господин Цзян Цзинго с супругой приехали в посольство поужинать со мной. Его супруга оказалась золотоволосой красавицей, скромной на вид»³⁸.

Ветеран Уралмаша М.С.Аникеева рассказывала мне: «Как-то Николай поехал в Москву - сказал, его вызывает ЦК. Он и раньше туда часто ездил, привозил нам, бывало, гостинцы. На это раз вернулся и говорит: «Давайте прощаться. ЦК посылает меня в Китай с заданием: повернуть отца в нашу сторону». И уехал со всей семьей. А потом пришла телеграмма, и мы по этой телеграмме встретили Елизаровых на вокзале, повидались последний раз, когда они ехали в Китай».

Это было в марте 1937 г. Через месяц Цзян Цзинго должно было исполниться двадцать семь лет.

Да, во-время он покинул СССР!

Потому что очень скоро после этого, в июне в Свердловский горком поступило от некоего Сухих яркое произведение народного творчества в жанре доноса, из которого я процитирую избранные места - на большее меня просто не хватит. Грамматику и стиль сохраняю. Итак:

«На Уралмашзаводе в качестве редактора заводской газеты «ЗТМ» работал ЕЛИЗАРОВ, ставленник и друг врагов народа Кабакова и Авербаха. Твердо уверенный, что он является шпионом японо-китайской разведок, сообщаю нижеследующие факты о его работе и о его связях.

1. В момент разоблачения врага народа Цетлина Елизаров был Кузнецовым, Кабаковым и Кормиловым с Уралмаша, во избежание недоразумений, убран и направлен на работу в Городской Совет в качестве зам. зав. орготдела, где он и работал. На более крупной работе враги использовать Елизарова побоялись...

2. Елизаров имеет три фамилии: а) Елизаров, б) Чан-кайши, так как он родной сын китайского генерала, в) фамилия мне неизвестная по которой он значится членом пленума КИМа.

3. При своих поездках в Москву он имел связи с ВАН-МИН (Коминтерн) от которого получал телеграммы, Ярославским Емельяном, Бруно-ясенским, бывш. князем в данное время профессором Мирским и старался влезть в доверие А.М. Горькому.

.....

6. Елизаров все время был кандидатом ВКП(б) и каким-то весьма странным образом оказался членом партии.

.....

8. Зимой 1935 года на УЗТМ приезжал к Елизарову и к его друзьям какой-то Дрейфус выдававший себя за корреспондента газеты «Юманите» и члена ВКП(б)...Елизаров с Дрейфусом закрывались в кабинете редакции и вели разговоры на английском языке и вместе ездили в театр.

9. Елизаров организовывал на УЗТМ специальные собрания со строго-определенным кругом лиц и эти собрания обязательно совмещались с пьянством. На одно собрание был составлен список на 50 человек и в нем фигурировали фамилии некоторых рабочих-стахановцев, которых враги очевидно вербовали за бутылкой в свою организацию.

10. У меня имеется твердая уверенность, что на Уралмаше имеется крупная контрреволюционная организация, из которой взяты НКВД очень немногие. Многие из нее, по моему мнению, крепко прикрываются партбилетами. Вот неполный список собутыльников и соратников шпионов Елизарова и Авербаха.

Члены партии и кандидаты:

.....

Арестованные органами НКВД:

.....

Исключенные из партии и прочая публика:

.....

Тов...и... работники редакции давали сигналы в обком партии бывшему зав. отделом печати о Елизарове и Авербахе, но он ничего не сделал....

По моему мнению, необходимо немедленно и строго проверить по настоящему каждого из тех, кого я указываю в данном письме, кто еще пока не арестован, но эта проверка и окончательное разоблачение я считаю со стороны НКВД проходит крайне медленно»³⁹.

Нагромождение вздорных обвинений, пропитанные злобой строки - шизофренический бред малограмотного человека? Может быть, и бред, но бред - востребованный, принятый и подшитый к делу Свердловского горкома ВКП(б). Доносительство, возведенное в норму общественной жизни, в гражданскую доблесть, в святую партийную обязанность. Стоит ли удивляться, что и Елизаров, выросший в этой атмосфере, напоследок отправил из Владивостока письмо в Свердловск, обращая внимание парткома родного завода на то, что у директора завода Владимирова брат арестован как троцкист? А Владимиров, крупный организатор производства, в это время уже давал в тюрьме показания на Елизарова?⁴⁰

Впоследствии Цзян Цзинго называл годы, прожитые им в СССР, «самым тяжелым периодом своей жизни». Вероятно, так оно и было. Но едва ли можно согласиться с

утверждениями тайваньских авторов, будто бы «двенадцать лет, проведенные им в России, остались без всякой награды, если не считать того, что он нашел там жену и узнал неприглядную правду о коммунизме»⁴¹. Действительно, орденов Елизаров не получал, хотя был премирован часами как «проделавший огромную работу на развертывании конкретного соцсоревнования в самом крупном цехе завода». А «за организацию первой штурмовой коммунистической бригады, созданной для ликвидации прорыва», имя Елизарова было занесено в Красную книгу ударников⁴². Но дело даже не в этом. Он получил в СССР основательное образование, овладел несколькими специальностями, приобрел опыт руководства, пусть и скромный - разве все это ничего не стоит?

Что же касается «познания правды о коммунизме», то тут не все так просто. Противоречивость и неполнота материалов, имеющих в нашем распоряжении, субъективность любых мемуарных источников не позволяют однозначно судить, насколько глубоким было разочарование Елизарова в идеях коммунизма. Между безусловной преданностью социализму и полным его отрицанием возможны различные промежуточные варианты, когда теневые стороны действительности подвергаются более или менее глубокому анализу, более или менее резкому осуждению, но в любом случае рассматриваются как временные, случайные, а, может быть, и неизбежные отклонения от благородных, а потому неоспоримых идеалов коммунизма в процессе их осуществления. Российская интеллигенция накопила немалый опыт выработки взглядов подобного рода - разнообразных версий «критической веры» в марксистско-ленинско-сталинскую теорию построения светлого социалистического сегодня и еще более светлого коммунистического завтра.

Елизаров мог идти к переосмыслению окружающей его действительности только постепенно и, вероятнее всего, в конце концов он остановился на чем-то вроде этого. Полный же отказ от основ коммунистического мировоззрения для Елизарова - газетчика, ежедневно пропагандировавшего эти основы, едва ли был возможен: такая двойственность обычно приводит к психологическому срыву и разрушению личности. Другое дело, что испытания, выпавшие на его долю, вкупе с тем негативным, что он мог наблюдать с близкого расстояния, наверное, остудили его юношеский романтический энтузиазм, побудили к критическим раздумьям, а впоследствии способствовали эволюции в сторону антикоммунизма.

КИТАЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ, БОРЬБА, ПОРАЖЕНИЕ.

Смена вех.

Итак, мечта отца и сына сбылась: они опять были вместе. Отречение Цзян Цзинго от родителя, его многочисленные нелестные высказывания в адрес Чан Кайши, его совсем свежее коммунистическое прошлое - все это было оттеснено на задний план силой естественных родственных чувств. «Кости и мясо соединились, сын вернулся из России,- записывал в дневнике Чан Кайши.- Разлука длилась двенадцать лет, теперь духи предков могут успокоиться»¹

После недолгого свидания Цзян Цзинго с отцом, а также с Сун Мэйлин в Нанкине молодой паре в порядке адаптации был организован отдых в Ханчжоу, одном из живописнейших мест Китая (по другим сведениям, их свидание в Ханчжоу и состоялось), с тем чтобы к своему дню рождения он мог приехать в родной дом, в Сикоу.

Для маленького городка возвращение знатного земляка после столь долгого пребывания в далеких неизведанных краях было целым событием. Улицы украсились приветственными лозунгами и флагами, у моста на окраине города вдоль дороги выстроилось множество людей. Когда машина с Цзян Цзинго и его семьей поравнялась с толпой, воздух огласился радостными возгласами, захлопали шутихи.

А в родном доме уже поджидала скитальца старая мать Мао Фумэй и огромная родня, близкая и не очень. Рассказывают, кому-то пришлось в голову устроить вернувшемуся сыну небольшое испытание: узнает ли он мать после многолетней разлуки? Мао Фумэй согласилась, и вот в гостиной дома Чанов заняли свои места несколько матрон почтенного возраста. В ожидании редкого зрелища гости набились в гостиную, толпились в дверях. Однако зрелище приняло неожиданный оборот. Когда Цзян Цзинго вошел в зал, переволновавшаяся Мао Фумэй не выдержала. Слезы покатались из ее глаз, и она окликнула сына - назвала его ласковым детским прозвищем. Тут и он не удержался от слез, за ним заплакала Фаина...

Через несколько дней Мао Фумэй, знавшая до тонкостей все обычаи старины и строго соблюдавшая народные традиции, попросила, чтобы Цзян Цзинго и Фаина сыграли свадьбу еще раз, теперь уже на китайский манер. Что и было сделано почтительным сыном и его женой - супругами с двухлетним стажем. Фаина облачилась по такому случаю в пышный наряд - узорчатый красный халат из парчи из атласа и огромный головной убор под названием

«гребень феникса». Цзинго же, как ему и полагалось, щеголял в длинном халате «чанпао», поверх которого была надета кофта “магуа”.

Молодая семья поселилась в двухэтажном доме неподалеку от матери, и Цзян Цзинго, которому выписали учителей, с головой ушел в учебу. Жизнь дала ему особое задание. По воле отца и в силу обстоятельств ему предстояло вернуться в лоно родной культуры и перековаться из марксиста-ленинца в адепта трех народных принципов Сунь Ятсена. Он должен был стать своим в гоминьдановском Китае, другого выхода для него просто не существовало. Сознание необходимости этого плюс авторитет отца плюс злключения, которое Цзян Цзинго претерпел в СССР, вероятно, существенно облегчили ему пересмотр прежних представлений о китайской революции, ее движущих силах, целях и врагах. Хотя, конечно, мгновенной перестройка взглядов быть не могла.

Политическая обстановка в Китае и его история за последние годы, изложенные новыми учителями Цзян Цзинго, резко отличались от его привычных представлений. То-есть, описания фактов могли расходиться или совпадать, их интерпретации могли быть очень близкими или, по крайней мере, совместимыми, однако, полярно противоположными были окончательные оценки: хорошо или плохо, «за» или «против». И это вполне понятно: подлинно революционной партией, ведущей нацию к светлому будущему, Гоминьдан считал себя и только себя, и все попытки компартии оттеснить его от штурвала революционного корабля могли восприниматься только со знаком минус: и как ущемление партийных - а, значит, и множества личных - интересов, и как подрыв дела возрождения нации.

Взгляд на мир из лагеря Гоминьдана, предложенный молодому человеку, только что вернувшемуся с чужой верой из чужого лагеря, мы проиллюстрируем выдержками из почти восьмисотстраничной монографии крупного гоминьдановского историка Чжан Юйфа “Новейшая история Китая” - на наш взгляд, это не менее интересно, чем публиковавшиеся у нас мемуары и исследования европейских противников коммунизма, пусть даже большое количество цитат уведет нас несколько в сторону от основного повествования. Вот что пишет Чжан Юйфа.

О сотрудничестве Сунь Ятсена с коммунистами. «Одним из важнейших мотивов, побудивших Сунь Ятсена пойти на допуск коммунистов в Гоминьдан, было стремление получить помощь от России...Для России предоставление помощи было политической инвестицией, для Гоминьдана же, хотя это и увеличивало его силу, возникал серьезный риск утраты власти... Избранная Сунь Ятсеном линия на союз с Россией и допуск коммунистов не вызывает возражений, а то, что коммунисты заняли в Гоминьдане столь видное место - это

результат ошибок, совершенных при ее осуществлении. Например, русскому советнику Бородину были предоставлены слишком большие права, деятельность коммунистов не была своевременно взята под надлежащий контроль»².

О борьбе КПК за гегемонию. «Вступив в Гомиьдан, коммунисты поспешно занялись расширением своих позиций.

Во-первых, коммунист Тань Пиншань, в руках которого был орготдел ЦИК, посылал своих сотрудников-коммунистов на места расширять сеть партийных организаций. Если не было подходящего коммуниста, он предпочитал не посылать никого. За год с лишним, с апреля 1924 по май 1925 в провинции Гуандун было создано лишь пять уездных отделений партии и все они находились под контролем компартии.

Во-вторых, заведующий рабочим отделом ЦИК Ляо Чжункай был членом Гомиьдана, но сочувствовал коммунистам. Он совмещал тринадцать должностей и занимался профсоюзами. Если новую профсоюзную организацию контролировали коммунисты, Ляо немедленно регистрировал ее, в противном случае чинил всяческие препятствия. Бородин имел возможность лично распоряжаться городским профсоюзом в Гуанчжоу. Всекитайский совет профсоюзов официально вступил в находившийся в Москве красный Профинтерн.

В-третьих, заведующий крестьянским отделом Линь Цзухань и секретарь Пэн Бай были коммунистами. Когда открыли курсы крестьянского движения, не-коммунистам нечего было и думать поступить туда. Работать с крестьянскими массами посылали только коммунистов. Все создаваемые крестьянские союзы и вооруженные отряды контролировались коммунистами...

В-седьмых, компартия с момента своего создания никогда не имела дела с армией. Однако в военной школе Хуанпу коммунисты заняли ответственные посты, руководили преподавательской работой. После создания НРА начальниками политотделов 1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й армий, а также отдела военно-морских сил стали коммунисты (здесь историк называет, в частности, имена будущих крупнейших деятелей китайской компартии и КНР Чжоу Эньлая и Е Цзяньина.- Авт.)...

Приютившись под крылом Гомиьдана, компартия быстро набирала силу.

Получив доступ в Гомиьдан, она приняла решение активно вооружать рабочих и крестьян, раздувать в массах классовую борьбу и одновременно вести работу по расчленению Гомиьдана. Расчленение заключалось в том, чтобы расколоть Гомиьдан на левых, правых и центр; защищать левых, перетягивать к себе центр и бить правых.

После кончины Сунь Ятсена 12 марта 1925г. компартия попыталась захватить доминирующее положение в революции, для начала избрав объектом своих усилий район провинции Гуандун и руководящие сферы ЦИК. Затем, когда начался Северный поход, она стала оспаривать у Гоминьдана новое пространство»³.

О внешней политике компартии. «Внешняя политика компартии заключалась в опоре на СССР и нанесении ударов по Англии и США. Массы в Ханькоу, направляемые Лю Шаоци, 4 января 1927г. заняли английскую концессию, 6 января аналогичные события произошли в Цзюлуэ. 24 марта, когда НРА вошла в Нанкин, толпа напала на английских, американских и других иностранных консулов и миссионеров, шестеро скончались, шестеро получили раны. В ответ последовала бомбардировка Нанкина английскими и американскими кораблями, в результате чего погибло, по разным данным, от 20 до 2000 человек. Такая антианглийская политика ставила национальную революцию под угрозу интервенции»⁴.

О «чистке» Гоминьдана от коммунистов. «Еще до освобождения Шанхая компартия добилась в этом городе довольно больших успехов в рабочем движении. После освобождения города она, воспользовавшись возникшей неразберихой, создала «Шанхайское народное правительство», к которому имел самое непосредственное отношение Чжоу Эньлай. 26 марта 1927г. главнокомандующий Чан Кайши лично прибыл в Шанхай, чтобы навести там порядок. Чэнь Дусю и другие коммунисты решили дать ему вооруженный отпор, что и вынудило главнокомандующего произвести решительную чистку»⁵.

О Кантонской коммуне: роль Коминтерна. «Воспользовавшись вооруженным столкновением между военными левой ориентации и частями, верными Гоминьдану, компартия подняла более двух тысяч рабочих. Под руководством агентов Коминтерна Хайнца Неймана и Герберта Эйслера 11 декабря в Гуанчжоу было устроено восстание, создано Кантонское советское правительство... Восстание было разгромлено. Вину за предыдущие неудачи Коминтерн свалил на «оппортунизм» Чэнь Дусю, теперь вина за поражение, за ослабление компартии была возложена на нового генерального секретаря Цюй Цюбо, проявившего «левацкий авантюризм»⁶. (Поясним: Чэнь Дусю, один из основателей компартии Китая, пять раз подряд избиравшийся ее генеральным секретарем, несколькими месяцами ранее был снят со своего поста. Его обвинили в правом оппортунизме, потом в капитулянтстве, потом в предательстве: “помогал врагу подрывать партию и бороться с революцией”⁷).

О причинах победы Гоминьдана и поражения коммунистов. «За период 1923-1937 годов Гоминьдан превратился во всекитайскую политическую партию, обрел опору в массах. Он

создал офицерскую школу Хуанпу - дал революции вооруженную силу, способную воплотить в жизнь идеал объединения страны. После 1924г. Россия, стремясь превратить революцию под эгидой трех народных принципов в коммунистическую революцию, в течение нескольких лет предоставляла Национальному правительству в Гуанчжоу деньги, оружие, присылала советников, что способствовало укреплению гуанчжоуской революционной базы, осуществлению великого дела Северного похода. За эти 14 лет компартия сначала стремилась захватить место Гоминьдана в революционном движении мирными способами, но не добилась успеха. Будучи вычищена из Гоминьдана, она попыталась соединиться с массами и отнять у него гегемонию с помощью оружия - и опять безрезультатно. Основных причин здесь три.

(1). Гоминьдан обладал совершенной идеологией в виде трех народных принципов Сунь Ятсена;

(2). Партию возглавлял решительный и сильный вождь, твердо стоявший на платформе антикоммунизма;

(3). «Пролетариат», на который рассчитывала КПК, еще не стал серьезной силой в китайском обществе. В то время рабочих в Китае было не более одного - двух миллионов, к тому же психологически они ощущали зависимость от капиталистов. Коммунисты черпали свою силу не в рабочих, а в крестьянском движении Мао Цзэдуна. Но и среди крестьян Мао мог опираться лишь на безработных люмпенов»⁸.

«После кончины Ленина завязалась борьба между Сталиным и Троцким. Троцкий стоял за выход КПК из Гоминьдана и немедленный переход к свержению национальной буржуазии, Сталин же отстаивал союз с Гоминьданом. Поражение Троцкого позволило сохранить союз Гоминьдана и КПК и после кончины Ленина.

И Ленин, и Сталин считали, что сотрудничество Гоминьдана и КПК - это первый этап революции, на котором осуществляется союз с революционными силами буржуазии во имя ликвидации иностранных капиталистов и местных феодальных сил. Следующим этапом должна стать пролетарская революция - свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата. Однако после кончины Ленина Сталин, находясь под влиянием индийского коммуниста Роя и стремясь смягчить противодействие со стороны Троцкого, одновременно с линией на союз коммунистов с Гоминьданом взял курс на вооружение крестьян и рабочих и начал разжигать классовую борьбу, как бы намереваясь слить эти два этапа в один. Это - основная причина, почему замыслы коммунистов были быстро раскрыты. И, поскольку они

представляли угрозу для Гоминьдана, ему ничего не оставалось, как избавиться от коммунистов»⁹.

И еще - о том, что касалось уже непосредственно Цзян Цзинго. «После революции в России был открыт международный Коммунистический университет трудящихся Востока, куда набирали студентов из разных стран Азии. Его окончили Цюй Цюбо, Пэн Шичжи, Чжан Готао (крупнейшие деятели КПК.- Авт.). Затем в Москве специально для китайских студентов был создан Университет трудящихся Китая. Кроме того, китайские студенты обучались в артиллерийском, пехотном, зенитном, военно-политическом и других военных училищах. Согласно подсчетам, в период допуска КПК в Гоминьдан и союза с СССР в Советском Союзе прошли обучение более тысячи китайских студентов. Немалая часть их склонилась при этом к коммунизму, превратившись в серьезную силу, противостоящую Гоминьдану»¹⁰.

Не станем подробно анализировать здесь все эти высказывания - мы привели их только как иллюстрацию нового для Цзян Цзинго видения Китая и здесь отметим лишь одно интересное обстоятельство: представление о не оправдавшем себя «слиянии» в политике КПК двух этапов революции явственно перекликается с мыслями советских ученых, изложенными в 80-х годах. «Преувеличенная оценка своих возможностей, попытка подтолкнуть ход революции, ускорить ее движение к социализму привели к плачевным результатам...Большой скачок влево дорого стоил китайским коммунистам»¹¹, - писал, например, проф. Л.П.Делюсин о революционной волне 1925-1927 годов. Проф. А.В. Меликсетов, говоря о поражении советского движения в Китае, также подчеркивал «утопичность выдвижения стратегической линии на советизацию Китая, на установление диктатуры трудящихся»¹².

А вот свидетельство не историка, отделенного десятилетиями от описываемых им событий, а их авторитетного современника: рассекреченное уже в наше время письмо наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина. Будучи в силу своего положения заинтересован прежде всего в прорыве дипломатической блокады и укреплении международного положения СССР, а не в раздувании «пожара мировой революции», он писал Сталину в 1929 г.: «Как хорошо было бы, если бы Вы, т. Сталин, изменив наружность, поехали на некоторое время за границу, с переводчиком настоящим, не тенденциозным. Вы бы увидели действительность, Вы бы узнали цену выкриков о наступлении последней схватки. Ложная информация из Китая привела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики 1923 - 1926 гг.), вследствие которых так называемый «советский период китайской революции» уже два года заключается в ее полной подавленности»¹³.

Но вернемся к Гомиьдану. Подвергаясь острейшей критике со стороны коммунистов за то, что, по их словам, превратился в партию реакции, капитулировал перед империализмом и сделался его пособником, за попрание народных интересов, за демагогическую игру в демократию, за измену делу Сунь Ятсена и т.п., Гомиьдан, тем не менее, продолжал выполнять свою программу.

В 1928г. ЦИК Гомиьдана объявил об окончании военного этапа революции и вступлении в предусмотренный Сунь Ятсеном шестилетний период политической опеки. Первое означало завершение объединения страны, хотя бы и номинальное, второе - главенство партии над государством.

За десять лет, с начала периода опеки до японской агрессии 1937г., Гомиьдан успел сделать многое: приступил к ликвидации системы неравноправных договоров, восстановив таможенную самостоятельность и возвратив себе 20 из 33 концессий; создал государственную банковскую систему; значительно поднял производство в важнейших отраслях экономики; расширил и модернизировал сеть коммуникаций, вплоть до создания гражданской авиации; реализуя суньятсеновскую концепцию сотрудничества труда и капитала, ввел прогрессивное для полукOLONиальной страны рабочее законодательство¹⁴. И все это - в условиях потери Маньчжурии, которую в 1931г. оккупировала Япония, японского военно-политического нажима на Северный Китай и гражданской войны.

Дальнейшему обновлению страны помешало продолжение японской агрессии: через несколько месяцев после возвращения Цзян Цзинго, 7 июля 1937 г. Япония совершила новое нападение на Китай, для которого началась тяжелейшая восьмилетняя оборонительная война.

Цзян Цзинго трудился в родном городке не один. Вместе с ним курс наук проходил его однокашник по университету им. Сунь Ятсена по имени Гао Ливэнь, которого Цзян Цзинго пригласил к себе в компаньоны. Впоследствии Гао стал одним из его ближайших сотрудников. На уроках политики у Цзян Цзинго оказался еще один компаньон: Чжан Сюэлян, тот самый, который в 1936 году арестовал Чан Кайши в Сиани. Захолустный Сикоу был для него чем-то вроде почетной ссылки, где он находился под наблюдением местных властей, но формально считалось, что он уединился там ради пополнения своих знаний и духовного самосовершенствования.

Чан Кайши потребовал, чтобы его взрослый двадцатисемилетний сын опять взялся за чтение китайских классиков - писателей, историков, философов. Настаивал на изучении трудов Сунь Ятсена и рекомендовал внимательно знакомиться с рассуждениями Цзэн Гофаня, видного военачальника, политического деятеля и публициста девятнадцатого века, известного

в качестве полководца, подавившего крупнейшее в истории Китая тайпинское восстание. Как когда-то в детстве, требовал от сына заучивать наизусть отрывки из классических произведений и записывать замечания, передавал ему прочитанные книги со своими заметками. «Отца беспокоило, что у меня нет глубокого понимания китайской этической философии, что я не проникся идеей национального строительства», - вспоминал впоследствии Цзян Цзинго.

Но задачей номер один стало для Цзян Цзинго совершенное владение родным языком, который он успел основательно забыть: не решив ее, нечего было и мечтать о достойном положении в обществе. Отец писал ему: «Отчет о пребывании в России тебе лучше перевести на китайский самому, чем порекомендовать кому-то. Неловко будет, если сам не справишься. Переведи, а потом попросишь кого-нибудь, кто владеет русским, поправить... Ты должен специально заняться китайским, выучить иероглифику, уметь свободно излагать свои мысли на бумаге»¹⁵.

Младший Цзян занимался с полной отдачей сил. Отец подбадривал его: «Тебе уже немало лет, память не такая свежая, зато сознательность высока».

Пока Цзян Цзинго корпел над книгами, хранившими мудрость предков, и восстанавливал в памяти то, что знал в детстве, преобразуясь из обрусевшего китайца в китайца чистой пробы, Фаина начала энергично вживаться в новый для нее мир. Когда-то она подарила своей подруге Тане Карелиной (впоследствии ставшей чемпионкой СССР по конькам, знаменитой «уральской молнией») свою фотокарточку с надписью: «Таня! Быть может, скоро волны света умчат меня куда-нибудь. Так пусть уж тебе мордочка эта напомнит слово «не забудь». Наивное предсказание сбылось самым невероятным образом! Как ей теперь вести себя, как завоевать расположение окружающих, и прежде всего - всемогущего свекра?

При первой же встрече с Чан Кайши и Сун Мэйлин Фаина оказала им максимальное уважение: сказала, что она - сирота и просит их быть ей родителями. Через несколько месяцев Чан признал выбор сына и дал невестке имя Цзян Фанлян¹⁶, где «Цзян» - фамильный иероглиф, «фан» означает «правильный, честный», а «лян» - «добродетельный». Внука Эрика он назвал именем Сяовэнь («сяо» - почтительность к родителям, «вэнь» - просвещение).

В Сикоу у Фаины появилась преподавательница китайского языка - жена Гао Ливэня, также учившаяся в университете им. Сунь Ятсена в Москве. Она стала для Фаины и переводчицей, и секретарем. Через год Фаина могла уже уверенно разговаривать с окружающими на бытовые темы на местном нинбоском диалекте. Довольно скоро она вошла

в роль хозяйки обеспеченной китайской провинциальной семьи. Она растила сына, не будучи белоручкой, вместе с прислугой убиралась в доме, стирала, ходила по магазинам. С удовольствием ездила на велосипеде за покупками в находившийся неподалеку уездный город Фэнхуа. В свободное время играла в мацзян. И каждый день утром и вечером сопровождала свекровь на ее прогулках.

Мао Фумэй подробно рассказывала Фаине, какие праздники и как полагается отмечать по лунному календарю, учила ее народным обычаям и традиционным обрядам. Фаина старалась как можно лучше выучить все это: Чан Кайши хотел, чтобы его невестка вела себя как настоящая китайская женщина. Того же, разумеется, хотела и сама Фаина и, похоже, ей это удавалось с каждым днем все лучше.

Словом, у Фаины-Цзян Фанлян стала складываться в новой стране вполне благополучная жизнь. По крайней мере, так казалось со стороны и так ее описывают тайваньские авторы. Через год после приезда в Китай Фаина подарила мужу дочку, которой Чан Кайши дал имя Сяочжан (выбранный им иероглиф «чжан» означает «яркий, красивый»).

Очищение нравов в отдельно взятом округе.

Цзян Цзинго корпел над книгами восемь месяцев, пока губернатор провинции Цзянси, заручившись согласием Чан Кайши, а, может быть, по его просьбе, не предложил молодому человеку с не очень понятным образованием и сомнительным коммунистическим прошлым должность не из тех, что на виду, но и не из плохоньких: заместитель начальника отдела безопасности в провинциальной администрации с чином генерал-лейтенанта. К этому времени бывший большевик уже созрел в достаточной мере для работы в гоминьдановской системе. Он, по всей видимости, расстался с идеями марксизма-ленинизма-сталинизма, с концепциями диктатуры пролетариата и мировой социалистической революции или, по крайней мере, перестал считать их бесспорными.

Вместе с тем он вовсе не чувствовал себя школяром-переростком, способным лишь на то, чтобы выслушивать поучения новых мэтров. Наоборот, его советское прошлое, соединяясь с китайским настоящим, рождало вихрь мыслей, требовавших выхода. Он рвался к живому делу, тем более, что боевые действия складывались неудачно для Китая, японские войска стремительно наступали, война приняла общенациональный характер, и продолжать уединенную жизнь было для него почти непереносимо. Он говорил: «У меня полно идей, дайте мне испробовать их. Надо же нам, наконец, двигаться вперед. Я хочу проверить себя там, где труднее»¹⁷.

Между тем, генеральская должность его в провинциальной столице Наньчане оказалась чистойшей синекурой, без прав, но и без четких обязанностей, при желании даже на службу можно было не являться. Такая жизнь Цзян Цзинго не устраивала. Его друг Гао Ливэнь писал в своих мемуарах: «Младший Чан не терпел безделья, был легок на подъем. Он только что вернулся из СССР, где привык жить в напряженном ритме. Все ему было чуждо в нашей полуфеодальной, полуколониальной бедствующей стране. Безделье томило его, ему не сиделось в кабинете». И далее: «Цзян Цзинго говорил, что хочет делать полезную работу. Но что это такое, представлял себе весьма смутно, проще говоря, был недоволен порядками в обществе, особенно действиями властей»¹⁸.

Скоро он получил, что хотел: новые обязанности и много новых хлопот. Все они были так или иначе связаны с политическим или военным обучением и воспитанием молодежи. Он занял по совместительству ответственные должности в провинциальной политической академии (нечто вроде курсов повышения квалификации для молодых сотрудников провинциального аппарата, но с военной дисциплиной), в отделе военной подготовки, в штабе местной молодежной организации. Он организовал курсы для новобранцев, и через месяц первый их выпуск, семь тысяч человек, отправился на фронт воевать с японцами.

Впечатление от Цзян Цзинго складывалось у окружающих самое хорошее: прост в обращении, легко сходится с людьми, не отделяет себя от солдат, живет с ними под одной крышей, питается из одного котла...Эти качества сохранились у него на всю жизнь и очень помогли ему, когда - десятилетия спустя - пришло время создавать демократию на Тайване.

Демократизм молодого Цзяна не был показным. Он, действительно, стремился облегчить службу солдатам: не позволял бить и оскорблять их, следил, чтобы не урезали их порции, заботился об их быте. И об их душах тоже, пытаясь привить им дух оптимизма, воспитывая офицеров на принципах Ван Янмина, любимого философа отца. (Ван Янмин проповедывал соблюдение в практической жизни твердых моральных принципов, призывал к «единству знания и действия»). Цзян Цзинго написал даже брошюру о работе с солдатами.

Среди новых обязанностей Цзян Цзинго было одно задание особого порядка: опекать дислоцированный в Наньчане отряд советских летчиков, которые с 1937 года принимали участие в войне китайского народа против японской агрессии. Мне посчастливилось в 1992 году беседовать с одним из наших летчиков, генерал-лейтенантом А.С. Благовещенским, служившем в том самом отряде. Я приведу здесь выдержки из его рассказа, хотя не все они касаются прямо Цзян Цзинго: они стоят того.

«Я работал испытателем. Однажды меня вызвали к начальству:

- Не хотите ли поехать за границу, принять участие в боевых действиях?

- Куда, в Испанию? - был естественный вопрос.

- Нет, немного подальше.

В декабре 1937 года я очутился в Наньчане в качестве командира истребительной группы. В ней было сто наших самолетов и десять китайских, одного из китайских летчиков я взял к себе в звено. К своей радости, я встретил там полковника Чжана, с которым в конце двадцатых учился в Борисоглебской авиационной школе. Всего там училось около двадцати летчиков из Китая, их прислал Чан Кайши, настроены они были по-революционному, как коммунисты. Теперь Чжан оказался командиром нашей наньчанской авиабазы и обеспечивал нас всем необходимым, всегда охотно помогал нам.

Поскольку Цзян Цзинго опекал наших летчиков, я виделся с ним чуть ли не каждый день. Отношения у нас были самые дружеские, он был прекрасным человеком, очень располагал к себе, постоянно спрашивал, не нужна ли какая-нибудь помощь. Говорил, что остается членом ВКП(б) и даже показывал нам свой партбилет.

Однажды Цзян Цзинго привел к нам в клуб на сеанс «Чапаева» курсантов разведшколы, где он был начальником, человек двести, поднялся на сцену и сам переводил всю картину, с начала до конца. Когда по ходу фильма Чапаев бил белых, курсанты восторженно аплодировали.

Он рассказывал нам о своей последней встрече со Сталиным: «Сталин вызвал меня и говорит: «Вот-вот грянет война. Чан Кайши обратился к нам за помощью, мы даем ему оружие, боевые самолеты. Напиши отцу письмо - примет ли он тебя и твою семью?» Скоро пришел ответ - и так я вернулся в Китай».

...Были мы знакомы и с Фаиной, женой Цзян Цзинго. Несколько раз мы с нашим комиссаром обедали у нее дома. Очень скромная, добрая женщина. У нее было два телохранителя с маузерами, один из них понимал по-русски. Последний раз мы встретились уже накануне моего отъезда. Фаина отослала телохранителя за водой, а когда мы остались вдвоем, сказала мне:

- Алеша, приедешь на родину - поцелуй за меня родную землю!

- Да ты сама еще вернешься!

- Нет, это невозможно!

К этому времени у нее уже было двое детей».

Видно, Фаина с трудом привыкала к жизни в чужой стране, ностальгия терзала ее, хотя со стороны, возможно, это и не было заметно.

«...Бои были тяжелыми,- продолжал Благовещенский.- Наши истребители И-16 с убаирающимися шасси превосходили японские по скорости, даже наши бомбардировщики СБ обгоняли их. Но нам не доставало опыта. Бомбардировщики вместо того, чтобы уходить, сбивались в плотный строй, превращаясь в удобную мишень для противника.

Мне попало в первом же бою - пуля скользнула по ребрам, но японца, который меня обстрелял, я сумел сбить. В другом бою меня подбили. Я сел на рисовое поле, смотрю, бегут ко мне крестьяне, что-то угрожающе кричат, наверное, приняли меня за японца. Тут я достал удостоверение - такое было у всех наших летчиков, нечто вроде мандата с требованием оказывать нам всяческую помощь. Крестьяне, скорее всего, были неграмотными, но на удостоверении был изображен государственный флаг и, увидев его, они, действительно, помогли мне вернуться в часть.

С китайскими летчиками, с населением у нас были прекрасные отношения. В 1985 году я ездил в КНР в составе делегации и встретился там с летчиком У Дичэном, с которым за полвека до того вместе воевал в Китае. Мы обнялись как старые друзья. Моим ведомым был летчик Чинг Те Ло. По слухам, он стал потом заместителем командующего ВВС на Тайване.

Были, однако, среди китайского персонала и враждебные нам люди, и диверсанты. Не берусь судить, на кого они работали. Однажды мне было приказано перегнать трофейный японский самолет. На взлете самолет сорвался и упал в оросительный канал. Потом оказалось, что в бензобак был засыпан сахар. К счастью, я легко отделался - шрамом на лбу.

В августе 1938 года я вернулся из Китая. На прощанье мне вручили подарок: портрет Чан Кайши с именной надписью. В Москве нарком Ворошилов поздравил меня с самой высокой наградой - званием Героя Советского Союза. Тут же мне дали путевку в санаторий в Сочи. В то время Героев Советского Союза у нас было немного, в Сочи ко мне хлынули корреспонденты. А указа о присвоении звания все нет! Официантки уже начали на меня коситься: не самозванный ли я Герой?

Закончился отпуск, я возвращаюсь в свою часть в Чкаловск, а мне говорят: «Нет указания допустить тебя к работе, сиди и жди». После чего посылают в другой санаторий, под Москвой, «писать дополнительный отчет», а фактически - под домашний арест. Что со мной будет?

Вдруг вызывает меня Ворошилов, показывает какую-то папку и говорит: «В этой папке - письмо от одного твоего «друга». Он сообщает, что ты привез из Китая оружие для врагов народа, а в Китае умышленно загорбил японский самолет, который нам был нужен как образец японской авиационной техники. Но,- продолжает Ворошилов,- нашлись порядочные

люди, Жигарев и Дратвин, написали на тебя отличные характеристики, и теперь твое дело закрыто. (П.Ф. Жигарев - руководитель группы советских летчиков в Китае, впоследствии - главный маршал авиации, главнокомандующий ВВС; М.И. Дратвин - военный атташе, главный военный советник.- Авт.). Работай спокойно. А портрет Чан Кайши сдай куда надо, от греха подальше, а то будут таскать потом». Само письмо Ворошилов мне не показал.

Мне вручили удостоверение номер 99 Героя Советского Союза и направили на учебу в Академию Генштаба...».

О героических подвигах советских летчиков-добровольцев, помогавших китайскому народу отражать японскую агрессию, написано немало. В 1986 году в Москве вышла книга о них под названием «В небе Китая. 1937-1940». Но вот что досадно: гражданская война в Китае, а затем «холодная война» воздвигли между людьми барьер вражды и отчуждения, за которым память о героях бесследно испарилась.

В конце 80-х годов мне пришлось рассказывать о наших летчиках-добровольцах американскому корреспонденту одной крупной тайваньской газеты. Я рассказал ему, среди прочего, что в феврале 1938 года советские самолеты нанесли мощный бомбовой удар по японской базе на Тайване, расположенной недалеко от Тайбэя, после чего японское правительство сместило губернатора острова, а комендант аэродрома покончил жизнь самоубийством, сделав себе харакири¹⁹. Мой собеседник ни поверил ни одному моему слову!

- Коммунистические выдумки, - сказал он наставительно.- Всем известно, что в войне с Японией Китаю помогали только США, и никто больше.

- Но, ведь, есть масса свидетельств, статьи в газетах и журналах, книги,- возразил я.

- В Вашей стране,- отчеканил он,- могут выдать за истину что угодно. Почитайте разоблачения в ваших собственных газетах. (Надо сказать, в тот период наша пресса, действительно, была полна разоблачительных материалов).

- Но, ведь, в Ухани стоит памятник погибшим советским летчикам!

- Наверняка его поставили коммунисты...

Так мне и не удалось переубедить моего упрямого собеседника.

Из письма Чан Кайши от 22 июня 1939 г. на имя И.В.Сталина (из архива Президента РФ, публикация акад. С.Л.Тихвинского):

«Многоуважаемый г-н Сталин!

Наша страна уже более двух лет ведет войну с Японией.

Благодаря глубоким симпатиям всей армии и народов Советского Союза, находящихся под Вашим руководством, нам оказывается материальная и моральная помощь, в результате

которой мы можем осуществлять длительную освободительную войну. За это мы Вам глубоко благодарны...»²⁰

Но вернемся к истории Цзян Цзинго.

Заработав, так сказать, производственный стаж, он поступил на двухмесячные курсы повышения квалификации партийных работников при ЦИК Гоминьдана. Чан Кайши придавал огромное значение партийной учебе. На протяжении всей истории Гоминьдана бесчисленные курсы, школы, институты, академии готовили легионы функционеров для партийной работы. Учеба в Центральной партийной школе считалась залогом успешной будущей карьеры. По окончании курсов Цзян Цзинго получил повышение: был назначен специальным уполномоченным - контролером по одному из административных округов провинции Цзянси.

Округ назывался Ганьнань, что означает «Южная Цзянси». В него входили одиннадцать уездов, и номинально задача спецуполномоченного состояла в проверке работы уездных начальников. Однако Цзян Цзинго с самого начала стал действовать как полномостный хозяин округа - никакого другого начальника в округе не было. Плюс к этому он сделался начальником и руководителем службы безопасности одного из одиннадцати уездов.

Округ представлял собой горную глухомань, где местные богачи и чиновники, чувствуя себя полными хозяевами, творили произвол и где сложились, можно сказать, идеальные условия для действий коммунистических партизанских отрядов. Большая часть округа несколько лет контролировалась Красной армией, пока в ходе кровавых боев ее не вытеснили гоминьдановские части. Именно здесь, в Цзянси, находился до конца 1934 г. Центральный советский район.

После поражения Советов помещики вернулись в деревни и вновь обрели былую силу. Возродилось и коррумпированное чиновничество. Сбор налогов опять превратился в беззастенчивый грабеж, воинская повинность - в предмет открытого торга. Под покровительством местных властей процветали опиекурильни и игорные притоны. Бандиты безбоязненно пускали в ход оружие.

При этом чиновники, включая предшественника Цзян Цзинго, были в руках у местных заправил-«шэньши». Когда кто-либо из таких тузов появлялся на улице, скажем, с супругой, в парадных одеждах, в сопровождении отряда собственных охранников - горе было попавшему навстречу чиновнику, если он не поклонился: он вполне мог сменить свое кресло в присутствии на место за решеткой. Народ же ненавидел чиновников, случалось, доведенные

поборами до отчаяния люди связывали их и избивали. На этом бунтовской порыв обычно и заканчивался.

Словом, в Ганьнани происходило то же самое, что и во многих других местах гоминьдановского Китая.

Против таких порядков и пошел Цзян Цзинго.

Придя первый раз в ветхую фанзу, где размещалась его канцелярия, и зайдя в свой кабинет, он не обнаружил там ни листа бумаги и ни единой кисти для письма - лишнее доказательство прозябания прежнего спецуполномоченного. Но старт был дан, и Цзян Цзинго - а он был мастер по части лозунгов - с ходу сочинил там звонкий призыв: «Построим новую Ганьнань, за ней - новую Цзянси, за ней - новый Китай!».

Вскоре он издал приказ, запрещающий курение опиума, азартные игры и проституцию. Не все сразу поняли, что с новым начальником шутки плохи. Но тот, собрав вокруг себя сплоченную команду единомышленников (в их числе был и Гао Ливэнь), действовал круто. Жена начальника соляного управления за нарушение нового закона получила приговор: простоять трое суток на коленях перед памятником погибшим воинам в парке имени Чан Кайши, а потом отбыть шесть месяцев принудительных работ. Некий высокий чин, организовавший карточные игры в помещении госбанка под защитой вооруженной охраны, был схвачен, охрана расстреляна. Кое-кто был приговорен к смертной казни за курение опиума.

Но очищение нравов средствами террора было лишь одной стороной дела. Цзян Цзинго предложил вниманию сограждан, не избалованных вниманием властей, новый, замечательно звучащий лозунг: «Каждому - одежду, жилище, пищу, работу, книги» («пять даяний») и, начиная с малого, стал этот лозунг выполнять. Он открывал столовые для бедняков, приюты для бездомных, «школы нового человека», где бывшие преступники могли получить квалификацию. Поскольку время было военное и население страдало от роста цен и инфляции, а правительство бездействовало, новый спецуполномоченный со своими сотрудниками организовал кооператив «Новая Ганьнань» и товарную биржу, взял под контроль торговлю основными продовольственными товарами: рисом, солью, маслом, нанеся тем самым удар по спекулянтам. Гордостью Цзян Цзинго стал поселок под названием Новый Китай, для обитателей которого были построены ясли, детсады, начальная и средняя школы. От внимания нового главы округа не укрылось такое явление, как расточительность традиционных свадебных церемоний, и он издал указ о проведении коллективных свадеб...

Корреспондент столичной газеты, посетивший Ганьнань в 1943 году, писал: «Повсюду видны признаки обновления. На холме Сыхуашань прежде было восемнадцать гнезд проституции, множество опиекурилен и игорных притонов. Они высасывали пот и кровь шахтеров, губили их жизни. Комитет благосостояния шахтеров объявил им борьбу... Сейчас ростовщичество изжито благодаря системе разумных кредитов. Клубы, библиотеки стали местом отдыха шахтеров»²¹.

Все это было в диковинку жителям Ганьнани, равно как и стиль работы нового спецуполномоченного. Он работал самозабвенно, был трудоголиком, как сказали бы мы сегодня. Рассказывают, что на двери своего учреждения он повесил табличку с шутливой надписью: «Бюрократам вход воспрещен. Богатеев просят выйти». Он отказался от услуг рикши, полагавшегося ему по штату. Не равнясь на старых чиновников, любивших напускать на себя важность, в простой куртке и туфлях из рисовой соломы он ходил и по темным городским переулкам, и по дальним деревням, заводил беседы со встречными. Он прошагал пешком сотни километров, трижды обошел всю Ганьнань, знал наперечет все мосты и оросительные каналы в округе.

Неудивительно, что простые люди Ганьнани прониклись симпатией к своему спецуполномоченному. За улыбчивость, доброжелательность его прозвали «Цзян - ясное небо».

Симпатии окружающих завоевала и Фаина. Им нравились ее вежливость, скромность, мягкость. Нравилось, с какой старательностью она изучает китайский язык, национальные обычаи. Выучив несколько полюбившихся ей арий из китайских опер, она пела на вечеринках, на концертах самодеятельности. Понемногу она начала вырастать из роли домашней хозяйки: стала попечительницей детского сада (правда, пока что номинальной), произносила речи на торжественных собраниях, призывая слушателей вносить свой вклад в войну против японских агрессоров и в строительство новой Ганьнани.

Время от времени ей приходилось сопровождать мужа в командировки. Свидетели рассказывают, что однажды ей довелось в качестве почетного гостя побывать в цехах механического завода. Попав в знакомую обстановку, Фаина неожиданно попросилась к станку и под пристальными взорами сопровождавшего ее заводского начальства и работниц цеха выточила деталь, потом вторую. Попросила инженера проверить - все допуски были выдержаны. Раздались аплодисменты²². Какие чувства испытала Фаина в этот момент? Что подумала о своей судьбе?...

Едва ли можно сомневаться, что секрет успехов Цзян Цзинго лежал, помимо всего прочего, и в его советском прошлом - собственно говоря, в сознательном возрасте никакого

другого прошлого у него и не было. Во-первых, в СССР он в реальности наблюдал сильную социальную политику государства, пусть даже она могла сосуществовать со сверхэксплуатацией населения тем же государством, с пренебрежением к элементарным человеческим нуждам, с массовыми репрессиями. Государственный патернализм вполне соответствовал и принципу народного благосостояния в учении доктора Сунь Ятсена, которое было главным предметом штудий Цзян Цзинго в Сяоу. Во-вторых, в Советском Союзе Цзян Цзинго с его природной общительностью и незаурядными лидерскими способностями на практике освоил методы работы с аудиторией, тонкости пропаганды и агитации. Китайские исследователи отмечают, что гоминьдановские функционеры в большинстве своем такого рода навыками не владели. Цзян Цзинго же постоянно напоминал о необходимости интенсивной пропагандистской работы, о важности воспитания масс. И не только напоминал.

В Ганьчжоу, столице его округа Ганьнань, выходило две газеты: орган горкома партии и частная. Цзян Цзинго, профессиональный газетчик, наладил в своем управлении выпуск новой газеты и, кроме того, стал выпускать специальное издание для молодежи. Две тысячи экземпляров его газеты продавались в городе, тысяча с лишним распространялась в других городах провинции, несколько экземпляров, по воспоминаниям очевидцев, отсылалось в районы, контролируемые компартией.

Цзян Цзинго много писал, часто выступал на разного рода собраниях, в которых и в ту трудную военную пору не было недостатка. Он оживлял рутинные мероприятия - совещания начальников уездов - своими красочными рассказами о светлом будущем округа. Опубликованные тексты его многочисленных докладов и статей дышат неподдельным энтузиазмом.

Интересно, что в идеологическом багаже, привезенном им из СССР, обнаружились такие постулаты, которые при соответствующем переосмыслении оказались близки к идеологическо-пропагандистским установкам Гоминьдана. Это, главным образом, идеи мобилизационного характера: приоритет интересов государства и народа перед личными интересами, революция как высшая задача нации (мы не говорим сейчас о содержании самого понятия революции), партия как безусловный лидер революции, самоотверженный труд во имя общего блага, скромность в личных потребностях, обязательный оптимизм и т.д.

Целый ряд статей и докладов, написанных Цзян Цзинго в Китае в 40 - 50-х годах, без особой правки мог бы быть помещен в советской печати, по крайней мере, большие выдержки из этих статей. Таковы, например, «Партия - душа революционной армии», «Революционная

дружба - великая сила», «Выполнить свой долг - служить массам», «В борьбе, жертвуя собой, выполним трехлетний план» и т.п.

Вот примечательная деталь: Цзян Цзинго и в России, и в Китае охотно приводил в своих выступлениях известную сталинскую формулу «кадры решают все». В речи «Сделаться стальным китайцем»²³ он повторяет этот лозунг и, развивая его, перечисляет наиболее типичные недостатки, присущие революционным кадрам: разболтанность, показуха, неискренность, своекорыстие - а затем предлагает для их исправления такие испытанные лекарства, как строгая дисциплина, открытая критика недостатков, самокритика и т.п. Российский читатель легко узнает в этом тексте советские реалии давних и не столь давних лет.

Став руководителем, хотя и невысокого ранга, но проводящим собственную линию, Цзян Цзинго очень скоро почувствовал, как важно иметь не только группу ближайших помощников, но и широкую опору в виде преданных его идеям и ему лично кадров. А так как ему очень нравилось работать с молодежью, то он начал сам готовить такие кадры и занимался этой деятельностью вплотную много лет, что давало ему преимущества в политической борьбе. Говоря о кадрах, будь то административных или партийных, он переходил на поэтический стиль: «Каждый такой работник - это светлая лампа в темноте, это свая моста посреди бурного потока, он выполняет благородную задачу преобразования общества».

В 1938 году на территории, контролируемой Гомиьданом, по решению партийного руководства была создана единая молодежная организация - «Союз молодежи на основе трех народных принципов» («нарсомол»). Возглавил Союз сам Чан Кайши. Вскоре в провинции Цзянси была начата организация отделения Союза, и младший Чан стал председателем подготовительного комитета. В этом качестве он организовывал молодежные школы и летние лагеря, охотно принимая на себя директорские обязанности. Учащиеся шутливо-уважительно давали этим заведениям названия прославленных учебных заведений: «Школа Хуанпу», «Антияпонский университет».

Цзян Цзинго воспитывал молодых людей в духе самоотверженного служения общественным идеалам. Он внушал им: «Нарсомол - это не клуб для кавалеров и девиц». Слушатели курсов чем-то напоминали нашу комсомолию двадцатых годов с ее максималистским отрицанием нарядов и танцев. В созданной Цзяном «группе закалки молодых кадров» считалось, что девушки не должны вести себя как барышни, и все называли друг друга братишками...

В этот период в жизни Цзян Цзинго произошло трагическое событие. Напав на Китай, японские войска, уже до того оккупировавшие Маньчжурию, быстро захватили обширные районы в северной, центральной и южной частях страны, после чего перешли к операциям локального масштаба. Ганьнань, где работал Цзян Цзинго, и его родное Сикоу оказались не столь уж далеко от линии фронта, и японская авиация начала совершать налеты на эти места. Во время одного из таких налетов, 2 ноября 1939 г. жертвой бомбежки стала его мать.

Ее приятельница вспоминала: «Госпожа Мао Фумэй неустанно заботилась о бедных и больных в своей округе и снискала их любовь. Сын много раз звал ее к себе в Ганьнань, но она не могла покинуть свой дом и оставить своих подопечных. В последний раз господин Цзян Цзинго с супругой и домочадцами на коленях умоляли ее, говорили, что не встанут, пока она не даст согласие. Наконец, госпожа Мао Фумэй уступила и стала собираться в дальний путь. Было назначено время отъезда. Но как только стало известно о ее решении, родные и посторонние стали стекаться к ее дому, падали на колени и умоляли не уезжать. Кончилось тем: что почтенная Мао Фумэй, растрогавшись, решительно заявила: «Не еду!». И больше об этом никогда не было и речи».

Из воспоминаний начальника уезда Фэнхуа: «Секретарь сообщил мне, что японские самолеты бомбили Сикоу, после чего госпожа Мао Фумэй пропала. Я немедленно отправился в Сикоу. Выйдя из машины, я увидел группу людей, раскапывающих развалины. К исходу ночи из-под обломков показалась рука с золотым браслетом на запястье. Браслет узнали: он принадлежал госпоже Мао. Господин Цзян Цзинго был в то время спецуполномоченным в Ганьнани. Узнав о трагедии, он бросил все дела и примчался в Сикоу...Он увидел бездыханное тело матери, припал к нему и зарыдал. Стоявшие рядом плакали, у меня тоже текли слезы из глаз».

На месте гибели матери Цзян Цзинго установил камень, на котором были вырезаны иероглифы, написанные его рукой: «Кровь смывается кровью».

В 1945 году в годовщину кончины матери Цзян Цзинго записал в дневнике: «Это - самая тяжелая потеря за всю мою жизнь. Шесть лет не стихает боль»²⁴. А тогда, в ноябре 1939-го, похоронив мать, он вернулся в свой округ и опять с головой окунулся в любимое дело - строить величественное здание новой Ганьнани.

Впрочем, реформаторские планы Цзян Цзинго, если говорить о них по большому счету, были обречены на провал. На то были по крайней мере две причины. Одна из них: самому ему, молодому администратору, с его искренними благородными порывами, нужно было еще пройти долгий путь, чтобы стать зрелым творцом реформ. Он переделать мир хотел и

увлекался красивыми социальными фантазиями, не особенно задумываясь, насколько они осуществимы. В 1940 году он составил трехлетний план развития Ганьнани и добился того, что руководители округа приняли его, но сам план состоял из одних деклараций²⁵. В 1943 году, воспроизводя ритм советских пятилеток, Цзян Цзинго опубликовал новый план, теперь уже пятилетний.

План захватывал воображение. Девятый пункт его, например, предусматривал: сделать все уездные столицы образцовыми современными городами, двадцать восемь небольших городков также превратить в города современного типа, население главного города округа, неходящее до ста тысяч, увеличить до пятисот тысяч человек. Среди поставленных в плане задач особый упор делался на выплавку стали, чугуна и меди. Такой план просто не мог не привлечь внимания прессы!

Крупная газета «Дуннань жибао» с корректностью, за которой угадывалась легкая ирония, писала: «Народ с надеждой воспринимает пятилетний план господина Цзяна: он позволит обогнать СССР и даже приблизиться на шаг к США... Увы, даже приложив все силы, осуществить эти желания отнюдь не просто. Выплавка стали или меди, как и машиностроение - это тяжелая промышленность, для развития которой у нас пока нет базы. На словах все легко, но поинтересуйтесь, много ли у нас во всей стране металлургических или машиностроительных заводов. А здесь хотят построить такие заводы силами одного округа - одиннадцати уездов. Да не один завод, а три - четыре, и всего за пять лет, и включают эту задачу в план. Мы аплодируем их смелости».

Знал бы автор статьи, что Цзян Цзинго сначала хотел включить в план пункт об электрификации Ганьнани, для чего потребовалось бы, помимо всего прочего, мобилизовать массу людей на земляные работы, а это было абсолютно невозможно в условиях военного времени, когда рабочих рук нехватало даже для ремонта оросительных каналов! Гао Ливэнь, ставший одним из членов «мозгового центра» Цзян Цзинго, с трудом отговорил его от этого замысла.

Экономический романтизм молодого реформатора буквально бросался в глаза. Стоит ли, однако, осуждать его за это? Очевидно, стремление одним прыжком решить проблемы кризисного времени - это закономерное свойство психологии и элиты, принимающей решения, и массы, ее поддерживающей, короче говоря, свойство человеческого сознания. История дает немало примеров авантюрных экономических «скачков», придуманных даже не одиночным дилетантом-реформатором, а государственными деятелями, имевшими в своем распоряжении экономические институты, органы планирования, органы статистики и т.п.

Еще одна причина, почему нововведения Цзян Цзинго не могли завершиться успешно: они имели ясно выраженную социалистическую направленность, поскольку ограничивали в интересах массы власть верхних слоев местного общества, и чем дальше, тем больше. Цзян Цзинго называл своих противников «феодальными силами» и призывал решительно очистить от них Ганьнань. К таковым силам он относил «тухао» (очень приблизительно: «кулаки-мироеды»), «лешэнь» (местные заправилы-«шэньши» худшего типа), люмпенов, бродяг и разбойников, иными словами, круг тех, на кого Цзян Цзинго замахнулся, был сравнительно узок - хотя и не так уж мал и не так уж слаб. На этом, однако, Цзян не собирался останавливаться. Он опубликовал, например, очень интересный проект аграрной реформы, который предусматривал перераспределение земли в округе по числу едоков. Сверхнормативные участки земли должны были выкупаться Крестьянским банком по ценам, установленным на крестьянских сходках, а затем сдаваться крестьянам в аренду, с тем чтобы в течение пяти лет расходы могли окупиться. (Сходные принципы легли впоследствии в основу аграрной реформы на Тайване).

Все это вызывало во влиятельных кругах Ганьнани раздражение и тревогу. Раздражение против пылкого реформатора копилось постепенно и проявлялось осторожно: он действовал круто, за ним незримо маячила фигура его отца, и его боялись. Однако в местных партийных сферах поползли слухи, которые достигли столичного Чунцина: в Ганьнани насаждают социализм советского образца! Говорили даже, что Цзян Цзинго - скрытый коммунист, и округ его скоро станет красным. Указывали, что у него в помощниках ходят дружки из московского университета имени Сунь Ятсена. В связи с этими слухами в 1940 году аппарат спецуполномоченного укрепили двумя надежными работниками из Чунцина, из Центральной Политической школы...

Надо сказать, что ни социалистическая окраска реформ Цзян Цзинго, ни его демократический стиль общения не мешали ему быть жестким администратором, способным сурово покарать ослушников. Похоже, жестокость легко пробуждается в человеке, захваченном идеями всеобщего переустройства во имя всеобщего же блага. Когда в 1941 году в одном из уездов Ганьнани начались шахтерские волнения, первым побуждением Цзян Цзинго было подавить их с помощью солдат. Его остановили возражения его советников, в том числе Гао Ливэня, который, в конце концов, сам отправился к шахтерам и договорился с ними о возобновлении работы²⁶.

Цзян Цзинго успел сделать в Ганьнани немного, но научился многому. В 1943 году его перевели на работу в Чунцин - временную столицу, куда правительство эвакуировалось еще

в 1938 г. из Уханя. В Ухань же оно, спасаясь от японского наступления, переехало годом раньше из Нанкина

С уходом Цзян Цзинго все его радужные планы реформ в Ганьнани рассыпались в прах. Еще год после этого он формально сохранял за собой должность спецуполномоченного по Ганьнани, но делами округа фактически уже не занимался.

Вырастить сторонников.

К этому времени Цзян Цзинго приобрел вкус к роли лидера, а заодно сделал для себя важнейшее открытие: сторонников можно найти на любой работе, но нигде нельзя завоевать их так много и так быстро, как на ниве воспитания молодежи - если, конечно, воспитывать ее умно. Цзинго же был умелым вожаком. Он быстро научился завоевывать сердца. В 1943г. на съезде цзянсийского нарсомола подавляющее большинство делегатов голосовало за Цзян Цзинго. Некоторые из них стали впоследствии его постоянными сотрудниками.

А сам Цзян Цзинго тогда же получил назначение в центральный аппарат Гоминьдана.

(К этому времени он принял христианскую веру и стал приверженцем методического течения, как и его отец и мачеха. Мало кто из окружающих знал об этом. Он крайне редко участвовал в отправлении религиозных обрядов, а позднее, став начальником политуправления в армии, строжайшим образом запретил военнослужащим - и солдатам, и офицерам - участвовать в какой бы то ни было религиозной деятельности).

В столице, где Цзяну предстояло заново утвердить себя, он понял свою задачу так: нужно создать когорту честных функционеров, преданных идеалам Сунь Ятсена, преданных партии, ее вождю Чан Кайши и, разумеется, самому Цзян Цзинго. Для этого в его распоряжении имелся теперь превосходный плацдарм: бывший редактор советской многотиражки получил пост заведующего учебной частью Центральной нарсомольской школы - один из самых высоких в системе подготовки гоминьдановских кадров. Напомним, что председателем нарсомола был не кто иной, как Чан Кайши. Он же стал и ректором ЦНШ.

Коммунистическое прошлое Цзян Цзинго теперь уже никого не смущало: он безусловно доказал свою лояльность гоминьдану. А тот пропагандистский опыт и тот идеологический багаж, которые он привез с собой из СССР и которыми прекрасно владел, содержали в себе кое-что полезное для воспитания молодой смены Гоминьдана: мобилизационный дух, идею подчинения личности интересам партии и государства, сформулированным их вождями. Конечно, багаж требовалось хорошенько перетряхнуть, прежде всего заменить термины

«социализм» и «коммунизм» на «саньминьчжуи» («три народных принципа»), поменять имена вождей и т.п. Цзян Цзинго вполне справился с этой задачей.

Благодаря энергии молодого ректора скоро состоялся первый набор студентов. Принципы учебы формулировались в лозунгах: «ЦНШ - школа революции», «Воля ректора - закон для студента», «Для студента ЦНШ школа - семья, нарсомол - дом родной». Цзян Цзинго работал творчески. Он хотел воспитать новых руководителей («ганьбу») в противовес заскорузлым чиновникам, каких он достаточно повидал и в СССР, и в Китае. Требуемые качества передового ганьбу были, в соответствии с национальным менталитетом, не только перечислены в виде идеального набора, но и подсчитаны:

«три уменья»: культурно вести себя, владеть оружием, уметь водить машину;

«два высоких качества»: высокий уровень политического развития и высокие лидерские способности;

«три больших фактора»: иметь большой кругозор, нести большой груз обязанностей, браться за большие дела.

И, конечно, образцовые ганьбу не должны отгораживаться от жизни, должны чувствовать, чем живет народ.

Став ректором ЦНШ, Цзян Цзинго неустанно вникал во все детали жизни школы. Подбор студентов, составление расписания занятий, воспитательная работа, бытовые условия - ничто не проходило мимо его внимания. В качестве прививки против бюрократизма он стремился сблизить студентов и преподавателей, школу и население. В ЦНШ действовал своеобразный общественный орган - Общешкольное преподавательско-студенческое собрание. Оно организовывало не только вечера отдыха, но и трудовое соревнование, шефство над бедняками в округе, а также особые «экспериментальные дни», когда все сотрудники школы, от ректора до подсобного рабочего, на день уходили в отпуск, а всю их работу брали на себя студенты.

Одни были в восторге от новых форм воспитания, кому-то другому они могли не нравиться. Но никто не мог упрекнуть Цзян Цзинго в том, что он как идеолог гнет не ту линию. Линия была - та. И скоро ему была предоставлена возможность стать воспитателем уже не сотен, а десятков тысяч человек.

Связано это было с ухудшением военного положения Китая. Захватывая все новые территории, японская армия создала угрозу Чунцину, и правительство стало подумывать о переносе столицы еще дальше на восток, в горную провинцию Сикан. Назревала катастрофа. В октябре 1944г. Чан Кайши бросил тотальный призыв: «Пусть оросит кровь каждую пядь

земли. Пусть каждый юноша станет бойцом!» Молодые патриоты не остались глухими к этому воззванию. Почти девяносто тысяч человек пришли во вновь созданную Молодежную армию, из них сформировали восемь дивизий.

К этому времени система политотделов и политруков, существовавшая в Народно-Революционной Армии в период Северного похода 1927 г., деградировала, сохранившись лишь номинально. Цзян Цзинго, ставший начальником Главного политического управления Молодежной армии, возродил ее. Политработникам была спущена установка: считать стержневой задачей всей пропагандистской работы воспитание безусловной преданности вождю - Председателю Чан Кайши. Командующий Молодежной армией не был назначен, и фактически функции его выполнял Цзян Цзинго. Командиры дивизий беспрекословно подчинялись ему.

Правда, принять боевое крещение новому военачальнику не удалось: Япония капитулировала прежде, чем Молодежная армия вышла из казарм, и в 1946 г. она была распущена. Однако опыт, приобретенный Цзян Цзинго, не пропал даром. В конце 1947 г. он стал членом ЦК Гоминьдана, заместителем председателя комитета ЦК по подготовке кадров, а кроме того, получил пост начальника отдела подготовки кадров министерства обороны. Политико-воспитательная работа на много лет сделалась его коньком, залогом успешного продвижения к вершинам власти. Он растил приверженцев, для которых три народных принципа, партия, Чан Кайши и он сам были единым Высшим Понятием.

После капитуляции Японии, когда спало напряжение военных лет, а ожидавшееся улучшение жизни так и не наступило, страна вновь начала втягиваться в гражданскую войну - в этот период среди студентов начались волнения. Цзян Цзинго был уверен, что волнения молодежи вызываются происками коммунистов, и засылал в студенческую среду своих агентов, однако, выявить подстрекателей они не смогли.

Была у Цзян Цзинго в Чунцине и другая работа: Чан Кайши подключил сына, завоевавшее его полное доверие, к контактам с советскими дипломатами. Младший Цзян сделался частым гостем советского посольства. Ветераны нашей дипломатии, работавшие в ту пору в китайской столице, хорошо запомнили его. Посол А.М.Ледовский, в ту пору первый секретарь посольства, рассказывал мне: «Цзян Цзинго тянулся к нам, приходил в посольство с женой и детьми - пообщаться, обсудить новости. Дети его свободно говорили по-русски. В качестве неформального представителя своего отца он неоднократно встречался с нашим послом. Большинство же сотрудников посольства сторонились супругов Цзян: боялись лишних контактов с чужими».

Видный советский дипломат, известный китаевед М.С.Капица вспоминает в своих мемуарах, как Цзян Цзинго «помог выручить из тюрьмы архиепископа Виктора, возглавлявшего духовную миссию Русской православной церкви, арестованного чанкайшистами по наущению американцев»²⁷. Архивные материалы свидетельствуют, что Цзяну приходилось обсуждать с послом А.А. Петровым (кстати сказать, крупным ученым) самые острые вопросы советско-китайских отношений.

Встречи со Сталиным.

Доверительные беседы с советским послом по заданию Чан Кайши вывели Цзян Цзинго в сферу Большой дипломатии: в июле 1945г. он был включен в состав правительственной делегации, направленной в Москву для подписания советско-китайского Договора о дружбе и союзе.

Возглавлял делегацию председатель Исполнительной палаты (премьер-министр), он же министр иностранных дел Сун Цзывэнь, брат жены Чан Кайши.

Договор должен был послужить отправной точкой для послевоенного развития советско-китайских отношений, и обе стороны придавали ему важнейшее значение. В основу его легли соглашения Ялтинской конференции, на которой в феврале 1945г. СССР, США и Англия определили контуры новой системы международных отношений^{27а}

По Ялтинскому соглашению СССР обязался после капитуляции Германии вступить в войну против Японии на условиях возвращения ему южной части острова Сахалин, передачи ему Курильских островов, а также сохранения статус-кво Монгольской Народной Республики. В том, что касалось Китая, соглашение предусматривало предоставление Советскому Союзу особых прав в Порт-Артуре, Дальнем и на Китайско-Чанчуньской железной дороге.

Китай не пригласили на конференцию - как было сказано, из тех соображений, чтобы обеспечить сохранение в полном секрете ее результатов. Находясь в положении слабейшего, Китай, хотя и принадлежавший к числу победителей, был поставлен своими союзниками перед совершившимся фактом. Позднее и Гомиьдан, и китайская компартия расценили итоги Ялты резко отрицательно. «Ялтинское соглашение», ущемляющее суверенитет Китая, было подписано за его спиной» - говорится в учебнике по истории Китая, изданном в КНР в 1995 году²⁸.

Переговоры в Москве шли трудно. Китайская сторона упорно отказывалась принять условия, с которыми США и Англия согласились в Ялте в качестве платы за крайне необходимое и для Вашингтона, и для Лондона вступление СССР в войну против Японии. О

накале переговоров наглядно свидетельствует сделанная Цзян Цзинго запись его отдельной конфиденциальной беседы со Сталиным. Она неоднократно цитировалась и пересказывалась в тайваньской научной и популярной литературе, и мы здесь приведем большой отрывок из нее. Предупредим только читателей, что к колоритному, насыщенному эмоциями тексту Цзяна не стоит подходить слишком строго. Откровенный до цинизма характер реплик с обеих сторон, неправдоподобно примитивный образ Сталина - все это приближает текст к произведениям более свободного жанра, нежели служебный документ. По стилю этот вклад Цзян Цзинго в мировую сталиниану тяготеет не к концу мировой войны, когда из отношений между СССР и Гоминьданом еще не испарился дух сотрудничества, а к разгару «холодной войны», когда блокированные на Тайване гоминьдановские власти рассматривали свой остров как бастион антикоммунизма и антисоветизма и жаждали реванша на материке. Именно в эту пору была опубликована цитируемая ниже запись, а также ряд других работ Цзян Цзинго, носивших резко антисоветский характер.

При всем том воспоминания Цзян Цзинго о беседе в Кремле безусловно интересны тем, что отчетливо отражают взгляды лидеров Гоминьдана тех лет на геополитическую подоплеку советско-китайских отношений. Итак, слово - Цзян Цзинго.

"...Я ясно помню, как Сталин, швырнув г-ну Сун Цзывэню какие-то бумаги, небрежно спросил:

- Вы видели это?

Сун, догадавшись, о чем идет речь, ответил:

- Я знаю лишь общее содержание.

- Вы можете задавать вопросы, но ЭТО должно быть основой всего,- заявил Сталин веско.- ЭТО подписано президентом Рузвельтом.

Мы уже находились в Москве, и нам ничего не оставалось, как вести переговоры.

...В отношении независимости Внешней Монголии (т.е. Монгольской Народной Республики.- Авт.), иными словами - поглощения ее Советским Союзом Сталин категорически стоял на своем. Переговоры, таким образом, зашли в тупик. В это время наше внутреннее и международное положение чрезвычайно ухудшилось. Отец прислал телеграмму, в которой предлагал, чтобы мы прекратили переговоры со Сталиным, а я посетил бы его неофициально и изложил основания, по которым мы не можем допустить независимости Внешней Монголии.

Я встретился со Сталиным как частное лицо. Сталин спросил меня:

- Так почему вы категорически против независимости Внешней Монголии?

Я ответил:

- Поймите, Китай семь лет ведет войну сопротивления против Японии за возвращение утраченных территорий. Сегодня вся оккупированная земля еще остается в руках врага. И если мы при этом лишаемся еще одной огромной части своей территории - не теряет ли смысл вообще вся антияпонская война? Нация не простит нам этого. Вот почему мы не можем согласиться на то, чтобы Внешняя Монголия принадлежала России.

Когда я кончил, Сталин произнес:

Ты рассуждаешь вполне резонно, я все это знаю. Но ты должен понять: сегодня не я прошу вас о помощи, а вы меня. Если б у вас у самих хватило сил разбить Японию, я бы, конечно, не мог выдвигать никаких требований. Но сегодня у вас таких сил нет, значит, нечего и говорить на эту тему.

Вид у Сталина при этом был заносчивый - империалист в своем подлинном обличье. Но я не спасовал:

- А зачем Вам Внешняя Монголия? Земли там много, но она ничего не родит, население небольшое, сообщение плохое.

Ответ был четок:

- Скажу тебе откровенно. Внешняя Монголия мне нужна только по военно-стратегическим соображениям.- Он указал на карту.- Если какие-то военные силы начнут наступать на СССР со стороны Внешней Монголии, Сибирская железная дорога будет мгновенно перерезана, и тогда России - конец.

- Но в военном плане Вам не о чем беспокоиться. Если Россия вступит в войну, и Япония будет разбита - она уже не поднимется вновь. У нее уже не будет сил захватить Внешнюю Монголию и превратить ее в плацдарм для нападения на Россию. Кроме Японии вас может беспокоить только Китай. Но Китай подписывает с Россией Договор о дружбе. Вы предлагаете - на двадцать пять лет, давайте, прибавим еще пять, итого тридцать лет Китай не будет воевать с вами. Даже если бы Китай захотел напасть на Россию, у него нет для этого сил, Вы это прекрасно знаете.

- Ты неправ. Ты говоришь, Япония после разгрома не сможет захватить Внешнюю Монголию и нанести удар по России. Сейчас это, может быть, и так, но так будет не всегда. Пусть Японию разгромят - японская нация обязательно поднимется снова.

- Почему?

- Любую силу в мире можно уничтожить, но только не силу нации. А такую нацию, как японская, тем более не сломить.

- Германия капитулировала, вы заняли часть ее территории - может ли она возродиться?

- Обязательно возродится.

- Но Япония - она если даже и возродится, то не скоро. В ближайшие годы вы можете не беспокоиться о защите от Японии.

- Раньше ли, позже ли, но в конце концов все равно возродится. Если в Японии начнут хозяйничать американцы, Япония поднимется за пять лет.

- А если вы будете хозяйничать, что тогда?

- Нам тоже понадобится лет пять, не больше.

И он нетерпеливо подытожил:

- Внешняя Монголия нам необходима.

Дальше в ходе беседы я услышал от Сталина:

- Я разговариваю с тобой не как с дипломатом, и могу сказать тебе: договор - вещь ненадежная. И еще: ты зря думаешь, что у Китая нет сил напасть на Россию. Сегодня это так, но если вы, китайцы, объединитесь, то пойдете вперед быстрее всех других стран мира.

Вот такой вышел у нас разговор по душам: он совершает агрессию против нас, так как боится, что мы станем сильными. И ради этой цели не брезгует никакими средствами: оказывает на нас всяческое давление и расчленяет нашу страну! Затем он спросил:

- Ты говоришь, ни у Японии, ни у Китая нет сил захватить Внешнюю Монголию и ударить по СССР. Но разве нет третьей силы, способной на это?

Кого он имел в виду? Я ответил вопросом на вопрос:

- США?

- Ну, конечно!

Американцы, подписав Ялтинское соглашение, сделали Сталину так много уступок, - подумал я про себя, - а он все считает их врагами!

После долгих переговоров Договор о дружбе и союзе был наконец, подписан. Принципиальная позиция отца была такой: можно допустить независимость Внешней Монголии, но с условием: провести референдум среди ее населения в соответствии с тремя народными принципами. Сталин, можно считать, согласился с этим требованием.

Он утверждал, что договор - дело ненадежное. Не станем оспаривать его слова. Когда мы наберемся сил и одержим победу над своими коммунистами и СССР - неужели тогда Внешняя Монголия не вернется в состав Китая? После окончательного разгрома российского империализма мы аннулируем Договор о дружбе: по закону справедливости Внешняя Монголия является частью территории Китайской Республики...»²⁹.

Напомним еще раз: эта публикация относится к тому времени, когда СССР разорвал отношения с эвакуировавшимся на Тайвань гоминьдановским правительством и добивался исключения его делегации из ООН, а эта делегация фактически по всем вопросам занимала позицию, враждебную СССР, и, в частности, голосовала против приема в ООН Монгольской Народной Республики. Само название “Китайская Республика”, естественно, перестало употребляться в СССР и других странах, порвавших дипломатические отношения с ее правительством.

В советских архивах не найдено упоминаний о встрече Сталина с Цзян Цзинго в период переговоров о заключении советско-китайского договора. Зато имеется запись другой относящейся к переговорам интересной беседы: советского посла А.А. Петрова и американского - П. Хэрли, которого Чан Кайши держал в курсе дела. В беседе американский посол нарисовал такую картину: Чан Кайши и его сын стремятся к успешному завершению переговоров и готовы к компромиссам, тогда как Сун Цзывэнь упрямо противодействует советским предложениям. Он питает неприязнь к Цзян Цзинго и был очень недоволен, что на приеме в честь китайской делегации Сталин поднял тост за здоровье младшего Чана. Хэрли посоветовал советской стороне через Цзян Цзинго обратиться к Чан Кайши и потребовать отстранения Сун Цзывэня от руководства делегацией. “Но это будет скандал!” - заметил советский посол. Хэрли не смутился: игра стоит свеч, “пусть даже это будет пахнуть скандалом”³⁰.

Совет американского посла показался подозрительным и принят не был...

Итак, 14 августа 1945г. состоялось подписание советско-китайского Договора о дружбе и союзе.

В том же году в МНР, действительно, был проведен референдум, исход которого, впрочем, был очевиден заранее.

За несколько дней до подписания Договора, 8 августа СССР в соответствии со своими союзническими обязательствами объявил о вступлении в войну с Японией. На следующий день советские войска начали стремительное наступление на позиции Квантунской армии в Маньчжурии, а также в Корею и на Сахалине. Вкупе с эффектом от американской атомной бомбардировки 6 августа Хиросимы и Нагасаки натиск Советской Армии быстро вынудил Токио к сдаче. И во-время: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение советской армии в глубь Маньчжурии, - лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран»³¹.

Японский император издал эдикт о капитуляции 14 августа, в день подписания Договора, а 2 сентября на борту линкора «Миссури», ставшего на якорь в Токийском заливе, акт о безоговорочной капитуляции был подписан официально. Восьмилетняя война с японскими оккупантами, принесящая столько страданий китайскому народу, наконец, завершилась.

Заклученный в Москве договор предусматривал не только войну против Японии до победного конца, но и принятие сторонами совместных мер против повторения агрессии и их сотрудничество в послевоенный период. СССР подтвердил, что признает Национальное центральное правительство единственным законным правительством Китая, подтвердил суверенитет Китая над Маньчжурией и обязался всю предоставляемую Китаю помощь, включая и моральную поддержку, направлять центральному правительству. Одновременно с Договором были подписаны соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге (совместная эксплуатация на правах общей собственности в течение тридцати лет), Порт-Артуре (совместное использование тридцать лет в качестве военно-морской базы, оборона вверена Советскому Союзу), и Дальнем (свободный порт, где СССР арендует пристань и склады). Это означало возвращение Советскому Союзу значительной части тех прав, которыми ранее обладала в Маньчжурии Россия.

Не успела Москва объявить войну Токио, как между гоминьдановским правительством и КПК вспыхнуло острейшее соперничество: кто сумеет заполнить вакуум власти на оккупированных Японией территориях после ее поражения? 11 августа Чан Кайши отдал своим войскам приказ начать скорейшее продвижение в оккупированные районы и потребовал от японского командования сдаваться только правительственным частям. США предоставили в распоряжение гоминьдановской армии свои корабли и самолеты, высадили для ее поддержки отряды морской пехоты. В тот же день 11 августа командующий вооруженными силами компартии Чжу Дэ отдал приказ о наступлении, потребовав, чтобы японские войска сдавались только им и не подчинялись ничьим другим приказам. Начались столкновения между подразделениями двух армий.

Главной ареной соперничества Гоминьдана и КПК стала Маньчжурия с ее многочисленным населением, природными богатствами, крупным военным и промышленным потенциалом. Теперь в ней находились части Советской Армии и действовала советская военная администрация.

Решая вопрос, кому передать власть в Маньчжурии, Сталин сделал выбор в пользу коммунистов. Он руководствовался при этом, как представляется, не идеологическими

соображениями или, по крайней мере, не только ими, но также и самыми прагматическими интересами: он опасался, что если Маньчжурия окажется под контролем Гоминьдана, то рано или поздно туда придут США с их инвестициями и проверенной в Китае же политикой открытых дверей, и тогда экономически более слабый Советский Союз будет вытеснен из этого региона. Нельзя было сбрасывать со счетов и военную угрозу, которую могло бы создать в будущем размещение в Маньчжурии американских военных баз. Существует гипотеза, что Сталин стремился создать между СССР и гоминьдановским Китаем, где предполагалось доминирование США, огромную буферную зону, включавшую в себя Маньчжурию, Монголию и Синьцзян, губернатор которой Шэнь Шицай держался независимо от Пекина и усиленно заигрывал с Москвой.

В соответствии с этим подходом строилась практическая политика СССР в Маньчжурии. Советская сторона отказалась допустить в Дальний и Порт-Артур суда с правительственными войсками, закрыла для них КЧЖД, не разрешила гоминьдановскому правительству создавать полицейские и воинские подразделения из местного населения. Вместе с тем Москва дала зеленый свет для передислокации в Маньчжурию значительных армейских контингентов из районов, находившихся под контролем КПК. Туда были переброшены также десятки тысяч партийных и административных работников, которые занялись созданием новых органов власти и пополнением воинских частей за счет мобилизации местных жителей и солдат служивших японцам марионеточных войск. Советское командование передало в распоряжение коммунистических частей трофейное оружие разгромленной Квантунской армии, снабжало их одеждой, продовольствием, а затем и советским оружием вплоть до танков, самолетов и речной флотилии³².

В этих непростых условиях урегулирование конкретных проблем, возникавших между Гоминьданом и советской стороной, было поручено Цзян Цзинго. Он получил назначение на пост спецуполномоченного МИДа по Маньчжурии и был переведен в Чанчунь, где работал в постоянном контакте с командующим советскими войсками Р.Я.Малиновским и другими представителями советской военной власти. Без особого успеха Цзян Цзинго пытался, всячески избегая конфликтов с ними, по мере возможности отстаивать интересы своего правительства. Он говорил сотрудникам: «Нам надо вести себя так, чтобы Советский Союз не испытывал насчет нас ни малейших сомнений. Мы должны проводить здесь дружественную Советскому Союзу политику, чтобы не дать лазейки нашим коммунистам»³³.

Впрочем, Цзян не ограничивался встречами с высшими военными чинами. Ветеран войны с Японией, известный китаевед полковник В.Я. Сидихменов, получивший некогда

китайский орден из рук супруги Чан Кайши - Сун Мэйлин, рассказывал мне: «Я в Чанчуне много раз встречался с Цзян Цзинго. Малиновский и он часто вместе выступали перед нашим офицерским составом. Мне запомнилась одна мысль Цзян Цзинго: «Вас - 200 миллионов, нас - 600. Если сложить ваши и наши силы, мы одолеем любые препятствия». Цзян Цзинго и супруга Чан Кайши - Сун Мэйлин ненавязчиво напоминали и нам, и всему населению: Маньчжурия - часть Китая, и гоминьдановское правительство - ее законный хозяин».

В декабре 1945г. Чан Кайши решил направить сына в Москву в качестве своего личного представителя для встречи со Сталиным. Как видно из документов российского президентского архива³⁴, главной задачей младшего Цзяна было побудить Сталина занять более благоприятную для Чан Кайши позицию в споре Гоминьдана с КПК. В идеале Чан хотел бы, чтобы Сталин посредством имеющихся в его руках рычагов повлиял на китайских коммунистов, с тем чтобы они приняли гоминьдановский план переустройства Китая. План был основан на идее сосуществования двух партий и предполагал предоставление коммунистам высокой степени автономии при сохранении за Гоминьданом доминирующего положения в системе государственной власти. За коммунистами признавалось право держать под своим контролем определенные районы, но подчиненные центру; иметь 16-20 дивизий, но находящихся под единым общим командованием вооруженных сил страны. Предполагалось пригласить представителей КПК участвовать в правительстве и в Комитете обороны - высшем органе государства.

Изложив все это Сталину во время встречи с ним 30 декабря, Цзян Цзинго попросил его «дать компартии Китая совет сотрудничать с Гоминьданом» и выразил уверенность, что «авторитет Генералиссимуса Сталина заставит китайских коммунистов следовать его совету». Сталин отказался: «Китайские коммунисты не подчиняются русским коммунистам. Коминтерна больше нет...Если китайские коммунисты официально обратятся в Центральный комитет русских коммунистов, то им будет дан совет. Сам же ЦК не хочет навязывать своего мнения китайским коммунистам».

Одновременно Цзян Цзинго стремился убедить Сталина, что Чан Кайши готов стать близким и надежным партнером Советского Союза, гарантировать интересы СССР в Китае. От имени отца он заверил советского вождя:

«...Ни при каких обстоятельствах Китай не будет участвовать в делах, направленных против Советского Союза.

...В будущих международных делах Китай будет заранее советоваться с Советским Союзом и будет договариваться с ним с тем, чтобы выступать с общей точкой зрения.

...Чан Кайши наметил большую программу воспитания членов Гоминьдана и учащейся молодежи в духе сближения с Советским Союзом.

...Маньчжурия никогда не будет плацдармом против Советского Союза».

Прозвучало даже такое нестандартное предложение: «Китайское правительство было бы готово не держать своих войск на границе с советским Союзом».

В отношении экономики Маньчжурии Чан Кайши предложил «придерживаться политики открытых дверей, но с сохранением за Советским Союзом ведущей роли». Сталин отверг эту идею: «Хозяином, суверенной силой Маньчжурии должен быть Китай. Советский Союз не добивается для себя доминирующего положения в Маньчжурии». (Заметим, что при «открытых дверях» СССР был бы не в состоянии конкурировать с США, и его «ведущая роль» быстро превратилась бы в фикцию).

Тогда Цзян Цзинго осторожно коснулся деликатной темы вывоза Советским Союзом из Маньчжурии промышленного оборудования, которое советская сторона рассматривала как трофеи. По мнению китайской стороны, трофеями следовало бы считать лишь движимое имущество, имеющее военное назначение. Цзян предложил «во избежание неблагоприятного впечатления, которое может сложиться у населения» придать этому процессу другую форму: в возмещение убытков и в знак дружбы «китайское правительство передает половину общего количества предприятий Советскому Союзу». Таким образом под демонтаж не попадала бы вторая половина предприятий. Сталин не согласился: «Советские военные обижены тем, что это имущество не хотят считать трофеями Красной Армии...Трофейные предприятия будут совместно эксплуатироваться на равных началах китайской и советской сторонами».

Обсуждая будущее Китая, Сталин пространно рекомендовал Цзян Цзинго строить Китайскую Республику как многопартийное государство с развитой избирательной системой, широко привлекать иностранные инвестиции, посылать студентов учиться в страны Запада и т.д. Вместе с тем он высказался за то, чтобы в Китае не было иностранных войск. Он особо подчеркнул: «Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это - советская зона».

Существует несколько версий насчет того, каким было подлинное отношение Чан Кайши к Советскому Союзу. Мне представляется, что Чан, учитывая политические и геополитические реалии, сложившееся соотношение сил, искренне хотел наладить сотрудничество с СССР и КПК и был действительно готов на крупные уступки и одним, и другим, с тем чтобы сохранить власть Гоминьдана и в мирных условиях путем реформ модернизировать китайское общество. Однако концепция Чан Кайши не нашла понимания у

его оппонентов. Беседы с Цзян Цзинго ни в малейшей степени не поколебали политику Сталина в Китае^{34a}, и состоявшийся в начале 1946г. вывод советских войск из Маньчжурии - тут я цитирую американского посла Э. Стюарта - «был спланирован таким образом, чтобы дать возможность прочно утвердиться в Северо-Восточных провинциях войскам китайских коммунистов...Выбор момента для вывода советских войск и способ, каким он был осуществлен, обеспечили китайским коммунистам значительные территориальные приобретения»³⁵. Советские историки неоднократно с гордостью подчеркивали уникальное значение Маньчжурии как революционной базы, созданной и функционировавшей с помощью СССР, для победы китайской революции.

В июне 1946г. армии Чан Кайши, опираясь на значительную поддержку США, начали общее наступление против районов, находящихся под контролем КПК, и добились крупных успехов. На их фоне Национальное собрание в декабре приняло новую конституцию, провозгласившую целый ряд демократических свобод. Однако летом следующего года сформированная в Маньчжурии коммунистами и с помощью СССР нарастившая свои силы Народно-освободительная армия перешла в стратегическое контрнаступление. Над Гомиьнданом нависла угроза небывалого масштаба.

Строительство государственной власти, основанной на новой конституции, велось в кризисной обстановке, в условиях объявленной правительством “всеобщей мобилизации для подавления коммунистического мятежа”. В апреле 1948 г. были созданы центральные органы власти - пять палат, предусмотренных еще планами Сунь Ятсена: Законодательная, т.е. парламент, Исполнительная - кабинет министров, палаты Юстиции, Контрольная и Экзаменационная. Чан Кайши стал первым избранным по новой конституции президентом. И тогда же “Временные правила на период мобилизации для подавления мятежа” отменили важнейшие конституционные свободы и наделили президента чрезвычайными, фактически - диктаторскими полномочиями.

Но укреплять власть было уже поздно. Пространство и время, отведенные Гомиьндану историей для управления огромной страной, таяли неудержимо.

Добавим в виде постскриптума: в феврале 1949 г. во время секретной встречи с руководителями КПК в местечке Сибайпо член Политбюро ВКП(б) А.И. Микоян продемонстрировал намерение СССР существенно сократить сферу своих интересов в Маньчжурии: он заявил о готовности советского правительства после прихода коммунистов к власти в Китае отменить соглашение о Порт-Артуре как неравноправное и вывести оттуда свои войска. Соглашение же о КЧЖД Микоян, предложил «обсудить с китайскими

товарищами по-братски», не считая его, однако, «неравным», поскольку дорога была построена в основном на средства России³⁶.

Для руководителей китайской компартии предложение о выводе советских частей было полной неожиданностью. Они принялись убеждать Микояна отказаться от этой идеи: чтобы не открывать ворота в Маньчжурию американским войскам.

Год спустя СССР заключил Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи с новым китайским государством - КНР. Договор 1945 года был признан утратившим силу. Стороны подтвердили независимость Монгольской Народной Республики. В соответствии с новым Договором КЧЖД, восстановленная Советским Союзом, в 1952 г. была передана КНР, а в 1954-1955 годах китайское население с музыкой, плясками, с лозунгами дружбы на плакатах проводило советских солдат из Порт-Артура. Зона особых интересов СССР в Маньчжурии перестала существовать.

С точки зрения ученых, приверженных ценностям советской идеологии, советские лидеры отказались от огромной собственности и прав СССР в Маньчжурии, руководствуясь идеями интернационализма, стремлением укрепить дружбу с китайскими единомышленниками. Если же мерить события геополитическими мерками, дело было в другом: в молодом и сильном государстве, чрезвычайно чувствительном ко всему, что касалось его национального достоинства и суверенитета, пусть даже и дружественном - в таком государстве сохранить иностранную сферу влияния было невозможно. Не случайно уже после этих событий, в 1956 г. Мао Цзэдун в беседе с советским послом Юдиным жаловался на то, что первоначально «по инициативе Сталина Маньчжурия и Синьцзян фактически превращались в сферы влияния СССР»³⁷. К тому же сохранение Порт-Артура в качестве советской военной базы утратило прежний стратегический смысл после того, как Китай сделался союзником СССР и начал наращивать собственную мощь. (До создания КНР руководители КПК охотно мирились с теми правами, которые Советский Союз приобретал в Маньчжурии согласно Договору 1945г. Более того, видя в положениях Договора гарантию от американской интервенции, они выражали готовность «признать его и принять к дальнейшему исполнению» как отвечающий «интересам китайского народа, мира и демократии во всем мире»³⁸. Сталин, однако, понимал, что в будущем советское военное и экономическое присутствие в Маньчжурии может стать источником трений между СССР и Китаем. Отсюда и предложения Микояна, о которых мы рассказали выше).

Не остались в стороне и гоминьдановские власти на Тайване. В 1953г. они объявили, что Китайская Республика аннулирует Договор 1945 года, а тайваньские историки подвергли его

уничтожающей критике. В последующие годы Монголия рассматривалась на Тайване как часть Китая и соответственно изображалась на картах как участок территории, включенный в его границы. И только в конце 90-х годов между Тайбэем и Улан-Батором начались неофициальные отношения.

Административная утопия времен гражданской войны.

Восьмилетняя война с японскими оккупантами, конфронтация с коммунистами, не прекратившаяся после образования единого фронта и переросшая в конце концов в гражданскую войну с ними - все это в корне подорвало хозяйственную жизнь страны, поделенной между двумя властями. Чудовищных размеров достигла инфляция. На территории, контролируемой гоминьдановским правительством, в городах давно уже торговали на доллары и золото, а в деревне крестьяне рассчитывались натурой. Кое-где появились в обороте старые серебряные юани, повсеместно расцвел бартер. Нужно было немедленно исправлять положение.

Летом 1948г. правительство опубликовало указ, в котором объявляло о проведении денежной реформы. В оборот вводились новые денежные знаки - так называемые «золотые юани». Населению предлагалось обменять старые деньги на новые и, кроме того, в принудительном порядке продать государству имеющиеся у него золото, серебро, серебряные монеты и иностранную валюту. Одновременно замораживались розничные цены. Планируя реформу, правительство рассчитывало поставить заслон спекуляции, пополнить казну, укрепить доверие населения к властям. Реформа рассматривалась как акция решающего значения.

Было решено начать операцию с Шанхая, крупнейшего финансового центра страны, а затем распространить ее на всю территорию Китая. Провести реформу в Шанхае поручили Цзян Цзинго, направив его туда в качестве экономического комиссара.

Комиссар не сомневался в успехе и не обращал внимания на голоса многочисленных скептиков. Он был уверен, что сможет «покончить с продажными чиновниками, вычистить всю гниль, осуществить новую экономическую политику» - нужно только правильно подойти к делу, а именно: «рассматривать эту политику как социальную революцию и действовать революционными методами».

Он прибыл в Шанхай на следующий день после фиксации цен с группой верных помощников и молодежным «отрядом усмирения и созидания». Началась эпопея, получившая название «избиение тигров». С конца августа цзяновские «усмирители» вместе с местными

полицейскими подразделениями стали раз за разом проводить повальные обыски на шанхайских рынках, складах, вокзалах. Вскоре в городе были открыты одиннадцать «пунктов народной помощи» для приема доносов от населения. В помощь «усмирителям» Цзян и его сподвижники набрали в самом городе свыше двенадцати тысяч молодых людей и организовали из них двадцать отрядов, которые после недолгого обучения подключились к налетам на лавки и склады, переворачивая все вверх дном в поисках спрятанных драгметаллов.

Экономический комиссар действовал решительно и сурово. Нарушители указа о реформе предавались суду, их предприятия опечатывались, товары конфисковывались. Известные всему городу коммерсанты за сокрытие товаров в целях спекуляции были приговорены к тюремному заключению, а один - даже к смертной казни. За превышение цен налагались огромные штрафы. Некий провинившийся предприниматель попросил влиятельных друзей замолвить за него словечко комиссару - за это сумма штрафа была ему удвоена. Особенно круто расправлялся Цзян Цзинго с коррумпированными чиновниками. Высокопоставленный сотрудник из финансовых органов был приговорен к смертной казни за то, что вступил в сговор с дельцами и, используя служебную информацию, пустился в спекуляцию акциями. Два полицейских начальника получили такие же приговоры за вымогательство.

Результаты не замедлили сказаться. За один месяц Центральный банк получил золота, серебра и валюты на триста с лишним миллионов американских долларов. Ежедневные сводки о собранных ценностях передавались по телеграфу Чан Кайши. Цзян Цзинго стал в Шанхае популярной личностью, газеты называли его «властелином экономики».

Пресекая деятельность спекулянтов, прибегая для этого к строгим и даже жестоким мерам, Цзян Цзинго стремился приобрести поддержку массы рядовых законопослушных граждан, страдавших от беспредела торговой мафии и коррумпированной бюрократии. Девизы его штурмовых отрядов - «усмирителей» и «тигробойцев» были выдержаны в духе служения народу: «Бьем тигров, но не трогаем мушек», «Бей паразитов - губителей страны, вызволяй народ из беды». Цзян Цзинго обращался к шанхайцам с пламенными речами, разъясняя свои действия, выводя их в широкий общеполитический контекст, в котором ключевыми словами были «революция» и «антикоммунизм», поставленные в столь непривычном для нас, наследников СССР, соседстве.

Привлечь массы на свою сторону было для Цзян Цзинго тем более необходимо, что местная администрация в основном стала в оппозицию к нему. Тут сказывались и личные

интересы чиновников, связанных с местным бизнесом, и вполне обоснованное недоверие к реформе. Дошло до того, что мэр Шанхая У Гочжэнь отправился в Нанкин и в знак протеста вручил Чан Кайши прошение об отставке.

Действительно, запретительные меры могли дать лишь временные и односторонние результаты, которые могли бы иметь смысл лишь в том случае, если бы за ними последовали шаги другого рода, направленные на оживление производства, приток капиталов, поощрение экспорта. Однако в условиях военного времени для всего этого у Гоминьдана не было возможностей. Зато введением запретов были запущены разрушительные процессы, которые больно ударили прежде всего по тем самым рядовым горожанам, к которым обращался и о которых радел Цзян Цзинго.

Попытка ликвидировать спекулятивный рынок посредством фиксирования цен обернулась омертвлением рынка как такового: продавцы стали придерживать товар. В ответ Комитет по проведению реформы потребовал от них регистрации всех товаров. 30 сентября пять с половиной тысяч молодых людей, разбитых на бригады, под руководством начальника полицейского управления начали повсеместную проверку товарных запасов. Как и раньше при изъятии драгоценностей, теперь заведения, в которых обнаруживали незарегистрированные излишки, закрывались и опечатывались, после чего дело передавалось на рассмотрение в судебные инстанции. Однако справиться с торговой стихией реформаторам оказалось не под силу. Утаивание товаров приняло массовые масштабы и подчас весьма изощренные формы. Некоторые предприниматели сочли даже выгодным хранить товары в вагонах, курсировавших в районе Шанхая, оплачивая их перевозку.

Другим следствием административного регулирования цен стало сокращение производства. Удержание цен касалось лишь Шанхая, за его пределами попрежнему росли цены на сырье и транспорт, что делало изготовление товаров для продажи в городе попросту невыгодным. Чтобы исправить положение, правительство расширило район действия реформы, и в начале октября под контролем Цзян Цзинго оказалась территория размером с Францию.

Однако, коммерсанты нанесли ответный удар: через безработных, бродяг, люмпенов они стали в массовом порядке скупать продававшиеся по твердым ценам товары, создавая дефицит их и рассчитывая таким образом вызвать широкое недовольство действиями администрации. В начале октября организованная и неорганизованная скупка текстиля, а затем и риса приняла масштабы, угрожавшие социальным взрывом. Помимо Шанхая, она распространилась и на другие города, попавшие в зону реформы. Положение усугублялось

вследствие безудержного роста налогов: на табачные изделия, например, их повысили в начале октября в семьдесят раз!

И тут экономического комиссара настиг еще один удар.

Шанхайские финансовые магнаты занимали в отношении реформы выжидательную позицию, хотя обладали вполне достаточной мощностью, чтобы изменить ее ход: блок, в который они входили - так называемая «группа Цзян-Чжэ» (т.е. Цзянсу-Чжэцзянская) - служил одним из оплотов гоминьдановского правительства, и многие члены этой группы были хорошо знакомы с Чан Кайши и с Цзян Цзинго. Средства, которые Цзян Цзинго приносил в казну, «собирались с мелкого люда, в то время как обладатели крупнейших состояний, члены «группы Цзян-Чжэ» не несли ни малейшего ущерба»³⁹. Когда же Цзян Цзинго, войдя в азарт, задел интересы одного из финансовых кланов, ему ясно указали, в какие двери реформаторам, даже высокородным, вход воспрещен.

Дело было так.

В разгар борьбы с нарушителями указа о реформе Цзян Цзинго подверг проверке компанию «Янцзы», в результате чего помещения ее были опечатаны, а директор Кун Линкань арестован. Директор, между тем, принадлежал к семейству Кунов, одному из самых могущественных в Китае, и приходился племянником Сун Мэйлин, мачехе Цзян Цзинго. Ей он и пожаловался.

Индийский посол в Китае К.М. Паниккар рассказывал в своих мемуарах: «Мы были с женой на обеде у генералиссимуса. Вдруг мадам Чан позвали к телефону. Когда она вернулась, ее глаза метали громы и молнии. Резким тоном она заявила, что рано утром уезжает из Шанхая... Вечером следующего дня весь Китай знал, что у мадам Чан возник конфликт с ее пасынком, она обвинила его в том, что он преступил границы своей власти и задел интересы Куна. Несколько дней спустя Кун Линькан, вызвав величайший скандал, улетел в Америку»⁴⁰. Туда же перебазировалась и его компания. Все были убеждены, что его выручила Сун Мэйлин. Авторитету Цзян Цзинго в глазах шанхайцев был нанесен чувствительный урон.

Тем временем реформа агонизировала. Газеты пестрели сообщениями: «Свежая рыба и куриные яйца исчезли с прилавков»; «Рис прячут в гробах, ветчину извлекают из-под кроватей» (это - о мелких торговцах, прятавших небольшие партии товаров у себя дома. По китайскому обычаю, человек готовил себе гроб впрок и мог годами держать его на видном месте в своем жилище). Уничтожить черный рынок не удавалось, аресты и казни не помогали,

спекулянты подкупали полицию, доверие к «золотому юаню» испарилось. Положение населения ухудшилось до крайности.

Соратники Цзян Цзинго давно уже пребывали в сомнении: не пора ли остановиться? Цзян Цзинго и сам с каждым днем беспокоился все больше и, в конце концов, стал мучиться бессонницей.

Тревожился он и за семью.

Фаина давно уже вела замкнутый образ жизни: в условиях нарастающего ухудшения отношений гоминьдановского правительства с СССР двери на общественную арену для нее наглухо закрылись. В самом деле, жена из Советского Союза - этот пикантный факт высокопоставленному чиновнику в новой ситуации лучше было не афишировать. Более того, недруги Чан Кайши и Цзян Цзинго легко могли подстроить Фаине, с ее слабым знанием китайской реальности и политической неопытностью, какую-нибудь ловушку, нанеся тем самым серьезный удар по репутации ее мужа и свекра.

Но теперь, в Шанхае, речь шла уже не о политических интригах, а о физической безопасности жены и детей Цзян Цзинго. В доме, где они поселились, когда Цзян Цзинго приехал в Шанхай, стали все чаще раздаваться телефонные звонки с угрозами, и он, хорошо зная нравы местных бандитов, попросил выделить отряд солдат для охраны дома. Именно в это время у изнервничавшейся Фаины родился четвертый ребенок - сын, которого назвали Сяюнь. Роды были тяжелыми, пришлось делать Фаине переливание крови. (Через десять лет, в день рождения сына, отец подарил ему огромный торт со словами: «Это - в счет прошлого. Ведь, когда ты родился, мне было некогда навестить тебя»⁴¹).

Вопреки всем этим неблагоприятным обстоятельствам экономический комиссар не сдавался и до последнего момента категорически возражал против освобождения цен, упрекая правительство в бессилии, боязни трудностей, нерешительности.

Последний момент наступил, когда правительство отменило свой указ о фиксированных ценах. Прожив всего два с лишним месяца, реформа умерла, и не только потому, что затронула интересы воротил китайского бизнеса. Она была обречена на поражение с самого начала: пожарными приказными методами, да еще в условиях гражданской войны национального масштаба, невозможно было выправить положение в стране.

Через четыре месяца после приезда, 6 ноября 1948 г. Цзян Цзинго уехал из Шанхая, сложив с себя полномочия экономического комиссара. Он тяжело переживал неудачу. Покидая свой кабинет в здании Центрального банка, он, по его собственным словам, «готов был заплакать». Скоро, однако, мужество вернулось к нему. Он опубликовал «Обращение к

шанхайцам», в котором просил у них прощения за то, что невольно обманул их ожидания, и с присущим ему пафосом призывал их не падать духом и поддержать политику правительства⁴².

Да, это был жестокий урок, но, кажется, полезный. Цзян Цзинго твердо усвоил: экономикой нельзя командовать.

Бег.

Между тем, военное положение Гоминьдана непрерывно ухудшалось. Во второй половине 1948 г. войска коммунистов - Народно-освободительная армия Китая, прочно овладев стратегической инициативой, провели несколько крупномасштабных операций, предпринявших исход войны⁴³. Надежда на американскую помощь скоро растаяла: в США к этому времени прочно утвердилось мнение, что никакое лекарство уже не спасет безнадежного больного - Гоминьдан. Начало 1949 года принесло его Национальной армии новые поражения.

Окружая города, командование НОАК во избежание лишнего кровопролития предлагало гоминьдановским гарнизонам добровольную сдачу в плен. Командующий тяньцзиньским гарнизоном генерал Ху Цзуннань от капитуляции отказался, и после ожесточенного, длившегося больше суток штурма 15 января город был взят. Вырваться из окружения не удалось никому.

Днем ранее КПК сформулировала условия, на которых она соглашалась вести переговоры с гоминьдановскими властями. Условия оказались небывало жесткими: коммунисты чувствовали себя хозяевами положения и могли диктовать свою волю. Они потребовали наказания высших деятелей гоминьдановской партийно-государственной иерархии как военных преступников и коренного преобразования всей политической и социально-экономической системы государства. В объявленный ими список главных военных преступников, помимо Чан Кайши, попали Цзян Цзинго, Сун Мэйлин, Сун Цзывэнь.

Переговоры о сдаче гоминьдановских частей в Пекине тянулись целый месяц, пока командующий «карательной экспедиции в Северном Китае» генерал Фу Цзои не принял решения о капитуляции. Он вывел свои части из города и согласился на их реорганизацию и включение в состав НОАК. В ответ руководители КПК объявили, что он «искупил свои прежние преступные действия перед китайским народом».

(В капитуляции Фу Цзои незаметную, но, по всей видимости, важную роль сыграл советский консул в Тяньцзине, впоследствии известный китаевед А.С.Титов.

Познакомившись с дочерью генерала, он помог ей убедить отца в разумности этого шага. Генерал прежде неплохо относился к коммунистам, сотрудничал с ними вовремя антияпонской войны, но изменил свое отношение к ним, когда те при создании партизанских баз захватили его родственников и жестоко расправились с ними. Теперь он оказался в списке военных преступников, и, не видя для себя спасения, впал в депрессию. Тогда, пишет А.С.Титов, дочь Фу Цзои «рассказала отцу, что негласно с осени 1948 г. поддерживает связь с тьянцзиньским генконсульством СССР, сообщила о содержании бесед со мной. По ее словам, лишь тогда ее отец успокоился и согласился на мирные переговоры с коммунистами»⁴⁴).

Все большее число деятелей Гоминьдана стало приходить к выводу, что война проиграна. В глазах Цзян Цзинго это обстоятельство выглядело таким образом: «Коммунисты не только создали военную угрозу, но и развернули психологическое наступление... Даже честные люди, поддавшись коммунистической пропаганде, соблазнились возможностью остановить войну, поговорить о мире и передохнуть».

В этой обстановке группа генералов и политиков стала настойчиво требовать отставки Чан Кайши, рассчитывая, что это облегчит им маневрирование и переговоры с КПК. Он согласился, решив на покое, по его собственным словам, «заняться переосмыслением основ революции». Было ясно, однако, что удаляющийся от дел президент вовсе не собирается ограничить круг своих интересов теоретическими изысканиями. Он сохранил за собой пост «цзунца» - главы, или вождя Гоминьдана, высший пост в системе партийно-государственной диктатуры, и намеревался бороться до конца.

21 января, объявив о сложении с себя президентских полномочий и постояв в молчании несколько минут у гробницы Сунь Ятсена, Чан Кайши вместе с сыном отправился в родовое гнездо Цзянов - Сикоу. «Какая тяжесть свалилась с плеч! Как теперь легко на сердце!» - воскликнул Чан вечером перед сном.

Для отца и сына началась новая жизнь. Они посещали могилы предков, совершали прогулки по живописным окрестностям городка, встретили в родном доме Новый год по лунному календарю - оказалось, Чан Кайши последний раз встречал здесь Новый год тридцать шесть лет назад. Однако, при всем этом Сикоу тут же стал превращаться в политический центр, благо здесь заранее было смонтировано мощное оборудование для радиосвязи и организована охрана. Сюда потянулись один за другим высокопоставленные военные и гражданские чины. Встречи Чан Кайши с визитерами готовил Цзян Цзинго. Ему же отец стал поручать ответственные секретные задания.

Одним из них стало срочное строительство аэродрома Динхай. «Нам был не очень ясен замысел отца,- писал Цзян Цзинго,- а он все торопил и торопил нас. И только потом все стало ясно: оттуда взлетали самолеты, прикрывавшие наш отход через Чжоушань на Тайвань»⁴⁵.

Тогда же младшему Цзяну была поручена организация переправки пятисот тысяч унций золота и серебра из подвалов Центрального банка в Шанхае на Тайвань и в Сямэнь. Операция проводилась в строжайшей тайне, без ведома правительства, после того, как удалось убедить банкиров в ее необходимости.

Но если высшие деятели усиленно готовили позиции для отступления - у них просто не было иного выхода - то другие, чинами пониже, надеялись спастись, перейдя на сторону коммунистов. Надо сказать, коммунисты всячески способствовали размыванию правительственной армии, создавая для этой цели тайные организации на контролируемой ею территории. Мысли об измене бродили даже среди элитных частей - молодоармейцев, находившихся под патронажем Цзян Цзинго. Остановить процесс разложения своей армии, превратить ее в надежный заслон против коммунистических войск Чан Кайши уже не мог.

21 апреля НОАК тремя потоками форсировала Янцзы, 23-го пали Нанкин и Тайюань. Правительство из Нанкина переехало в Гуанчжоу.

24-го Цзян Цзинго отправил на Тайвань свою семью.

25 апреля. «В полдень мы с отцом попрощались с могилами предков, поднялись на вершину горы Фэйфэншань, бросили последний взгляд на безмолвные горы. Слова застредали в горле. Я поклялся, что еще вернусь на родную землю»⁴⁶. Этой клятве Цзян Цзинго не суждено было сбыться.

25 мая пал Шанхай, защищенный мощной системой оборонительных сооружений, в число которых входили около сорока тысяч дотов и заглубленные в грунт дороги для передвижения связных джипов. Отвечавший за политработу в оборонявших город войсках Цзян Цзинго называл Шанхай «Восточным Сталинградом». С начала штурма Шанхай продержался десять дней.

Цзян Цзинго был человеком довольно впечатлительным, иногда казалось, непозволительно впечатлительным для политика. Он тяжело переживал крушение своего мира. Вот отрывки из его дневниковых записей, относящихся к маю 1949г. «Дождь перестал, немного прояснилось, на душе стало легче, но ненадолго: опять навалилась тоска. Всю ночь мучили кошмары, сон был беспокойным». «Вчера вечером стояла такая ясная погода, я вышел на улицу полюбоваться красотой природы. Море сливалось с небом, плыли облака,

причудливо меняя свои оттенки. Я вспоминал родные места, и чувство горечи переполняло меня»⁴⁷.

Его отец обладал более крепкими нервами. Поражения не останавливали его. В безвыходном положении он делал все, чтобы найти выход, хватался за любую соломинку. Он посетил президентов Филиппин и Южной Кореи, пытаясь привлечь их внимание к своей идее «Восточно-Азиатского антикоммунистического блока» и на этой основе организовать «стратегический призыв» к США, иными словами, втянуть Вашингтон в этот альянс. Он отверг предложение своих генералов отвести основные силы к границе с Бирмой, чтобы в случае наступления коммунистических войск отойти на ее территорию. Проявляя неистощимый оптимизм, он все еще рассчитывал удержать за собой южные и юго-западные провинции, от Гуанси до Сычуани. С бешеной энергией он мотался по подвластным ему, все еще обширным, но на глазах сокращавшимся территориям, подбадривая своих генералов и пытаясь поправить положение.

Между тем, финал неумолимо приближался, и в глазах некоторых генералов Чан Кайши превратился в ценный приз, обладание которым стало бы охранной грамотой при переходе на сторону коммунистов. Цзян Цзинго неотлучно сопровождал отца, обеспечивая его безопасность: рискованные ситуации возникали одна за другой.

Сентябрь. Чан собирается прилететь в Куньмин, столицу провинции Юньнань. Ее губернатор Лу Хань давно уже замечен в заигрывании с коммунистами, и даже, по слухам, готовит восстание. Кое-кто из окружения Чана советует арестовать его, но Чан надеется, воззвав к его чувствам и разуму, убедить его продолжать войну. Цзян Цзинго также не доверяет губернатору, и потому оказывается в Куньмине на день раньше отца:

- Председатель Чан занят, скорее всего, не сможет приехать.

На следующий день Цзян неожиданно сообщает губернатору:

- Из Чунцина пришла телеграмма, Председатель Чан уже в воздухе, прибудет в десять часов.

- Тогда я пошлю на аэродром солдат, организую охрану!

- Это ни к чему, самое надежное - если кроме нас двоих, об этом никто не будет знать.

С этими словами Цзян Цзинго усадил губернатора в машину, и они помчались на аэродром.

Чан Кайши провел четыре часа в доме Лу Ханя, обсуждая с руководством провинции возможности обороны Юго-Западного Китая. Едва совещание окончилось, Цзян Цзинго объявил:

- Только что звонили из Гуанчжоу, там меняется погода, нужно срочно вылетать.

И Чан с сыном покинули Куньмин. Сын справился со своей задачей: юньнаньский губернатор ни на минуту не оставался вне его контроля. Последующие события показали, что уловки Цзян Цзинго были не напрасными. «Каждый раз, вспоминая о поездке в Куньмин, я с трепетом думаю о том, чем она могла кончиться», - писал он позже, уже на Тайване⁴⁸.

Ноябрь. В Пекине уже провозглашена Китайская Народная Республика. Чан Кайши находится в Чунцине, куда гоминьдановское правительство эвакуировалось из занятого НОАК Гуанчжоу. Теперь оно эвакуируется еще дальше в горы, в Чэнду. Исполняющий обязанности Президента Ли Цзунжэнь улетел в Гонконг, а оттуда в США: лечить, как было сказано, желудочное заболевание. (Он вернулся оттуда только в 1965 г., уже в КНР, и был там торжественно встречен - так меняются времена). Делегация Китайской Республики в ООН подает жалобу на СССР, обвиняя его в создании угрозы независимости и территориальной неприкосновенности Китая в нарушение Договора о дружбе и союзе. НОАК завершает окружение Чунцина. Защитники города деморализованы.

Из записей Цзян Цзинго, относящихся к 29 ноября. «На фронте - тяжелые бои, обстановка критическая. В десять часов вечера неподалеку от нас началась перестрелка. Я доложил отцу, надеясь, что он согласится поскорее покинуть это опасное место... Взрывы гремели уже со всех сторон. Перед парком Шантунминь дорога была забита машинами, всюду царил невообразимый хаос. Медлить дальше было нельзя. Решили пробираться к аэродрому. В дороге трижды застревали в пробках. Наконец, отец оставил машину и пошел пешком. Затем нас посадили в джип, и за полночь мы приехали на аэродром. Ночевали прямо в самолете...»⁴⁹.

На рассвете, через полчаса после того, как самолет Чан Кайши поднялся в воздух и взял курс на Чэнду, аэродром перешел в руки НОАК.

Тем временем юньнаньский губернатор Лу Хань решился-таки перейти на сторону КПК и отправил секретную телеграмму губернатору провинции Сикан, предлагая ему договориться с правителями провинции Сычуань (Чэнду - ее главный город), арестовать Чан Кайши, и сделаться, таким образом, «обладателями высших заслуг перед Народным правительством».

Чэнду, 10 декабря. Около временной резиденции Чан Кайши - здания военной академии - начали скапливаться какие-то подозрительные люди. Охрана стала настаивать, чтобы он как можно скорее покинул здание, лучше всего - через запасной выход.

- Через какую дверь я вошел, через ту и выйду,- отрезал Чан⁵⁰. Сопровождаемый сыном, он вышел через парадные двери, сел в автомашину и помчался в аэропорт. «Со времени

событий в Сиани большей опасности отец не подвергался. Между радостью и горем щель не толще волоска”, - писал Цзян Цзинго⁵¹. Приняв пассажиров, самолет взял курс на Тайвань.

Закончилась целая эпоха в истории Гоминьдана, управлявшего страной с 1927 года.

Историки Китая, СССР и США называют много факторов, обусловивших поражение Гоминьдана на материке. Здесь и уозость его социальной базы, особенно в решающий период битвы с коммунистами за Китай, слабая связь с крестьянской массой в крестьянской стране, отрыв от интеллигенции, отрыв от молодежи; и неумение вести систематическую организационную и пропагандистскую работу в низах; и коррупция сверху донизу, лишившая эффективности гоминьдановский аппарат управления обществом.

Здесь и отвлечение огромных сил и средств на борьбу с компартией, и поддержка коммунистов Советским Союзом, и недостаточная помощь Гоминьдану со стороны США.

Здесь и превосходство компартии в вопросах организации и дисциплины.

Здесь, наконец, субъективные ошибки самого Чан Кайши. Значимость каждого из этих факторов и составляющих их более мелких «подфакторов», причинно-следственные отношения между ними - все это разные авторы анализируют с разных позиций: по разным критериям добра и зла и, естественно, с разными выводами. Один, наверное, тезис не оспаривался ни одной стороной: без поддержки СССР триумф китайской компартии был бы невозможен. Это признавалось и самой КПК. “Если бы не было помощи со стороны Советского Союза: мы едва ли смогли бы одержать нынешние победы”, - говорил Мао Цзэдун Микояну в 1949 г.⁵²

Как бы то ни было, факт остается фактом: в том году Гоминьдан потерпел полнейший крах и в военной сфере, и в политической, и в экономической.

Тайвань стал для него шансом разобраться в произошедшем и попытаться реабилитировать себя как силу, способную осуществить обновление общества.

ТАЙВАНЬ. ПОСТРОЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА НА ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ОСТРОВЕ

Становление диктатуры.

Эвакуация сторонников Гоминьдана с материка завершилась в начале 1950 года. На остров перебралось около двух миллионов человек, преимущественно солдат и офицеров, кому удалось - с семьями. Вместе с армией покинула материк немалая часть чиновничества, высший эшелон его - практически в полном составе.

Одновременно на Тайвань из разных районов страны вывозилось промышленное оборудование: металлургическое из Дунбэя, горношахтное из Шаньдуна, текстильное, транспортное. Было эвакуировано также значительное количество оборонных предприятий. В критические месяцы отступления, проигрывая войну на материке, руководители Китайской Республики не пожалели усилий, чтобы перевезти на остров национальные сокровища - многие тысячи ювелирных изделий, произведений искусства, исторических реликвий. Во время антияпонской войны они были подготовлены к эвакуации из Пекина и по мере наступления японских войск перевозились все дальше вглубь страны. Под занавес гражданской войны их переправили на Тайвань.

Впоследствии для их хранения и экспозиции в Тайбэе был построен музей с тем же названием Гугун («Старинный дворец»), что и превращенные в музейный комплекс гигантские императорские хоромы в Пекине. В одном из залов тайбэйского Гугуна была повешена большая схема, показывающая, какими путями - на машинах, поездах, судах - драгоценности, картины, археологические находки перевозились на остров. Поистине, то была титаническая работа: в трудное военное время упаковать, сберечь, переместить за тысячи ли необычный груз, каждая частица которого - бесценна. На Тайвань были переправлены также горы исторических документов из китайских архивов, например, подлинники международных договоров императорского Китая с другими странами, в том числе Россией.

В обстановке особой секретности на Тайвань перевозились из государственных хранилищ запасы золота, серебра и иностранной валюты. Сколько было вывезено, специалисты в КНР и на Тайване оценивают неодинаково, с разницей примерно на порядок. Так, по данным КНР, золота и серебра было вывезено на 1 млрд. ам. долл.¹, а по тайваньским данным - на сумму порядка 150 млн. ам. долл.²

То была, вероятно, крупнейшая в истории человечества операция по переброске морским путем людей и грузов.

Среди новых приобретений Тайваня едва ли не самым ценным стали кадры инженеров, администраторов, ученых, собранные со всех концов страны и оказавшиеся вдруг благодаря островной тесноте на виду у правительства. Они сыграли впоследствии решающую роль в разработке и осуществлении планов экономического подъема страны, а кое-кто из них вошел в число высших руководителей Тайваня, как например Янь Цзягань, ставший председателем Исполнительной палаты (аналог премьер-министра), а затем президентом.

Однако экономический подъем страны принес плоды в виде «тайваньского чуда» лишь годы спустя³. А первое время положение, в котором очутились переселенцы, было попросту отчаянным. НОАК готовилась к штурму Тайваня, явно намереваясь провести операцию до того, как начнется сезон тайфунов. Правительство КНР заявляло: «Мы ни в коем случае не примиримся с тем, что реакционная гоминьдановская клика в последней агонии превращает Тайвань в свою опорную базу. Задача освободительной борьбы китайского народа - освободить весь Китай, вплоть до Тайваня, острова Хайнань, вплоть до последней пяди китайской земли!»⁴.

«Всю весну на побережье провинции Фуцзянь велась подготовка к наступлению,- пишет тайваньский историк.- К началу 1950 года там было размещено четыреста самолетов. На шанхайском аэродроме Лунхуа подорванные нами самолеты были с помощью русских отремонтированы и введены в строй. К югу от Янцзы имелось тридцать авиабаз, включая те, которые были построены американцами во время антияпонской войны. Теперь они были приведены в порядок и готовы к использованию. В Сямэне, Фучжоу, Шаньтоу сосредотачивалась армада десантных судов. В мае Тайвань готовился к отражению вражеской атаки. Президент Чан считал ее неизбежной»⁵.

Однако, вооруженные силы, которыми располагал Чан Кайши, едва ли были способны выполнить эту задачу. Его армия была катастрофически ослаблена и деморализована. Потери были настолько велики, что в сухопутных частях, составлявших главную ударную силу армии, в некоторых подразделениях офицеров насчитывалось больше, чем солдат. Не в лучшем состоянии находились военно-воздушные и военно-морские силы: реально могла действовать не более чем половина из четырехсот самолетов и полусотни судов.

Не внушало оптимизма и положение в тылу: администрация практически отсутствовала. Почти два миллиона пришельцев с материка, присоединившиеся к семи миллионам местного населения, создали тяжелую дополнительную нагрузку на скудные ресурсы и весьма

скромный производственный потенциал острова. Они принесли с собой обострение дефицита продовольствия и жилья, рост цен, а, главное, явственное смертоносное дыхание войны, которая до этого момента полыхала где-то там, далеко за морским горизонтом. Жители острова отнюдь не жаждали обречь себя на новые страдания и жертвы ради защиты безнадежно, казалось, проигранного дела Гоминьдана, тем более что политика центрального правительства на острове и раньше вызывала множество нареканий и даже, случалось, приводила к массовым волнениям. В феврале 1947 г. произошло крупное восстание, жестоко подавленное, о чем жители Тайваня с болью вспоминали на протяжении всех последующих десятилетий. Приход коммунистов многим казался предпочтительнее войны с ними.

В этих условиях большую опасность для гоминьдановских властей представляла подрывная работа компартии. Велась она, по всей видимости, тщательно и продуманно. Как пишут китайские авторы, еще в 1945 году, вскоре после освобождения острова от японцев, коммунисты создали у себя, на материке «Рабочий комитет провинции Тайвань». Сотрудники комитета, проверенные партийные кадры, в подавляющем большинстве своем были выходцами с Тайваня. В задачи комитета входили сбор разведывательной информации, разжигание недовольства среди колеблющихся, создание подпольных организаций, нелегальная пропаганда, организация партизанских отрядов и складов оружия в гористых районах острова. Органам разведки КНР удалось склонить к сотрудничеству нескольких гоминьдановских генералов. Их уговаривали поднять восстание на переднем крае...

В довершение всех бед администрация США не захотела сделать ничего, чтобы выволить из беды своего недавнего союзника, предпочитая выжидать, чья возьмет верх. Когда под занавес гражданской войны правительство Китайской Республики, в очередной раз меняя свое местопребывание, покинуло Нанкин, американский посол Стюарт остался в городе и потом встречался там в неофициальном порядке с представителями КПК. Не оставили свои резиденции и американские консулы в городах, занятых НОАК.

Вашингтон, таким образом, проявлял явную заинтересованность в налаживании отношений с коммунистическим режимом, распространившим свою власть на всю материковую часть Китая. И если Пекин предупреждал: «Китайский народ, включая население Тайваня, ни в коем случае не примирится с незаконным захватом американскими империалистами Тайваня или любой другой части китайской территории!»⁶ - то Белый дом старался держаться на достаточном удалении от Чан Кайши. Тем более, что политические руководители США давно уже утратили веру в жизнеспособность гоминьдановского режима, а теперь эксперты госдепартамента утверждали: крах Тайваня - вопрос времени, и помогать

ему бессмысленно. У Трумэна была, кроме того, личная неприязнь к Чан Кайши, который пользовался симпатиями предыдущего президента Рузвельта.

После дискуссий между вашингтонскими антикоммунистическими «ястребами» и «голубями» в последних числах 1949 года вопрос о Тайване был решен окончательно.: «Соединенные Штаты не стремятся получить специальные права или привилегии или создать военные базы на Формозе в настоящее время. Они также не имеют намерения использовать свои вооруженные силы для вмешательства в нынешнюю ситуацию. Правительство Соединенных Штатов не будет следовать курсу, который может привести к вмешательству в гражданский конфликт в Китае. Правительство Соединенных Штатов также не будет предоставлять военную помощь и советников войскам на Формозе. По мнению правительства Соединенных Штатов, запасы на Формозе достаточны, чтобы позволить им (Гоминьдану. - Авт.) получить средства, которые они могут рассматривать как необходимые для обороны острова»⁷.

Если отбросить слова о привилегиях и достаточных запасах, очевидно рассчитанные на то, чтобы слегка подсластить пилюлю, это был приговор. При отсутствии сильных союзников положение Тайваня выглядело заведомо проигрышным.

Тем временем Советский Союз в ООН, а КНР за его стенами настойчиво и дружно требовали удаления из этого главного международного форума делегации Китайской Республики, съезжившейся до размеров небольшого острова. После шести дней боев Хайнань перешел в руки коммунистов. Еще через две недели части Гоминьдана оставили архипелаг Чжоушань. Развязка приближалась. Ощущение безысходности все сильнее охватывало сторонников Гоминьдана.

Но только не Чан Кайши. В отсутствие даже проблеска света в конце тоннеля он и его ближайшее окружение развили бешеную деятельность, пытаясь срочными мерами усилить оборону по периметру острова и контроль над его населением, укрепить пирамиду власти. Все это могло, разумеется, лишь оттянуть неизбежный конец - переход Тайваня в руки коммунистов.

1 марта Чан Кайши, обладавший неограниченными полномочиями как вождь партии и фактический главнокомандующий вооруженными силами, «по воле народа», как было официально заявлено, вернулся на пост президента, пустовавший, поскольку исполнявший обязанности президента Ли Цзунжэнь все не возвращался из США. Затем последовали кадровые перестановки и реорганизации, в результате которых сорокалетний Цзян Цзинго,

еще на материке назначенный председателем тайваньского провинциального комитета Гоминьдана, быстро сделался одним из самых влиятельных деятелей на острове.

Должность, которую он стал официально отправлять, была не из самых высоких: начальник Главного политического управления министерства обороны. Однако вместе с тем он сосредоточил в своих руках, непосредственно или через преданных ему людей, руководство всеми секретными службами, от разведки до сыска. И это было закономерно: за горькие месяцы отступления, когда лояльность многих гоминьдановских генералов и политиков была поставлена под сомнение, отец и сын, обеспечивавший безопасность отца, сблизились, как никогда раньше. В окружении Чан Кайши Цзян Цзинго оказался самым преданным его сторонником, и при том явно талантливым организатором и пропагандистом.

Для жителей осажденного острова началась новая жизнь. Было введено чрезвычайное положение, которое запрещало деятельность всех партий, кроме Гоминьдана и двух карликовых партий, замораживало состав и полномочия высших избирательных органов, отменяло право на забастовки, собрания, создание организаций. Яркой приметой новой жизни стала массовая идеологическая обработка населения, имевшая целью поднять его дух и подготовить к новым лишениям и жертвам.

Газеты писали: «Никогда еще наша страна не бывала в такой опасности, как сейчас. С этого одинокого острова нам некуда уйти, негде укрыться. Интересы каждого человека и интересы всего государства сегодня едины, как никогда...Мы требуем прежде всего, чтобы каждый полностью отказался от личных интересов»⁸.

Авторитетные деятели убеждали народ: Тайвань сумеет выстоять - достаточно всем проявить сознательность, действовать сплоченно и т.п. Враг имеет подавляющее военное преимущество? - Это ничего: «Боевая сила подобна железной цепи: ее прочность определяется самым слабым звеном. Секрет победоносной стратегии состоит в том, чтобы самым сильным своим звеном нанести удар по слабейшему звену противника». И вот он - залог победы: «У нас самая передовая в мире идеология и самый выдающийся вождь - Руководитель Чан»⁹.

Призывы идти на войну, поголовно участвовать в производстве, бороться с коррупцией и расточительством, с мотовством и разложением не стихали.

Можно ли, однако, поднять массы посредством одних лишь лозунгов и уговоров? Существуют испытанные способы усилить их эффективность, и тайваньские руководители не замедлили ими воспользоваться. В учреждениях, воинских частях, учебных заведениях стала насаждаться система взаимной слежки: о каждом сомнительном поступке полагалось

доносить. Массы не выражали возмущения: это было опасно. Кроме того, в Китае издавна существовала система круговой поруки, так называемая «баоцзя», и новшество легло на подготовленную почву.

Одновременно была развернута небывало интенсивная кампания по вылавливанию «коммунистических агентов» и «сохранению тайны от врага». Состоялось несколько громких разоблачительных процессов. Преследовали также за «укрывательство шпионов», за «левый уклон во взглядах», даже за «нестойкость духа». Наказания были суровые. За одно неосторожное слово можно было получить пятнадцать лет тюрьмы. Страшные слухи ходили о тюрьме Мачадин, куда свозили людей на расстрел.

В армии политуправление, возглавляемое Цзян Цзинго, побуждало солдат вступать в «братство, скрепленное кровью». Новые члены братства омывали губы своей кровью и приносили клятву верности вождю до самой смерти. Началась даже подготовка солдат-смертников, наподобие японских камикадзе.

Сам Цзян Цзинго постоянно выступал в армейских аудиториях, обращался к жителям Тайваня по радио: «Прорвем железный занавес, вернемся на материк!». «Революционер никогда не падает духом!». «Объединим сердца против коммунизма, дадим отпор России!»¹⁰.

Лозунг об отпоре России, один из самых ходовых в то время, отражал ожидания Гоминьдана, что Советский Союз, с помощью которого коммунисты одержали победу на материке, окажет им поддержку и теперь, при штурме Тайваня. Действительно, в июле 1949 г. находившийся в Москве с секретным визитом член Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци передал Сталину телеграмму от Мао Цзэдуна, который просил выяснить: «Может ли СССР оказать нам помощь в этой области, т.е. подготовить в Москве в пределах шести месяцев - одного года для нас 1000 летчиков и 300 технических работников аэродромной службы. Кроме того, может ли СССР продать нам 100 - 200 истребителей, 40 - 80 бомбардировщиков, которые будут использованы для военной операции по взятию Формозы (так нередко называли в то время Тайвань. - Авт.). В области создания морского флота мы также просим, чтобы СССР помог нам»¹¹.

Сталин предпочел воздержаться от прямого и значительного по масштабам участия в военных операциях против Тайваня, опасаясь, повидимому, обострить отношения с США, однако, в ограниченных размерах помощь была предоставлена. Под Шанхаем появился советский авиационный отряд, который, как писали советские историки, «начал пресекать налеты тайваньской авиации на Шанхай и другие пункты на побережье Китая»¹².

Полвека спустя, в 1996 г. газета «Санкей Симбун», основываясь на полученных ею секретных документах, опубликовала статью, в которой утверждалось, что СССР отправил в Шанхай 115 военных самолетов и 3 400 военнослужащих ВВС. Переодетые в военную форму НОА, они принимали, как будто бы, участие в боях против гоминьдановской армии¹³

Несколько позже российское «Независимое военное обозрение» уточнило: «с 1950г. по 1963г. в Китай по линии министерства обороны СССР было командировано 6695 чел. Из них погибло 478, скончалось 14»^{13а}

Все ли обстояло так, как изложила японская газета, или нет, но в апреле 1950 г. Чан Кайши, имевший на материке мощную подпольную сеть и с самого начала пытавшийся организовать там интенсивную подрывную деятельность, отдал приказ, в котором, в частности, предписывалось “широко развернуть проведение террористических акций против советских военных и технических специалистов, важных военных и политических работников-коммунистов”¹⁴. Цзян Цзинго в своих публичных выступлениях заявлял: “Десять тысяч русских солдат прибыли в Шанхай помогать коммунистам изготавливать винтовки, пулеметы и орудия!”.

На фоне бодрящих и мобилизующих антикоммунистических и среди них антисоветских призывов на Тайване началась перестройка всей системы управления обществом, приспособление ее к новым условиям. Перестройка развертывалась основательно, с прицелом на будущее, которого, вроде бы, у Гоминьдана уже не было: Гоминьдан загнали в тупик, и спасти его могло только чудо.

И чудо не заставило себя ждать. «На рассвете 25 июня 1950 года пехотные и механизированные части лисынмановской армии под прикрытием американской авиации вторглись в Корейскую Народно-Демократическую Республику и на ряде участков продвинулись в глубь ее территории от одного до двух километров. Правительство КНДР потребовало от южнокорейских властей немедленного прекращения военных действий, но получило отказ. Тогда оно приказало своим войскам перейти в контрнаступление. Народная армия КНДР отбила нападение захватчиков, а затем погнала их на юг от 38-й параллели по всему фронту, занимая один город за другим». («История международных отношений», том 3, издательство «Международные отношения», Москва, 1964, стр. 258).

У чуда, однако, было два облика, и вот второй из них: «25 июня 1950 г. Северная Корея предприняла неожиданную атаку через тридцать восьмую параллель. Слабая и плохо вооруженная армия Республики Корея была быстро обращена в бегство и отброшена к линии

вдоль р. Нактонг в северо-восточном углу страны». (A New History of Korea. Ki-baik lee. Seoul, Korea. Pchokak Publishers, 1984. p. 380).

Началось одно из крупнейших событий послевоенной истории международных отношений - Корейская война 1950 - 1953 гг.

. Вечером того же дня в Тайбей поступила телеграмма от посла в Южной Корее с первым анализом событий: «Война в Корее выгодна нам во всех отношениях. Благодаря ей военная угроза нам со стороны КПК, дипломатический кризис, т.е. опасность того, что американский союзник порвет с нами и признает незаконное правительство коммунистов - вся эта ситуация в корне меняется... У Китая и Кореи (имеются в виду Тайвань и Южная Корея.- Авт.) общие радость и горе. Если война сложится удачно для Кореи, это будет удачей и для нас. Если корейская война перерастет в мировую войну между Америкой и Россией - Северная и Южная Корея неизбежно объединятся, а мы, может быть, сумеем через Ялуцзян и Дунбэй вернуться на материк. Даже если война будет разворачиваться неудачно для (Южной) Кореи, это заставит США и другие свободные страны повысить бдительность, усилить поддержку (Южной) Кореи и не позволять мировому коммунизму через море атаковать Тайвань»¹⁵.

Посол был прав: война в Корее превратилась в вооруженное столкновение двух мировых систем с антагонистическими идеологиями. Помимо корейцев, друг с другом сражались войска ООН, почти целиком состоявшие из американских частей, и китайские добровольческие контингенты, а вместе с ними советские летчики и советники, причем северная сторона считала флаг ООН такой же фикцией, какой южане - эпитет «добровольческий».

Через день после начала войны Трумэн сообщил: «Я отдал распоряжение седьмому флоту предотвратить любую атаку против Формозы». Еще два дня спустя девять кораблей седьмого флота: шесть эсминцев, два крейсера и транспортное судно вошли в Тайваньский пролив и начали патрулирование. Вскоре на Тайване начали работать сотни американских военных советников. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур назвал Тайвань «нетонущим авианосцем и базой подводных лодок», откуда американские ВВС могут держать под угрозой «любой азиатский порт, от Владивостока до Сингапура»¹⁶. Тайвань был включен в американскую систему стратегической обороны на Тихом океане.

Реакция правительства КНР была предельно резкой. «Весь народ нашей страны,- заявил министр иностранных дел Чжоу Эньлай,- будет бороться как один человек за полное

освобождение Тайваня от американских агрессоров. Китайский народ обязательно одержит победу в борьбе против американских агрессоров, за возвращение Тайваня и всех других территорий, принадлежащих Китаю»¹⁷.

Однако баланс сил в тот период складывался явно не в пользу НОАК. Гоминьдан был спасен.

Специалисты по Тайваню Р.Майерс и Л. Чао пишут: «В беседах с нами многие члены Гоминьдана, вспоминая о периоде 1949-1952 годов, говорили о горечи поражения и ожидании смерти, которая должна была последовать, когда коммунисты возьмут остров. Они испытали огромное чувство облегчения, избавления от почти неизбежной гибели, когда США взяли на себя обязательство защищать Тайвань»¹⁸.

Руководителям Гоминьдана, однако же, расслабляться было некогда. Они жаждали реванша, и реванша скорого. Все их помыслы были сосредоточены на «гуан фу» - Славном Восстановлении, или Возвращении с Победой. Они были убеждены, что коммунизм в материковой части Китая не сумеет пустить крепкие корни. Однако, чтобы одолеть его, одной американской помощью, очевидно, было не обойтись: Гоминьдан сам должен был нарастить собственные силы для рывка на материк. Да и вариант атаки с материка не был исключен полностью, несмотря на американский заслон, и, значит, для начала следовало превратить Тайвань в неприступный антикоммунистический редут.

Между тем, глубокие экономические неурядицы, ослабление власти, неизбежные в этих условиях рост преступности, коррупция - все это вместе взятое легко могло затянуть Тайвань в глубокий и долгий хаос. То, что Гоминьдан считал своей исторической миссией - построить современное процветающее государство на месте страны, еще не вполне вышедшей из позднего средневековья - предстало теперь перед ним как практическая и срочная задача, правда, в неожиданно уменьшенных масштабах, но зато в экстремальных обстоятельствах. По словам самого Чан Кайши, прежняя система «рухнула, как обваливается подмытая земля, как от удара разлетается на куски черепица», и в этих условиях перестраивать государство оказалось делом «гораздо более трудным и сложным, чем создание Республики в 1912 году»¹⁹.

Еще на материке, проигрывая сражение за сражением, Чан Кайши обдумывал и обсуждал со своим окружением меры, которые позволили бы переломить ход войны или, на крайний случай, закрепиться на Тайване. Богатую пищу для размышлений ему давал многолетний опыт пребывания его партии у власти, успехи и провалы Гоминьдана, а в особенности - экономические и социальные разработки, создававшиеся еще во время антияпонской войны на послевоенный период. Перелетев 10 декабря на Тайвань - там уже

был оборудован для него президентский дворец и начала функционировать Исполнительная палата - Чан, не теряя времени, взялся за подготовку реформ. Он стал их инициатором и бесспорным лидером. После того, как США обеспечили Тайваню свое покровительство, преобразования пошли полным ходом.

В мире хорошо известно о реформах конца 80-х - начала 90-х годов, превративших Тайвань в современное демократическое общество. Гораздо меньше люди осведомлены о переменах начала 50-х. Между тем, их роль в послевоенной истории Тайваня не менее значительна: они в корне изменили весь облик тайваньского общества. В них сочетались два начала: первое - укрепление власти и подавление; в условиях военного времени эта сторона преобладала. (Хорошо это или плохо, и чем именно хорошо и чем плохо - отдельный вопрос, достаточно сложный, мы его здесь обсуждать не будем). Второе начало - созидание. Здесь таился зародыш будущего тайваньского расцвета.

Наиболее впечатляющей частью реформ начала 50-х годов, ее сердцевинной была реорганизация самой правящей партии. В работах тайваньских ученых она рассматривается как переломный момент в истории Гоминьдана. Началась реорганизация с того, что Чан Кайши подверг прежнюю деятельность своей партии небывало резкой критике, обвинив ее в отсутствии внутреннего единства, неумении вести кропотливую работу в различных секторах общества, неспособности завоевать доверие ни рядовых людей, ни более высоких социальных групп. Партия оттолкнула от себя молодежь, вызвала неприязнь интеллектуалов. Ее экономическая политика оказалась ниже всякой критики. Разложившиеся вооруженные силы и коррумпированные политики - это лишь симптомы глубокой болезни²⁰. И т. д. и т.п.

Возражений не последовало. Вопросов типа: а куда же смотрел сам вождь? - задано не было. Впрочем, Чан Кайши еще в марте 1949 года публично - хотя достаточно формально - взял на себя ответственность за поражение.

Едва стало ясно, что США готовы защищать Тайвань, началась практическая работа. Для руководства ею был создан Комитет по реорганизации партии, состоявший из шестнадцати преданных Чану людей и наделенный огромными полномочиями. В число членов Комитета вошел и Цзян Цзинго, несмотря на свой весьма скромный по сравнению с коллегами партстаж - с 1938 года.

В результате реорганизации партия обрела четкую внутреннюю структуру: возникла сеть низовых ячеек по восемь - пятнадцать человек, и каждый член партии был обязан входить в одну из них; появилась строгая партийная дисциплина, основанная на принципах демократического централизма; обязанностью члена партии стала преданность партии и

вождю. Чан Кайши посчитал также необходимым «расширить сбор информации о положении дел в партии по нелегальным каналам», укрепить ее способность противостоять проникновению враждебных сил²¹.

Одну из основных целей реорганизации Чан видел в том, чтобы «устранить из партии гнилые элементы». Все члены партии прошли перерегистрацию, в ходе которой партия, действительно, в значительной мере избавилась от балласта, очистилась от коррупции. Чистке подвергся даже ряд крупных партийных чиновников. В партию влились свежие силы: молодая интеллигенция, рабочие, крестьяне.

Для воспитания членов партии в новом духе в Гоминьдане была создана система учебных заведений, вершину которой увенчивал Институт революционной практики. Критериями для поступления в институт служили: твердые антикоммунистические убеждения, опыт партийной работы, бескорыстие, дисциплинированность, трудолюбие, мужество.

Всеми этими мерами Чану удалось, наконец, разделаться со своим вечным «раздражителем» - группой Си-Си, двадцать лет отнимавшей у него немалую долю власти. (Группа называлась так по первым буквам английского написания фамилий ее лидеров, братьев Чэнь Лифу и Чэнь Гофу). Больной Чэнь Гофу к этому времени уже не представлял для Чан Кайши реальной опасности, а его брату Чэнь Лифу, реальному хозяину Си-си, пришлось покинуть Тайвань и отправиться в США. Он получил на прощанье в подарок от Чан Кайши пятьдесят тысяч долларов, а от его супруги - Библию. Сун Мэйлин со скрытой насмешкой напутствовала Чэня: «У тебя было такое высокое положение в политике - и вдруг все разом оборвалось. Трудно тебе будет привыкать. Вот Библия, возьми ее с собой и читай, она даст тебе облегчение».

В Соединенных Штатах Чэнь Лифу осел в штате Нью-Джерси, купил себе дом и занялся разведением породистых леггорнов.

С фракционностью в Гоминьдане было покончено. Заметим, что Чан Кайши сумел добиться этого с помощью сравнительно мягких методов, не объявляя своих соперников внутри партии «врагами народа», наемниками враждебных международных сил и т.п.

Осенью 1952 года состоялся 7-й съезд Гоминьдана. К этому времени недалеко от Тайбэя в живописных Травяных горах, переименованных в горы Янмин по имени любимого философа Чана - Ван Янмина, для лидера партии и государства был построен великолепный загородный комплекс зданий в стиле национальной архитектуры. Там было все, что требуется, и для работы в уединении, и для проведения многолюдных собраний.

В ясный солнечный день 10 октября в 8 часов утра под аккомпанимент военного марша, в военной форме и при орденах перед полутысячной аудиторией появился шестидесятишестилетний Чан Кайши. Он предложил трехминутным молчанием почтить память Отца нации доктора Сунь Ятсена, погибших борцов за революцию, а также выразить солидарность с «соотечественниками, страдающими на материке». О том, что происходило дальше, мы знаем очень мало: работа съезда проводилась в обстановке глубокой секретности. Историки, однако, подчеркивают, что съезд продемонстрировал небывалое единство партийных рядов. Он продемонстрировал также небывалое сосредоточение власти в руках вождя партии - Чан Кайши. Цзян Цзинго был избран в новый состав ЦК (который заменил прежний ЦИК) и Центрального постоянного комитета (более высокий орган, чем ЦК, приблизительно - аналог Политбюро в компартиях Советского Союза и Китая).

Надо сказать, в реформировании партии Чану было, на кого равняться, да и за наукой не требовалось далеко ходить, поскольку в прошлом Гоминьдан и китайская компартия не только враждовали, но и сотрудничали, мало того, многие деятели обеих партий работали бок-о-бок и хорошо знали друг друга. Вот только два примера. В 20-х годах Чан Кайши был начальником военной школы Хуанпу, а Чжоу Эньлай - начальником политотдела школы. Во время антияпонской войны один из высших гоминьдановских деятелей генерал Чэнь Чэн служил начальником политуправления Военного комитета Китая, а Чжоу Эньлай - его заместителем. Теперь Чан Кайши провозглашал: если мы хотим разбить коммунистов, «мы должны изучить их методы, использовать их приемы, чтобы превзойти их». Он утверждал, что коммунисты победили благодаря лучшей организованности, более жесткому идеологическому контролю, более умелой работе с людьми. Итог: «Когда в 1952 году кампания по преобразованию партии была завершена, реорганизованный Гоминьдан своей иерархической структурой разительно напоминал собственного заклятого врага - коммунистическую партию Китая», - отмечал американский историк Стив Цан²².

Разумеется, при этом мировоззрение Гоминьдана оставалось принципиально противоположным коммунистической идеологии. Как мы уже говорили, в учении Сунь Ятсена о трех народных принципах, родственном западным социал-демократическим теориям, революция понималась как радикальное преобразование общественной системы не через классовую борьбу и свержение существующей власти, а посредством реформ сверху, при сохранении частной собственности и рыночных отношений. Заметное место в идеологии Гоминьдана занимали каноны конфуцианской этики. Характерно, что Чан Кайши, воюя против коммунистов, постоянно рекомендовал своим кадрам для изучения «Выдержки из

наставления по военному делу» Цзэн Гофаня и Ху Линьши, усмирителей потрясшего Китай в девятнадцатом веке тайпинского восстания. Цзэн и Ху подавляли мятеж под лозунгом восстановления конфуцианских порядков, признанными ревнителями которых они являлись.

Но идеологический антагонизм, сколь бы глубок он ни был, не помешал Гоминьдану решить ту же задачу, с которой в разное время в разных странах успешно справлялись коммунистические партии: подчинить своему контролю все органы государства, все сферы общественной жизни.

Параллельно с обновлением правящей партии, но только куда более скрытно шел интенсивный процесс модернизации другого, столь же необходимого инструмента тотального контроля над обществом - органов безопасности и разведки, прежде разобщенных (один из них, например, находился в руках группы Си-Си). С этой целью в оперативном отделе аппарата президента было создано специальное подразделение под названием «Группа документации», и назначенный его начальником Цзян Цзинго быстро взял в свои руки руководство всеми секретными службами. Теперь их функции были четко установлены. Одна из служб занималась сбором разведывательной информации вне Тайваня, прежде всего на материке. Другая обеспечивала внутреннюю безопасность, борьбу с преступлениями, включая коррупцию и уклонение от налогов. Командование тайваньского гарнизона имело задачей пресечение «коммунистической инфильтрации», предотвращение и подавление беспорядков на острове. Особые отделы вели слежку за состоянием дел в армии. Наконец, Гоминьдан завел собственную секретную службу, предназначенную для операций против коммунистического Китая и деятельности в других странах.

Секретные органы составили, таким образом, обширную разветвленную сеть, причем некоторые ее элементы специально дублировали друг друга в интересах надежности. В 1954 году для руководства всем этим сложным хозяйством было создано административно более значимое подразделение - Управление национальной безопасности под эгидой Совета обороны. Цзян Цзинго, в связи с этим получивший пост заместителя генерального секретаря Совета, являлся, по мнению американской разведки, фактическим хозяином Управления. Исследователи отмечают, что аппарат безопасности на Тайване позволил Чан Кайши контролировать состояние общества гораздо эффективнее, чем на материке.

Забирая в свои руки все больше власти, Чан Кайши сократил и подверг чистке госаппарат, начав, между прочим, с собственной президентской службы. Большинству сокращенных чиновников была предоставлена новая работа: Чан всегда заботился о том, чтобы без нужды не плодить недовольных. Обновленный аппарат стал функционировать

намного эффективнее, коррупция пошла на убыль - как отмечает один исследователь, «отчасти, бесспорно, благодаря намного улучшившейся работе органов безопасности»²³.

Но еще более крутой чистке подверглась армия. Из высшего командования Чан Кайши устранил всех генералов, кроме тех, кого он знал еще по военной школе Хуанпу, чем навсегда была устранена опасность военного переворота. Единственное исключение было сделано для генерала Сунь Лижэня, получившего образование в США, отличавшегося и преданностью Чану, и военными талантами. Все солдаты были разоружены, переобучены, и только после этого приписаны к новым, уже реорганизованным частям. Некомпетентные офицеры, даже доказавшие свою лояльность по отношению к Чан Кайши, самым решительным образом отстранялись от командования и сводились в так называемые «офицерские боевые полки».

Главное же, в вооруженных силах была введена система политработников. Политрук - душа армии, отец солдатам, проводник указаний партии... Создать и возглавить эту систему было поручено Цзян Цзинго с его уникальным профессиональным багажом: дипломом Толмачевской академии и опытом любовного воспитания гоминьдановской молодежи на материке и на Тайване в сугубо антикоммунистическом духе. Формулы, усвоенные в Советском Союзе, теперь под пером Цзян Цзинго обрели новую жизнь. Он требовал от политработников «слить свою жизнь с жизнью партии, выполнять приказы партии, осуществить миссию, возложенную на них партией»²⁴.

Цзян Цзинго изменил сам характер армейской воспитательной работы. В 20-е годы, в эпоху милитаристских междоусобиц, от солдат требовалось лишь слепое повиновение. Опыт Народно-революционной армии, созданной некогда с помощью советских специалистов в Гуанчжоу, был давно растерян и забыт. Слабые попытки, предпринимавшиеся во время гражданской войны, во второй половине 40-х годов, воззвать к политической сознательности неграмотных крестьян, насильно рекрутированных в солдаты, были обречены на провал. Для солдат тайваньской армии громкие лозунги политруков сначала также оставались пустым звуком. Однако, когда властям удалось улучшить материальное положение военнослужащих, армейская пропаганда стала обретать искомую доходчивость. Сам Цзян Цзинго постоянно читал лекции в военно-политической академии: «Учиться у Вождя, идти за Вождем!»; «Правда об агрессии российского империализма в Китае»; «Политработа в армии - трудное, но славное дело»; «Что значит быть человеком и как делать дело»; «Революционное сердце, умелые руки».

Впрочем, политработа в исполнении Цзян Цзинго состояла не только из воспитательных мероприятий. Она включала в себя также проверку состояния умов, выявление смутьянов,

предотвращение дезертирства и бунтов, проверку расходов в частях на нужды личного состава и много других столь же полезных элементов.

Постепенно тайваньская армия становилась в настоящем смысле этого слова вооруженной силой, и в большой мере это было делом рук Цзян Цзинго.

Однако, пожалуй, наибольшую известность - недобрую известность - среди жителей Тайваня принесли Цзяну подведомственные ему службы безопасности, занимавшиеся борьбой с «коммунистической инфильтрацией» и вылавливанием разного рода «ненадежных элементов».

«Как-то Цзян Цзинго похвастался, что в течение трех с половиной лет раскрывал ежемесячно в среднем по тринадцать коммунистических заговоров...С момента своего появления на Формозе в 1949 году он получил небывалую власть над жителями острова», - писал биограф Чан Кайши Р. Пэйн²⁵.

«Двадцать пять тысяч агентов тайваньского гарнизонного командования следили за соблюдением правил чрезвычайного положения, включая цензуру и запрет на политические партии», - отмечал журнал «Форин полиси»²⁶.

В отсутствие контроля со стороны общества карательная машина, быстро набрав обороты, работала по ведомственной логике: количество жертв - показатель качества работы стражей порядка. Впоследствии тайваньская общественность неоднократно возвращалась к теме террора 50-х годов. Одни считали, что при всех его пережестках он был жизненно необходим для Тайваня. Другие, либеральные деятели, считали его в принципе недопустимым. Первые расценивали подход вторых как предвзятый и поверхностный. В любом случае стоит отметить, что поле деятельности карательных органов было ограничено сравнительно узкими рамками, по крайней мере, так считают некоторые исследователи: «Подавляющее большинство тайваньцев мало соприкасалось с силами безопасности, поскольку последних интересовали главным образом агенты и сторонники компартии и лица, выступавшие на независимость Тайваня»^{26а}.

И еще на одном поприще отличился Цзян Цзинго. В октябре 1952 года по личному указанию Чан Кайши был создан Антисоветский союз молодежи для спасения Родины (антисоветский союз молодежи), организация формально непартийная, а по сути - резерв Гоминьдана и опора для его лидеров: председателя - Цзян Цзинго и Почетного председателя - Чан Кайши. Восемь заповедей антисоветского союза включали в себя требования: быть преданным трем народным принципам, защищать вождя, повиноваться приказам, помогать друг другу, жертвовать собой во имя общего блага. Антисоветским союзникам вменялись в обязанность

бесплатная работа в пользу Союза, сбор средств, опять-таки, в его пользу, участие в демонстрациях, а также посещение бесконечных собраний: отряда, ячейки, актива и т.п. Формулировки из учения о трех народных принципах и «Поучения Президента» антикомсомолец обязан был знать наизусть²⁷.

Свою организацию, хотя, конечно, далеко не столь мощную, создала и Сун Мэйлин - Китайскую женскую ассоциацию сопротивления коммунизму и отпора России. Ее участницы шили военное обмундирование, шефствовали над семьями военнослужащих и т.д. Жены Цзян Цзинго и его брата Цзян Вэйго работали в этой организации.

Восхождение Цзян Цзинго

Итак, буквально на глазах на Тайване в обстановке «осажденной крепости» сложилось жесткое политическое образование - однопартийное государство авторитарного типа с харизматическим лидером во главе. Вероятно, только такого типа система и могла сложиться в данном месте и в данных обстоятельствах. Исследователи неоднократно отмечали сходство этого государства с коммунистическими режимами (так же, как и сходство Гоминьдана с компартиями), называли его, например, “квазиленинским партией-государством”²⁸. Сходство простиралось даже в область официальных лозунгов: они и на Тайване имели мобилизующий характер, звали людей к полной самоотдаче во имя революции. Однако, дальше начинались различия и даже противоположности.

Во-первых - мы уже говорили об этом в связи с партийной реформой - в политическую структуру тайваньского общества, этот аналог политического каркаса социалистических государств (Чан Кайши называл его «телом»), была вложена воинственная антикоммунистическая идеология («душа»). Тайваньские лидеры разработали обширную идеолого-пропагандистскую доктрину, которая отводила Тайваню одно из самых заметных мест в глобальной борьбе «свободного мира» против коммунизма и возлагала на Гоминьдан миссию: спасти китайскую цивилизацию от ее врагов - китайских коммунистов и построить процветающее государство. Была создана сага о героической истории Гоминьдана, выпущена масса литературы о гоминьдановцах-героях борьбы за идеалы партии.

Государственная система Тайваня стала, таким образом, как бы зеркальным отражением коммунистических режимов: все похоже, все узнаваемо, только правая и левая стороны поменялись местами.

Во-вторых, тайваньское государство, при всем его отталкивающем репрессивном характере, было, если употреблять тяжелую политическую терминологию, не тоталитарным, а

авторитарным. Иными словами, оно допускало кое-какое свободомыслие. На протяжении 50-х годов оно терпело, ограничиваясь полумерами, либеральный журнал «Свободный Китай», возглавлявшийся видным политическим деятелем Лэй Чжэнем. Журнал остро и зло критиковал политику правительства, в частности, порядки, введенные Цзян Цзинго в армии, и руководимый им антикомсомол. Правда, в конце концов это кончилось печально для Лэй Чжэня: в 1960 году, когда он пытался создать что-то вроде оппозиционной партии, терпение властей истощилось, и Лэй Чжэнь угодил в тюрьму, где просидел день в день десять лет, несмотря на заступничество ученого с мировым именем Ху Ши, а также Комиссии ООН по правам человека. Однако либеральное течение после этого лишь усилилось.

Кроме того, гоминьдановская административная система на Тайване вмещала в себя кое-какие демократические элементы. В частности, в 1950 году были введены прямые выборы в местные органы самоуправления ниже провинциальных, а в 1954 году - и в провинциальные.

Дело в том, что творцы тайваньского режима, столь непривлекательного в глазах обоих мировых лагерей (для каждого лагеря - по своей причине), с самого начала создавали этот режим с прицелом на его последующую перестройку на демократических принципах. Это было зафиксировано достаточно ответственным образом: демократическая по своему духу Конституция, принятая в 1946 г., на Тайване не была отменена. Ее фактическое действие было заморожено двумя документами подчеркнуто преходящего характера (хотя скоро стало ясно, что жизнь им суждена долгая): «Временными правилами на период мобилизации для подавления мятежа» от 1948 г. и Декретом о чрезвычайном положении (1950г.).

И Чан Кайши, и Цзян Цзинго неоднократно говорили о двух сторонах или двух стадиях политического строительства на Тайване: революционной (т.е. диктаторской, антикоммунистической) и демократической. Вот, например, какими мыслями Цзян Цзинго делился с видным американским китаеведом А. Уайтингом: «Однопартийная диктатура - это единственный способ правления в Азии. Политработа, службы безопасности, Союз молодежи для спасения Родины подвергаются яростным нападкам со стороны коммунистов, из-за этого же возникают серьезные недоразумения с американцами. Между тем, истина ясна: мы боремся против коммунистов во имя свободы. А с коммунистами можно бороться только такими способами. Наш принцип - стремление к демократии, но пока существует коммунизм, мы не можем осуществить наши идеалы, и до тех пор у нас не будет демократии»²⁹.

Ориентированность на демократию, хотя бы и далеко на заднем плане, малозаметная в повседневной жизни, не была случайной, как не было проявлением слабости государственной власти ее отношение к диссидентам: не давать им простора, но и не душить до конца. Эта

особенность гоминьдановской политической системы вполне согласовывалась с учением Сунь Ятсена, включавшим в себя идею многопартийности.

Наконец, в-третьих, экономический базис тайваньского общества имел смешанный характер. Ключевые отрасли экономики: банки, транспорт, внешняя торговля, крупная промышленность первое время после эвакуации на Тайвань находились, как и прежде на материке, в руках государства. Средняя и мелкая промышленность, сельское хозяйство составляли частный сектор. В течение 50 - 60-х годов значительная часть государственной собственности была приватизирована, а формы частной собственности совершенствовались, можно сказать, непрерывно. В совокупности эти преобразования, коренным образом изменившие облик тайваньской экономики, все же были не столь глубокими, не означали такой ломки основ, как всеобъемлющая приватизация в бывших социалистических странах, поскольку приватизация на Тайване охватывала не всю экономику и проводилась в такой социальной среде, для которой понятие частной собственности было не звонкой абстракцией, а повседневной реальностью. Рекомендации американских советников, а, главное, тщательно продуманная политика властей позволили провести все эти реформы постепенно и максимально гладко.

Прекрасным примером здесь может служить аграрная реформа, с которой началась рыночная модернизация Тайваня и создание открытой экономики. Она проводилась специально для того созданными комитетами, которые собрали подробные сведения о земельном фонде и вели постоянное наблюдение за ходом дел в деревне. Первый шаг в реформе был сделан еще в апреле 1949 года, до эвакуации гоминьдановских войск на Тайвань: плата за аренду земли на острове была существенно снижена - до 37,4%, что позволило облегчить положение крестьян, не создавая при этом нетерпимых условий для землевладельцев. «Снизив арендную плату,- подчеркивал губернатор Тайваня Чэнь Чэн,- мы можем избежать кровавой борьбы, которую несут с собой коммунисты, смягчить отношения между помещиком и крестьянином и постепенно достичь народного благоденствия»³⁰.

(Кстати сказать, в период антияпонской войны и единого фронта с Гоминьданом к подобным же мерам прибегала и китайская компартия: в контролируемых ею Освобожденных районах помещичьи земли не конфисковались; вместо этого арендная плата снижалась до 30%).

Затем последовала продажа крестьянам земель, принадлежавших центральному правительству и местным властям. Наконец, с 1953 года в продажу крестьянам были пущены помещичьи земли сверх определенного надела (в 7,16 акра, т.е. около 3 га). Земля продавалась

преимущественно тем, кто на ней работал, в рассрочку, по сниженной цене, равной стоимости 2,5 урожая с данного участка вместо рыночной цены в 4 - 5 урожая. Всего крестьянам было передано таким образом 25% всей обрабатываемой земли. Помещикам оставляли в собственность сравнительно большие участки земли, а за проданный излишек они получали выкуп, частично - в виде акций государственных промышленных компаний.

Как и было задумано, это обеспечило общественное спокойствие в деревне, хотя в ходе проводимых аграрными комитетами социологических опросов помещики «горько жаловались» на постигшую их участь. Гоминьдан придавал большое значение этой стороне дела, опасаясь, что волнения и беспорядки могут спровоцировать руководителей КНР на вооруженное вмешательство.

В результате аграрной реформы на Тайване утвердилось фермерское хозяйство современного типа, что позволило поднять жизненный уровень крестьян и в основном разрешить столь типичную для развивающихся стран Азии продовольственную проблему. Руководители Гоминьдана рассматривали аграрную реформу как осуществление одного из основных положений учения Сунь Ятсена: «каждому пахарю - свое поле». Они подчеркивали, что и сам поэтапный процесс реформы соответствовал его программе.

В модернизации тайваньского общества огромную роль сыграли талантливые администраторы и специалисты, сгруппировавшиеся вокруг Чан Кайши и на более низких ступенях государственной пирамиды. Генерала Чэнь Чэна - губернатора, а затем председателя Исполнительной палаты за его деятельность называли «отцом аграрной реформы». Сменивший его на посту губернатора У Гочжэнь сумел привести в порядок до-нельзя расстроенные финансы.

Особое место среди них занимал Цзян Цзинго, ставший в тайваньский период правой рукой президента. Нередко ему приходилось вести переговоры от имени отца. Очевидцы вспоминали: зачастую Чан Кайши отсылал тех, кто приходил к нему на прием, к своему сыну. Тут же секретарь фиксировал это указание и пересылал сообщение, записанное по специальной форме, в аппарат Цзян Цзинго: «...месяца...числа г-н...был принят г-ном Чаном, хочет доложить о нижеследующем деле:...Г-ну...указано...месяца...числа явиться к г-ну Цзян Цзинго для рассмотрения дела о...». Далее один из мемуаристов замечает: «У дверей резиденции Цзян Цзинго всегда толпился народ. Должностей у него было много - от начальника ГПУ министерства обороны до главы компании по производству учебных сельскохозяйственных фильмов»³¹.

В свою очередь, и Цзян Цзинго теперь было, на кого опереться: он приобрел немало преданных сторонников в Цзянси, Чунцине, Шанхае. Держались за него и однокашники по университету имени Сунь Ятсена в Москве. Цзян постоянно двигал их за собой, а одного из них сделал своим спичрайтером, поручив ему правку и редактирование своих многочисленных сочинений.

Американские и британские дипломаты высоко ценили этот кадровый костяк Гоминьдана, состоявший, как они отмечали, из «чрезвычайно способных, образованных, трудолюбивых и честных»³² людей. Их объединяли антикоммунизм и преданность Гоминьдану - иначе они не оказались бы на Тайване - однако, по многим важным проблемам взгляды их значительно расходились. Среди них имелись деятели либерального толка, такие как У Гочжэнь, центристы и технократы (Чэнь Чэн, Янь Цзягань, Сунь Лижэнь), сторонники правых убеждений, и среди них Цзян Цзинго. В Гоминьдане того периода не было сколько-нибудь явной «групповщины», фракционной борьбы. Но борьбу личностей, борьбу взглядов и амбиций, естественно, никакими реорганизациями вытравить было невозможно. Впоследствии одни из сановников стали союзниками Цзян Цзинго, другие - его врагами.

Итак, будучи вытесненным на небольшой остров, в необычайно трудной обстановке Гоминьдан сумел выжить, укрепиться и начать перестраивать общество нужным ему образом. Это стало возможным только благодаря большой и многообразной помощи со стороны США, прежде всего - военной помощи, начиная с посылки в Тайваньский пролив седьмого флота. Последующие американские поставки военных товаров потянули на сотни миллионов долларов. Четыреста американских военных советников помогали реорганизовывать тайваньскую армию.

В декабре 1954 года между Тайванем и США был заключен Договор о взаимной обороне, позволивший Соединенным Штатам размещать на Тайване и островах Пэнху свои вооруженные силы. Вслед за тем резолюция сената дала право президенту США «применять вооруженные силы Соединенных Штатов по своему усмотрению со специальной целью защиты и обороны Формозы и Пескадорских (т.е. Пэнху. - Авт.) островов от вооруженного нападения»³³.

Руководители КНР не ограничились протестами. Решив продемонстрировать всему миру, кто является истинным хозяином всей китайской территории, они ввели в действие части НОАК, которые в январе - феврале 1955 г. провели наступательную операцию и взяли под свой контроль группу занятых гоминьдановской армией островов, расположенных совсем близко от побережья материка. Острова не входили в зону действия Договора о взаимной

обороне, и защищать их было практически невозможно. Американская сторона не нарушала условий договора, однако американские советники наблюдали за ходом сражения за остров Ицзяншань, а американские корабли перевозили на Тайвань гоминьдановских солдат и пятнадцатитысячное население островов архипелага Дачэнь.

Тайвань начал получать от США и значительную экономическую помощь, которая послужила источником инвестиций, а также современных технологий и управленческого опыта. Тайваню было оказано содействие в налаживании хозяйственного планирования, предоставлялись консультации по проведению аграрной реформы. Экономическая помощь осуществлялась в основном с 1950 по 1965 г., большей частью в виде займов и кредитов на закупку сельскохозяйственной продукции. Общий объем помощи составил 1,5 млрд. ам. долл.

³⁴ Сумма, безусловно, немалая в расчете на душу населения, которое в 1960 г. составляло приблизительно десять миллионов человек. Но после 1965 г. экономика Тайваня развивалась, опираясь на собственные силы.

Чрезвычайно важным обстоятельством для Тайваня стало оказание ему Соединенными Штатами политического покровительства в ООН, где СССР и его союзники настойчиво требовали исключить Китайскую Республику и передать занимаемое ею место Китайской Народной Республике.

В этих условиях противостояние между двумя частями Китая превратилось в один из участков противоборства двух мировых лагерей, участок небольшой, однако, всплески напряженности в Тайваньском проливе подчас отзывались громким и грозным эхом в сфере взаимоотношений двух ведущих держав той эпохи.

Так было, когда в августе - сентябре 1958 г. артиллерия КНР предприняла интенсивный артиллерийский обстрел занятых гоминьдановскими войсками прибрежных островов Цзиньмэнь и Мацзу. Вашингтон тут же начал стягивать к Тайваню военно-морские силы и авиационные соединения. Военная акция КНР была предпринята почти сразу же после визита в Пекин главы советского правительства Н.С. Хрущева, и в западной прессе появились предположения, что руководители КНР согласовали ее с советским правительством и теперь рассчитывают на его поддержку. На самом деле такого согласования не было, однако поддержка была оказана, и при том - самая решительная. Н.С. Хрущев в послании президенту Эйзенхауэру предупредил: «Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны - это нападение на Советский Союз». Несколько днями позже, в другом послании он подчеркнул: если на КНР будет

совершено атомное нападение, то «агрессор немедленно получит отпор теми же средствами»³⁵. Заявления в таком тоне не часто исходили из мировых столиц!

Спустя четыре десятилетия из секретных документов, опубликованных газетой «Асахи»³⁶, выяснилось: накануне обстрела островов США, действительно, изучали возможность нанесения ядерных ударов по городам Китая в ответ на развертывание Пекином боевых действий против Тайваня или Южной Кореи. В этом случае число жертв составило бы несколько миллионов человек. Как явствует из документов, Вашингтон отказался от этого плана, опасаясь, что СССР произведет ответный удар по американским военным базам и кораблям, находящимся в регионе. Таким образом, предупреждения Москвы подтвердили предположения Вашингтона, так же как и его расчет, что непосредственного участия в операциях против Тайваня, ведущихся обычным оружием, СССР предпринимать не будет. А при этом условии способность США противостоять силам КНР ни у кого не вызывала сомнений.

Руководители Гоминьдана, разумеется, прекрасно понимали ключевое значение США для сохранения существования своей власти на Тайване - раздражающе близком, но недоступном для НОАК куске китайской территории, и не жалели усилий для укрепления связей с Соединенными Штатами на всех уровнях и во всех формах. Протайваньское лобби сделалось заметным явлением в жизни американского конгресса.

Одновременно отец и сын Чаны последовательно демонстрировали махровый антисоветизм. В своих выступлениях и публикациях Цзян Цзинго, как и его отец, изображал в самых черных красках советский строй, много говорил о «российском империализме» и предъявлял Советскому Союзу «огромный счет» территориального характера.

Столь отчетливо выраженная позиция Тайваня в противостоянии двух мировых лагерей не заставила, однако, США отказаться от самого внимательного наблюдения за политической обстановкой в Тайбэе, за всеми нюансами в поведении лидеров гоминьдана. Обосновавшийся на Тайване официальный представитель ЦРУ Рэй Клайн, тесно сотрудничавший с Цзян Цзинго в том, что касалось борьбы с китайскими коммунистами, одновременно выполнял и другое задание. «Одной из моих задач,- вспоминал он впоследствии,- было собирать информацию о политике СССР в Китае и передавать ее американскому правительству, чтобы оно могло оценить подлинное отношение Цзян Цзинго к СССР. В конце 50-х годов это имело достаточно важное значение, так как в то время в Китайской Республике многие серьезные люди считали Цзян Цзинго агентом Советского Союза или, по крайней мере, сочувствующим Советскому Союзу. Они исходили из того, что Цзян Цзинго долгое время жил в СССР. Моя

цель состояла в том, чтобы предоставить в распоряжение людей, определяющих политику, реальные факты»³⁷.

Такая подстраховка не мешала американскому правительству старательно обхаживать Цзян Цзинго, видя в нем возможного преемника немолодого и уже не слишком здорового Чан Кайши и стараясь завоевать его симпатии. В 1953 году младшего Цзяна пригласили в США и два месяца знакомили с экономическими достижениями и образом жизни страны. Его принял президент Эйзенхауэр...

В 1956 г. Цзян Цзинго получил новое назначение, казалось бы, рутинно-административное, но на самом деле государственно важное с социальной и экономической точек зрения. Это был пост начальника Комитета помощи отставным ветеранам. Из почти двух миллионов, эвакуированных с материка на Тайвань в 1949 году, большинство составляли солдаты и офицеры Гоминьдановской армии. Оторванные от родных мест, без гражданской профессии, без образования, они, отслужив свое, могли оказаться выброшенными за борт общества. Возникла, таким образом, почва для социального недовольства и конфликтов.

Цзян Цзинго взялся за дело с присущей ему энергией. Работа закипела. Сотрудники Комитета подыскивали демобилизованным работу, помогали поступить в училище, кого-то направляли в больницу или санаторий поправить здоровье. Комитет открывал для ветеранов мастерские, организовывал сельскохозяйственные фермы, строил больницы и общежития - многим было просто негде жить. Среди ветеранов имелось немало людей с физическими увечьями, которых удалось спасти от гибели только благодаря созданию инвалидных домов. В 1964 году, перед уходом из Комитета помощи ветеранам, Цзян Цзинго отчитывался о работе: за семь лет Комитет трудоустроил более ста двадцати тысяч человек.

Самым массовым способом ликвидации безработицы среди ветеранов стало строительство автомобильных дорог. Этот тяжелый физический труд с лопатой, киркой и коромыслом в качестве основных механизмов, низко оплачиваемый, стал, тем не менее, спасением для десятков тысяч ветеранов. Меньше чем за четыре года остров пересекла сквозная автомагистраль.

Последующие годы были временем успешного восхождения Цзян Цзинго к вершинам власти. С 1957 года он - неперемный член всех созывов Центрального постоянного комитета Гоминьдана. В 1960-м получает чин генерал-полковника второго ранга. В 1964-м назначен заместителем министра обороны, став, как считают некоторые историки, фактическим

хозяйном военного ведомства. По крайней мере, общие руководящие установки типа «армия должна быть экономной» исходят от Цзян Цзинго.

На следующий год министр обороны Юй Давэй (кстати сказать, известный специалист по баллистике) уходит в отставку по состоянию здоровья - он, действительно, много болел и ездил лечиться в США. Он рекомендует на свое место «более способного человека - генерала Цзян Цзинго» подчеркивая: то обстоятельство, что его, Юя, сын состоит в браке с дочерью Цзяна, не играет здесь ни малейшей роли.

Рекомендация принимается. Проправительственная газета «Ляньхэ бао» называет Цзян Цзинго «самой идеальной кандидатурой». Цзян Цзинго рьяно берется за дела, много ездит с инспекциями (не предупреждая заранее о своем приезде). Его работу одобряет пресса, не только своя, но и гонконгская: «Боевой дух и дисциплина во всех родах войск еще никогда не были на такой высоте»³⁸.

В 1969 году Цзян Цзинго становится заместителем председателя Исполнительной Палаты.

Круг его деятельности раз за разом расширяется. Он руководит действиями гомиьндановских частей на острове Цзиньмэнь во время артиллерийской дуэли с силами НОАК в 1958 году. Ведает переоснащением армии. Занимается дипломатической работой. Чан Кайши уже стар, ему трудно совершать далекие вояжи за море, он твердит, что до возвращения на материк не станет выезжать никуда за границу; вице-президент Чэнь Чэн серьезно болен (он скончался в 1965 году), и выполнение наиболее ответственных представительских миссий в сношениях с внешним миром переходит к Цзян Цзинго. Он встречается с президентами Кеннеди и Джонсоном в США, с Ли Сын Маном в Южной Корее, наносит визит в Японию, посещает Таиланд, где обсуждает вопросы координации действий в борьбе против стран социалистического лагеря. Став заместителем председателя Исполнительного юаня, Цзян Цзинго приобщается к экономическим проблемам: возглавляет Комитет по развитию международного экономического сотрудничества.

При всем этом он не выпускает из своих рук секретные службы. В 1995 г. на Тайване была опубликована сенсационная книга «Советский шпион на Тайване»³⁹, содержащая дневниковые записи бывшего заведующего отделом печати правительства Вэй Цзинмэна. Согласно записям Вэя, в октябре 1968 г. на острове находился московский корреспондент газеты «Лондон ивнинг ньюспэйпер» Виктор Луи (Луис). Он представился как консультант советских правительственных органов по делам Гомиьндана и передал властям Тайваня секретные предложения советской стороны о сотрудничестве против тогдашнего руководства

КНР, чья политика в тот период становилась год от года все более враждебной Советскому Союзу. В. Луи имел более тридцати встреч с высокопоставленными должностными лицами Тайваня, включая министра обороны Цзян Цзинго, начальника военной разведки и министра экономики. Стороны осторожно прощупывали позиции друг друга: можно ли улучшить их взаимоотношения и в какой мере? Спектр сходных точек зрения и гипотетических направлений взаимодействия оказался довольно широким, и хозяева предложили поддерживать постоянные контакты и обмениваться разведанными. В. Луи поднял вопрос о возможности сотрудничества симпатизирующих Москве («здоровых») сил в КПК с Гомиьнданом.

Цзян Цзинго курировал всю организацию визита, от вопросов безопасности до выбора экскурсионных программ для необычного гостя. Были у них, разумеется, и разговоры на неофициальные темы. В.Луи рассказал, что некогда он, будучи объявлен американским шпионом, был репрессирован, осужден на двадцатипятилетнее заключение, но освобожден через девять лет. Окончил институт иностранных языков в Москве, работал корреспондентом множества влиятельных западных газет и крупнейших радиокорпораций. Женат на англичанке.

В последующие две года Вэй дважды встречался с Луи в Вене, снабженный инструкциями Чан Кайши, в частности, о готовности гомиьндановского правительства признать МНР, а также о том, чтобы намечаемое взаимодействие сторон не превратилось в новое издание сотрудничества Гомиьндана и коммунистов, имевшего место в 20-х годах.

Главным итогом встреч стало заявление Луи: если в какой-либо части Китая начнутся боевые действия и вспыхнет гражданская война, СССР станет рассматривать ее как внутреннее дело Китая и будет соблюдать нейтралитет.

На этом секретная связь СССР с Тайванем оборвалась. Возможно, из-за того, что в глазах Москвы начавшаяся «пинг-понговая дипломатия» Вашингтона и последующее сближение его с КНР означали серьезное ослабление поддержки им Тайбэя в его противостоянии Пекину. А это лишало Тайвань ценности как потенциального союзника Москвы.

Все предыдущие годы, с момента введения американского седьмого флота в Тайваньский пролив, внешнеполитическая обстановка оставалась достаточно благоприятной для Гомиьндана. Став стратегически важным узлом обороны США, Китайская Республика на Тайване обеспечила себе не только внушительную и разнообразную помощь со стороны Вашингтона, но и просторную прочную нишу в западном мире. Визиты на Тайвань

американских политических руководителей высшего эшелона, включая президента Эйзенхауэра; членство в ООН, которое удавалось сохранить, невзирая на самые энергичные возражения со стороны социалистических государств; мирный договор с Японией; поддержание дипломатических отношений со множеством стран, в том числе ведущих; многочисленные торгово-экономические и культурные соглашения - вот важнейшие штрихи международного положения Тайваня в тот период. Разрыв в 1964 году официальных связей с Францией, решившей установить дипломатические отношения с КНР, не слишком сильно омрачил настроение тайваньских руководителей.

Мощным источником их оптимизма послужили затеянные Мао Цзэдуном в конце 50-х годов авантюрные экономические эксперименты казарменно-коммунистического типа: печально знаменитые «народные коммуны» и «большой скачок». Их провал укрепил веру тайбэйских лидеров в то, что коммунистический режим на материке рано или поздно потерпит крах. Цзян Цзинго неоднократно возвращался к этой теме в своих выступлениях. Мало того, серьезное ухудшение экономической ситуации в КНР, наступившее в результате экономических авантюр, плюс наметившееся охлаждение в советско-китайских отношениях оживили реваншистские настроения в Тайбэе - надо сказать, не менее ирреальные, чем цели «большого скачка»: за несколько лет догнать и перегнать передовые страны. Очередной пленум ЦК Гоминьдана принял руководящий документ - «Программу Победного Возвращения на материк». Чан Кайши раздавал интервью, обещая ее выполнение. «Цзян Цзинго, как и его отец, считал, что если нанести мощный удар по системе, установленной коммунистами, она быстро развалится»⁴⁰, - писал Р. Клайн, как представитель ЦРУ тесно общавшийся с тайваньскими лидерами. Встревоженные воинственными заявлениями Тайбэя, руководители КНР начали передислоцировать в юго-восточную часть Китая дополнительные военно-воздушные и сухопутные силы. Обстановка в Тайваньском проливе начала накаляться.

В отличие, однако, от лидеров огромной КНР с их безудержным экономическим волюнтаризмом, самоуверенный пыл тайваньских руководителей было, кому укрощать. Предоставим слово Р.Клайну: «США не могли не понимать, что предпринимать военные действия против материка - это авантюра. Возможно, СССР вновь придет на помощь китайским коммунистам, и тогда может вспыхнуть третья мировая война. США категорически отказались предоставлять какую бы то ни было военную поддержку такой вылазке и немедленно разъяснили свою позицию Китайской компартии»⁴¹ Президент Кеннеди прямо заявил в августе 1962 года, что военные действия гоминьдановской армии

против материка будут равносильны самоубийству. Чан Кайши пришлось отступить от своих замыслов.

Тем не менее, небольшие отряды гоминьдановской армии в начале 60-х годов совершили несколько высадок на материк⁴² в тщетной надежде закрепиться на побережье, а то и продвинуться вглубь страны. Осуществляли их ведомства, находившиеся под эгидой Цзян Цзинго. Повидимому, организаторы этих акций тешили себя надеждой: а вдруг все-таки получится? И тогда, может быть, США, несмотря на все свои предостережения, не останутся в стороне?

Существовала, однако, одна деликатная область, где тайваньская и американские стороны быстро нашли общий язык и вступили в тесное сотрудничество. В книге «Цзян Цзинго, каким я его знал» Р. Клайн пишет: «Предметом постоянных забот для американских разведорганов в Азии был сбор сведений из континентального Китая. Коллеги из Китайской Республики предоставляли в наше распоряжение массу материалов, которые позволяли нам правильно оценивать обстановку в Китае. Разумеется, американская разведка не могла себе позволить действовать так же, как тайваньцы, для которых компартия была открытым врагом. Но у американцев имелось разнообразное полезное для них оборудование. На этой основе и сложилось взаимовыгодное сотрудничество.

Так, США располагали глобальной системой электронного слежения, которая регистрировала и анализировала сигналы, исходившие от самолетов и других военных объектов. Однако расшифровывать принятую аппаратурой китайскую речь нам было очень трудно, хотя сотрудники американских разведорганов умели понимать и говорить по-китайски. На Тайване же были выходцы из разных провинций Китая, они владели диалектами и даже узнавали по голосам радиодикторов несмотря на то, что покинули материк много лет назад. Они широко участвовали в разведывательно-аналитической работе и очень помогли нам при обработке речевой информации.

Почти с самого начала Цзян Цзинго с согласия своего отца заявил мне, что США могут пользоваться всеми тайваньскими разведанными о материковом Китае. Для нас оказались очень полезными сведения, полученные при патрулировании тайваньских самолетов вдоль его побережья. Другой пример: когда компартия начала переброску своих контингентов в Северный Вьетнам, Тайвань очень скоро предоставил американской стороне данные на этот счет»⁴³.

В 1960 году в глубине территории СССР в районе Южного Урала был сбит американский самолет-разведчик У-2. Пилот потерявшего управление самолета Ф. Пауэрс

выбросился с парашютом и был взят в плен. Обнаружение воздушного шпиона вызвало международный скандал и затормозило начавшееся было потепление советско-американских отношений.

Р. Клайн (приводим его рассказ с некоторыми сокращениями): «Самолеты У-2 проводили съемку в советском воздушном пространстве в течение четырех лет. Мне пришла в голову мысль, что теперь их можно будет использовать для сбора информации о континентальном Китае, благо силы его ПВО находились в первобытном состоянии. С согласия директора ЦРУ А. Даллеса я подал свой проект по инстанциям в Совет Национальной Безопасности и президенту Кеннеди. Но, прилетев в Вашингтон, я обнаружил, что никто из чиновников не имеет охоты обращаться с этим делом наверх, все хотят, чтобы я действовал сам. И нетрудно понять, почему: если У-2 и на этот раз будет сбит, отвечать буду я, а не кто-то другой.

Воспользовавшись случаем, я рассказал о своем плане президенту Кеннеди. Оказалось, что президент не склонен осторожничать. Он понимал, конечно, каким ударом для президента Эйзенхауэра стал эпизод со сбитым У-2, но осознавал и важность сбора стратегической информации. Я без труда получил его одобрение: если я могу обеспечить, чтобы Китайская Республика как воюющая сторона осуществила выполнение разведывательной акции с помощью самолетов У-2, ей может быть позволено использовать небольшое число самолетов этого типа для проведения фотосъемки. Разумеется, если будет получена информация, представляющая интерес для США, такая информация должна быть передана ЦРУ.

Получив согласие президента, я вернулся на Тайвань. Люди здесь горели нетерпением и, казалось, готовы были принять едва ли не любые американские условия. От имени Китайской Республики фирме «Локхид» был сделан официальный заказ на самолеты У-2...

Первый полет в воздушное пространство материкового Китая длился четырнадцать часов. Для обычного летчика это было бы труднейшим испытанием физических и духовных сил, но эти молодые тайваньские офицеры были великолепно подготовлены.

Цзян Цзинго встречал возвращавшийся с задания самолет на аэродроме. Мы все были в летной одежде, со значками отряда У-2 на пилотках. Едва самолет остановился после пробежки, молодой летчик выскочил из кабины. Мы подбежали к нему. Он выпалил, что задание полностью выполнено, и Цзян Цзинго прикрепил к его комбинезону орден.

Пилот долетел до глубинных районов Синьцзяна и повернул назад, лишь когда увидел, что топлива может нехватить на обратный путь. Он обнаружил в пустыне Шамо военные части и огромную установку для запуска ракет. Сделанные им великолепные фотографии

впоследствии обошли весь мир, легли на стол творцов внешней политики в Вашингтоне и столицах западных стран. Они позволили судить о том, как СССР помогал Китаю в развитии ракетного оружия. Установка имела запущенный вид, из чего следовало, что советско-китайский раскол - не видимость, как того боялись в Вашингтоне: СССР прекратил оказание Китаю военной помощи. Фотографии показали также, что построенная с помощью Советского Союза атомная электростанция бездействует, так же как и полигон для ядерных испытаний.

В Вашингтоне дали высокую оценку результатам этой операции. Если бы не Цзян Цзинго, операция не состоялась бы»⁴⁴, - заключает Р. Клайн описание этого эпизода. В первой половине 60-х годов была проведена серия таких полетов, затем функции У-2 перешли к разведывательным спутникам.

На рубеже 60-х и 70-х годов едва ли не идиллическим отношениям между США и Тайванем пришел конец. Противоречия между СССР и КНР, воспринятые лидерами обеих стран сквозь призму идеологических догм и личных амбиций, в 1969 году раскололи советско-китайские отношения грохотом выстрелов и взрывов на острове Даманском. Пекин начал подавать недвусмысленные сигналы странам Запада, надеясь найти в их лице союзников для совместного противостояния Москве. Сигналы были услышаны и поняты. Используя тактику малых шагов, США и КНР пошли на сближение друг с другом.

Тайбэй охватило глубокое беспокойство, тем более что в Вашингтоне стало появляться все больше признаков прохладного отношения к младшему союзнику. В декабре 1969 года госдепартамент объявил патрулирование седьмого флота в Тайваньском проливе «бессрочным» - эта двусмысленная формула означала, что оно в любой момент может быть прекращено. Одновременно Белый дом высказался против поставок Тайваню новой партии истребителей F-4D, а месяц спустя обе палаты конгресса проголосовали за то, чтобы урезать сумму, которую первоначально предполагалось выделить Тайваню для закупки этих самолетов.

Цзян Цзинго, только что назначенный заместителем председателя Исполнительной палаты, по распоряжению отца срочно вылетел в США с длинным перечнем тревожных вопросов: на какие уступки Пекину собираются пойти США? будут ли США попрежнему отстаивать членство Китайской Республики в ООН? окажут ли они Тайваню помощь, и какую, если коммунистическая армия начнет штурмовать расположенные недалеко от побережья материка острова Цзиньмэнь и Мацзу? не откажутся ли помочь модернизации тайваньской армии?

Это был уже пятый по счету визит Цзян Цзинго в США. В Вашингтоне ему устроили торжественный прием, однако, как метко заметил тайваньский посол, прием напоминал прощанье. Цзян Цзинго предложил в интересах «сдерживания коммунизма» создать блок, в котором руководящая роль принадлежала бы Соединенным Штатам, а, кроме них, в него входили бы Тайвань, Южная Корея, Южный Вьетнам и Таиланд. Никсон вежливо выслушал гостя, но не проявил к его идее никакого интереса. Киссинджер в беседе с Цзян Цзинго, по воспоминаниям тайваньского посла, «только шутил и ничего не сказал».

Утром 24 апреля Цзян Цзинго пригласил корреспондентов тайбэйских газет к себе на завтрак - отметить свой юбилей: ему исполнилось 60 лет. Гостям подавали персики и особое печенье - символы долголетия. В заявлении Цзян Цзинго для прессы звучал оптимизм, никакими фактами, правда, не подтвержденный.

А через три часа после того, как юбилейный брифинг закончился, на Цзян Цзинго было совершено покушение.

Дело было так. Американский Дальневосточный совет по промышленности и торговле устроил в его честь банкет в отеле «Плаза». Цзян Цзинго подъехал к отелю в сопровождении кортежа полицейских и уже поднялся по лестнице, покрытой красным ковром, как вдруг из-за мраморных колонн выскочили два молодых китайца. Один из них, проскользнув мимо полицейских, бросился на Цзян Цзинго и выстрелил в него. Однако охранник успел ударить стрелявшего под локоть, в то время как другой охранник поспешно протолкнул Цзян Цзинго через дверь-вертушку. Пуля ушла вверх, прошла дверь и застряла в противоположной стене холла. Террориста зажали в двери и схватили. Второй террорист ловким приемом был уложен на землю, пытался сопротивляться, но получил удар дубинкой по голове.

Цзян Цзинго не пострадал и просил хозяев отнестись к преступникам со снисхождением.

По иронии судьбы, американские газеты, весьма скупо освещавшие столь важный для Тайваня визит Цзян Цзинго, теперь сделали его героем своих сенсационных репортажей.

Как выяснилось, покушение имело политический характер. Еще в конце 40-х годов на Тайване зародилось сепаратистское движение, участники которого мечтали провозгласить Тайвань самостоятельным государством. Глубинным источником движения были противоречия между местными жителями и массой переселенцев с материка в 1949 году: пришельцы захватили в свои руки практически все командные посты в администрации острова, ущемили своими реформами интересы местных собственников, ввели чрезвычайное

положение. Кому-то правление соотечественников с материка казалось даже не лучшим, чем японское господство.

Движение было слабым и немногочисленным, состояло оно главным образом из представителей молодой интеллигенции и действовало почти исключительно за пределами Тайваня - в Японии и Гонконге, но главным образом в США, поскольку на самом острове пропаганда идеи независимости Тайваня была категорически запрещена и даже вне его тайваньские спецслужбы старались не упускать сепаратистов из вида. Как это нередко бывает с малосильными, но политически претенциозными движениями, оно легко скатилось к экстремистским взглядам, а затем и действиям. Проповедь насильственного свержения власти Гоминьдана, подготовка и осуществление террористических актов - вот чем жили его участники.

Покушавшиеся на Цзян Цзинго преступники оказались выходцами с Тайваня, одногодками (обоим было по тридцать два) и родственниками. Один работал в строительном бизнесе, другой учился в университете и был компаньоном первого. Они рассчитывали, убрав Цзян Цзинго - наиболее вероятного, как им казалось, преемника Чан Кайши, вызвать кризис власти в Тайбэе, а потом... что будет потом и чем это будет выгодно для независимости Тайваня, они вряд ли ясно представляли.

Когда Цзян Цзинго в роскошном черном лимузине подъезжал к зданию гостиницы, где был назначен торжественный обед, на улице возле здания толпились не только любопытные американцы, но и два-три десятка студентов из Лиги независимости Тайваня. Они держали над головами плакаты и громко выкрикивали лозунги. Цзян Цзинго был предупрежден, что его поджидает группа смутьянов, но не придавал этому значения. Действительно, до «независимцев» ли ему было, когда в вашингтонских кабинетах решалась судьба его государства?

А решения - и в Вашингтоне, и в столицах других западных стран - принимались отнюдь не в пользу Тайваня.

В 1970 году Канада признала КНР и порвала дипломатические отношения с Тайбэем. В 1971-м Китайская Республика была исключена из ООН и ее международных организаций, кроме Всемирного банка и Международного валютного фонда. В течение нескольких месяцев три десятка государств установили дипломатические отношения с КНР, разорвав официальные связи с Тайванем. В 1972 году президент Никсон нанес сенсационный визит в КНР, установив с нею квази-официальные отношения, в соответствии с которыми стороны обменялись «миссиями связи». Правда, американская администрация дала тайваньским

руководителям заверения, что сохранит дипломатические отношения с ними, но в Тайбэе в это плохо верили. В том же году Япония предпочла Тайбэю Пекин.

Это была почти полная дипломатическая изоляция. Это был обвал.

Чан Кайши к этому времени исполнилось восемьдесят пять лет. Он давно уже начал отходить от государственных дел, редко участвовал в официальных церемониях, проводил много времени в уединении в своей резиденции на берегу прекрасного горного Солнечно-лунного озера, углубляясь в творения старых философов. Он писал сыну письма, в которых делился мыслями о величии древних мудрецов. Философия Конфуция, писал он, «открывает суть вещей, создает гармонию, рождает искренность, успокаивает сердце и укрепляет тело. Она устанавливает порядок в доме и в государстве, приносит мир в Поднебесную»⁴⁵. Чан Кайши хотел, чтобы сын перенял его любовь к мудрости предков. Не для того, чтобы тот по примеру отца наслаждался плодами их трудов в тишине на лоне природы, а чтобы имел нравственную опору в государственных делах. Это было его напутствием сыну, которого он продуманным ходом выводил теперь на роль фактически главного распорядителя государственных дел.

В феврале 1972 года Чан Кайши был пятый раз переизбран президентом Китайской Республики. Вице-президентом одновременно с ним стал председатель Исполнительной палаты Янь Цзягань, известный своей преданностью Чану. Не прошло и месяца, как Янь подал прошение об отставке с председательского поста и предложил вместо себя на эту должность кандидатуру Цзян Цзинго.

Вслед за этим государственный бюрократический механизм заработал с завидной слаженностью, вознося Цзян Цзинго на один из высших имеющихся в нем постов.

17 мая 1972 г. Центральный постоянный комитет Гоминьдана принял соответствующую рекомендацию: «На сегодня товарищ Цзян Цзинго поистине является идеальной фигурой для руководства государственно-административной работой...». Чан Кайши принял отставку Янь Цзяганя, назначил своего сына на освободившуюся должность и обратился к уважаемой Законодательной палате с просьбой дать согласие на это назначение. В обоснование он перечислил заслуги Цзян Цзинго перед государством - их, действительно, было немало.

Решать вопрос о Цзян Цзинго пришло небывалое число членов Законодательной палаты - более четырехсот, тогда как на обычных заседаниях их набиралось хорошо, если двести. Четверо в срочном порядке прилетели из Гонконга. За Цзян Цзинго был подан триста восемьдесят один голос⁴⁶.

В истории Тайваня начался новый период, известный как «эпоха Цзян Цзинго». Самому Цзян Цзинго в это время исполнилось шестьдесят два года.

ПЕРВЫЙ ШАГ К ДЕМОКРАТИИ.

Фактически решающее слово в государственных делах перешло теперь к Цзян Цзинго: его престарелый отец исполнял обязанности главы партии и государства лишь номинально. 5 апреля 1975 г. в возрасте восьмидесяти восьми лет Чан Кайши скончался, оставшись символом целой эры в истории Китая. Незадолго до смерти он составил завещание, начинавшееся словами: “Я всю свою сознательную жизнь посвятил делу Вождя (т.е. Сунь Ятсена.- Авт.) и Революции, во всякое время жил как верный ученик Иисуса и Вождя”. Цзян Цзинго вспоминал, что при последнем свидании отец говорил ему: "Тебе надо бы хорошенько отдохнуть!".

Саркофаг с телом генералиссимуса был помещен в усыпальницу в шестидесяти километрах от Тайбэя на берегу живописного Цзыху - Озера Родительской любви, где пейзаж напоминал окрестности его родного Сикоу. После Победного Возвращения прах предполагалось перевезти в Цзыцзиньшань – Золотисто-Фиолетовые горы под Нанкином, туда, где высится мавзолей Отца Нации - Сунь Ятсена. Такова была воля покойного.

На следующий день после кончины отца Цзян Цзинго подал прошение об отставке, получил недолгий отпуск для организации похорон и, верный сыновнему долгу, час за часом проводил у гроба, охраняя, согласно обычаю, дух усопшего и обращаясь со словами благодарности к людям, пришедшим проститься с вождем.

Цзян Цзинго боготворил родителя. Он посвятил ему много проникновенных страниц в своих очерках и дневниках, а также книгу "Мой отец", содержащую, помимо воспоминаний, коллекцию любовно собранных и пронумерованных отцовских наставлений (выше я приводил два из них: N3 и N22, об изучении китайской классической культуры и родного языка).

Воля отца была для Цзян Цзинго законом, это касалось и больших дел, и малых, независимо от того, прав был генералиссимус или нет. В 1937 г., когда в самых высоких сферах КПК, Гоминьдана и СССР решалась судьба арестованного в Сиани Чан Кайши (об этом упоминалось в главе о жизни Цзян Цзинго в СССР), тот обещал в случае освобождения не преследовать своего похитителя, генерала Чжан Сюэяна, но слова не сдержал. Чжан оказался под "мягким" арестом, вместе с Цзян Цзинго занимался в Сикоу "усовершенствованием образования", а затем был вывезен на Тайвань, где, опять-таки, содержался под надзором. Цзян Цзинго не захотел отменять решение отца, хотя обладал властью сделать это: после кончины Чан Кайши он стал председателем Гоминьдана (эта

должность была введена для нового главы партии; пост "цзунца" - вождя, главы был сохранен незанятым в память о Чан Кайши, подобно тому, как в 1925 г. партийный титул "цзунли" с тем же значением был навечно закреплен за Сунь Ятсеном).

А в 1978 г., когда настало время очередных президентских выборов, Цзян Цзинго был избран на этот высший государственный пост. Дважды он предлагал ветеранам партии выдвинуть на этот пост и.о. президента Янь Цзягяня, дважды тот отказывался в пользу "Председателя Партии, Председателя Исполнительной палаты товарища Цзян Цзинго". Пленум ЦК Гоминьдана единодушным вставанием избрал Цзяна кандидатом в президенты, а Национальное Собрание почти единодушно - президентом на "шестой президентский срок Китайской Республики", считая с момента принятия Конституции 1946 г.

Забегая вперед скажем здесь же, что в 1984 г. Цзян Цзинго был избран президентом на следующий шестилетний срок и оставался на этом посту до конца своих дней.

Ему был присущ собственный, сугубо индивидуальный стиль работы. Он был более образованным, чем его отец, обладал, в противоположность Чан Кайши, ярким ораторским даром и отличался ненаигранной простотой в обращении с людьми. При Чан Кайши на Тайване царил культ вождя. Когда Цзян Цзинго стал президентом, работникам пропагандистской службы от его имени были даны новые установки:

- Президент надеется, что отныне в газетах и журналах не будут употребляться выражения типа "эпоха Цзян Цзинго". Наша эпоха - это эпоха демократии, эпоха масс, не следует героизировать ту или иную личность;

- он просит не величать его Вождем. У Гоминьдана было два Вождя: г-н Сунь Ятсен и покойный цзунцай Чан Кайши, сам же он - простой партиец, простой гражданин;

- он просит не провозглашать в его честь "ваньсуй!" ("десять тысяч лет жизни!", т.е. "да здравствует!"). - Авт.). Подобные возгласы могут относиться к государству или нации, к трем народным принципам Сунь Ятсена, но не к отдельной личности⁴⁷.

В далекие времена Цзян Цзинго пешком исходил вдоль и поперек весь свой округ Ганьнань в провинции Цзянси. С тех пор он никогда не изменял привычке видеть собственными глазами все, за что он так или иначе отвечал. Не засиживаясь в Тайбэе, он постоянно разъезжал по острову, заменяя, бывало, за рулем своего шофера. Случалось, неузнанным подвозил людей, голосовавших на дороге. Имеются подсчеты: став председателем Исполнительной палаты, он совершил 161 выезд в деревни, малые поселки, небольшие городки; за первые четыре года своего президентства выезжал в сельскую местность 197 раз, проведя "в массах" в общей сложности 155 дней⁴⁸.

"Он разговаривал на поле с крестьянином о его житейских делах, проголодавшись, покупал у лотошника лапшу, - писал один из его биографов. - Тяга к народу - это у него из Советского Союза, это уроки московского университета Сунь Ятсена". Гонконгский журналист, сопровождавший Цзян Цзинго в поездке на остров Цзиньмэнь, отмечал: "Я проработал журналистом двадцать с лишним лет, насмотрелся всяких спектаклей в политическом театре, меня ничем не удивишь. Но Цзян Цзинго обращался с людьми так естественно, сходил с ними так легко... Когда летели обратно, он, наверное, очень устал, забрался в грузовой отсек, сложил в ряд несколько упакованных в ранцы парашютов и уснул на них"⁴⁹.

Так возник новый имидж Цзян Цзинго. Он сумел "стереть образ сторонника жесткой линии, присущий армейскому политкомиссару и шефу секретной полиции 1950 - 1965 годов, с поразительной легкостью приспособившись к роли политического деятеля», - писал о нем "Форин афферс"⁵⁰.

И от своих подчиненных, многочисленных управленцев всех рангов и степеней Цзян Цзинго требовал того же: "ся фан" - "спускаться в низы". (Интересно, что этот же лозунг занимал видное место во внутренней политике руководителей КНР, которые в зависимости от обстановки варьировали его смысл: от требования почаще бывать в низовых организациях до посылки на физический труд в глухие места страны). Обращаясь к новоизбранным мэрам и начальникам уездов, Цзян Цзинго внушал им: "Вся политика должна ориентироваться на низы". И дальше: "Сейчас много говорят о строительстве, о финансировании. Финансы, конечно, дело важное, но чистое сердце и чувство ответственности дороже денег"⁵¹.

Можно видеть в этих словах дань наивному романтизму, можно рассматривать как пропагандистски умело оформленную установку на укрепление устойчивости режима, можно считать соединением того и другого - в любом случае такого рода высказывания, под которыми без колебаний подписался бы любой коммунист, составляли политическое кредо антикоммуниста Цзян Цзинго. Именно это его умение вникать в проблемы и интересы самых различных социальных групп позволило ему ощущать нарастание новых тенденций в обществе и в последние годы жизни стать крупным реформатором.

Цзян Цзинго работал с полной отдачей, как и прежде - в этом отношении президентство ничуть не изменило его. А что же Фаина, сделавшаяся первой дамой Тайваня и теперь неизменно привлекающая к себе публичный интерес?

В необходимых случаях Фаина присутствовала на приемах, церемониях, собраниях. Если объектив телекамеры останавливался на ней, она улыбалась телезрителям и махала им

рукой. Но не более того. С переездом на остров, ставший бастионом антикоммунизма и антисоветизма, двери в сколько-нибудь активную общественную жизнь для нее, живой улики советского прошлого Цзян Цзинго, окончательно захлопнулись.

Когда Цзян Цзинго стал президентом, отдел культуры ЦК Гоминьдана специально исследовал вопрос о том, как именовать его и его супругу. Тонкости тут касаются китайских выражений, на русский они непереводимы, но для нас интересно то, что были приняты официальные решения об использовании титулов "Господин Президент Цзян Цзинго" и "Госпожа Супруга Президента" или "Госпожа Цзян". Об этом решении были уведомлены все крупные органы печати и телевидения. Но как только одна из газет дала информацию о том, что Госпожа Цзян посетила художественную выставку, Фаина категорически потребовала, чтобы таким титулом ее более не величали, и это ее требование неукоснительно соблюдалось. Дело заключалось в том, что "Госпожой Цзян" во всем Китае принято было называть Сун Мэйлин. Точно так же для всех американцев, имевших хоть какое-то отношение к Китаю, слова "Мадам Чан" на протяжении многих лет были именем супруги Чан Кайши. Тихой Фаине, замкнувшейся в семейном кругу, невозможно было и помыслить о том, чтобы в чем-то сравняться с самой знаменитой женщиной Китая. Да и не нужно ей это было, наверное.

Надо думать, при всей скромности и нетребовательности Фаины привыкнуть к своей золотой просторной клетке ей было нелегко. Но в обществе к ней относились с неподдельным уважением.

Фаина была на Тайване не единственным человеком с советским прошлым. Восемьдесят пять бывших студентов университета им. Сунь Ятсена и различных советских военных училищ в 1949 г. оказались на этом острове. "Они не любили выставлять напоказ свое прошлое, держались скромно, не лезли в первые ряды», - говорилось в сборнике их воспоминаний⁵², изданном на Тайване в 1988 г. Тем не менее, многие (40%) из них стали членами Законодательной палаты, Контрольной палаты, депутатами Национального собрания. Из их числа вышли также министр транспорта, командующий ВВС, заместитель секретаря ЦК Гоминьдана. По подсчетам тайваньской Ассоциации бывших советских студентов, за время существования университета им. Сунь Ятсена в нем прошло обучение полторы тысячи студентов из Китая.

Разумеется, у членов Ассоциации был свой взгляд на университет: "Он был создан для помощи Гоминьдану, но коммунистов в нем было больше, чем гоминьдановцев. Тут имелся тайный умысел: перевоспитать гоминьдановцев в коммунистов. И нашлось немало членов

Гоминьдана, которые вступили в открытую борьбу с членами КПК в столице коммунистического лагеря - Москве, на что требовалась известная смелость"⁵³.

Но вернемся к Фаине.

Фаина не вмешивалась в дела мужа. Бывший охранник Цзян Цзинго много лет спустя вспоминал: "Когда-то давно жена одного чиновника, не зная характера Цзян Цзинго, попросила Цзян Фанлянь хлопотать перед мужем за ее супруга. Фаина, недолго думая, согласилась. Но Цзян Цзинго резко оборвал ее: "Лучше тебе не заниматься чужими делами!". С тех пор Фаина зареклась ходатайствовать за кого бы то ни было"⁵⁴.

Супружеская жизнь Цзян Цзинго и Фаины на Тайване протекала, в общем, спокойно. "Как скажет Го, так я и сделаю", - говорила Фаина в затруднительных случаях. Авторитет мужа был непререкаем. Цзян Цзинго, со своей стороны, относился к Фаине уважительно и бережно, хотя не любил говорить о своих чувствах и даже в дневнике не часто упоминал о жене.

Супругов сближали, кроме всего прочего, скромность и неприязательность в быту, равнодушие к роскоши и богатству. Эта черта сформировалась у Цзян Цзинго еще в детстве: он рос не избалованным. В своих дневниках он вспоминал, что, когда учился в Пекине, богатый одноклассник, сын одного из деятелей Гоминьдана - Ван Цзинвэя нередко потешался над ним из-за его пустых карманов и протертых локтей. (Рассказывая об этом, Цзян Цзинго не без доли злорадства отмечал, что потом, во время антияпонской войны Ван Цзинвэй перебежал к врагу и сделался предателем). Жажда наживы претила Цзян Цзинго. Вместе с тем он не был скрягой. Он отдавал жене свое жалование в конверте нетронутым и дальше не интересовался ее тратами. Она же вела домашнее хозяйство рачительно, аккуратно записывала расходы.

Единственное, что серьезно осложняло отношения супругов - это поведение их детей. Цзян Цзинго, суровый и требовательный отец, мог и накричать на них за какой-нибудь проступок, и даже стукнуть. Фаине это было нестерпимо. Она была убеждена, что изливать на детей раздражение или даже просто навязывать им родительскую волю - значит мучить и портить их, и сама предоставляла им максимальную свободу. Она пыталась остановить рассерженного мужа, тот повышал голос на нее, и тогда Фаина, не отвечая, уходила к себе. Щелкал дверной замок. Она никогда не позволяла себе грубо разговаривать с мужем. А тот, успокоившись, шел к жене мириться. На пятидесятилетие Фаины (это было в 1966 г.) Чан Кайши подарил ей собственноручное каллиграфическое изречение: "Мудрая и добрая, чадолюбивая и чадами любимая"...

Свою работу в качестве председателя Исполнительной палаты Цзян Цзинго начал с того, что основательно обновил состав кабинета, введя туда группу сравнительно молодых кадров, в результате чего средний возраст его членов понизился. Не слишком, правда, понизился: до 61,8 года. Зато при этом была сломана старая бюрократическая традиция, когда старые чиновники пересаживались в опустевшие кресла строго в порядке установленной очереди. Очень важно и то, что в новом кабинете шесть человек были тайваньцами по происхождению. Мы уже говорили, что, эвакуировавшись в 1949 г. на Тайвань, обладавшие властью и силой пришельцы с материка тут же захватили в свои руки все командные высоты в структуре островного общества, что послужило источником многочисленных конфликтов между местными и пришлыми. Казалось бы, и те, и те - китайцы, какая разница? Но давно известно, что даже малое различие может вырасти в крупное противоречие, когда дело касается дележа, власти, земли или еще чего-нибудь столь же ценного.

Тайваньцам предоставляли руководящие посты редко и неохотно. Цзян Цзинго поломал и это неписаное правило, после чего процесс "тайванизации" властных структур стал шириться с каждым годом. Один из выдвиженцев местного происхождения Ли Дэнхуэй был назначен членом Исполнительной палаты в качестве государственного министра. Позже он стал президентом Тайваня и продолжил дело Цзян Цзинго.

Одновременно глава Исполнительной палаты составил для государственных служащих десять требований, новые десять заповедей, применимых, надо полагать, к бюрократии любой страны. Цзян Цзинго потребовал покончить с неумеренным строительством новых престижных административных зданий, с бесконечными презентациями, церемониями и банкетами, с заграничными командировками, смахивающими на турпоездки, с пышными встречами и подарками на дорогу для проверяющих и т.п. Чиновникам запрещалось посещать ночные клубы, винные заведения. Сокращались разного рода премиальные и другие выплаты. Следовало отказаться от пустой заседательской суетни, не увлекаться бумаготворчеством. Руководящие работники партийных и административных органов лишались права на совместительство, дабы отдавать все силы основной работе⁵⁵.

Не рискну утверждать, что продиктованная самыми благородными побуждениями попытка Цзян Цзинго окультурить бюрократическое болото имела серьезный эффект, но, во всяком случае, в 1975 г. авторитетный журнал "Фар Истэрн экономик ревью" описывая порядки в тайваньской администрации, отмечал: "Презрение постигнет правительственного чиновника, которого застигнут в кабаре или дансинг-холле"⁵⁶

Цзян Цзинго по собственному опыту прекрасно знал пороки чиновной среды: "Думают одно, а говорят другое; преследуют собственные интересы под видом общественных; лгут начальству, обижают подчиненных" и пр. Но что вызывало его особенное возмущение - это коррупция, которую он гневно клеймил и стремился искоренить, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами. В это время получила распространение практика подношений в красных пакетах. Пытаясь покончить с нею, Цзян Цзинго организовал публичное обсуждение проблемы красных пакетов - он называл их грязными пакетами - в Исполнительной палате.

За получение дорогого подарка - вазы для фруктов из чистого золота был снят со своего поста глава Центрального банка. Заведующий отделом кадров Исполнительной палаты, дальний родственник Цзян Цзинго, был осужден на пожизненные каторжные работы за незаконные махинации. Высокопоставленный сотрудник таможенной службы за особо тяжкие преступления был приговорен к смертной казни, и этот приговор, потрясший все общество, стал первым во введенной властями практике самых суровых наказаний за коррупцию.

"Слава чиновника - в его чистоте, - говорил Цзян Цзинго.- Правительство должно охранять чистоту общества".

Добиваясь оздоровления управленческого аппарата, он опирался на свой богатый опыт, накопленный еще со времени "очищения нравов" в Южной Цзянси, и в какой-то мере повторял его. Но теперь ему пришлось вплотную заниматься еще и экономикой. В его собственном экономическом прошлом главное место занимала с треском провалившаяся попытка обуздать инфляцию командными методами в Шанхае в 1948 г. Однако теперь в его распоряжении были высококвалифицированные специалисты, а также вся авторитарная система власти, которая позволяла твердо проводить в жизнь их рекомендации.

Еще в конце войны с Японией по поручению правительства группа экспертов начала разрабатывать концепцию "планово-либеральной" экономики, которая предоставляла широкие prerogatives государству и одновременно фиксировала свободное предпринимательство и рыночные механизмы. Это была новая экономическая политика, означавшая поворот Гоминьдана от присущей ему сильной тенденции огосударствления экономики к рыночному хозяйству. Гражданская война перемешала все карты гоминьдановских руководителей.

На Тайване им пришлось ставить свой эксперимент в иных, критических условиях, приспособив скромные возможности острова к потребностям мирового рынка. Соответственно, была избрана другая стратегия. В 50-е годы ее главной целью было

самообеспечение важнейшими товарами, прежде всего продовольствием, с тем чтобы освободиться от их импорта, и ввоз промышленного оборудования. В 60-х Тайвань был превращен в экспортера продукции легкой промышленности, пластмасс. Под покровительством государства возникли, будто из ничего, тысячи мелких и средних компаний, ставших важнейшим компонентом экономического потенциала Тайваня. К началу 70-х экономика острова значительно шагнула вперед.

Цзян Цзинго получил, таким образом, хорошее наследство. Однако, в крайне неблагоприятных обстоятельствах.

Одно из них - признание КНР международным сообществом и отчуждение от него Тайваня, второе - разразившийся в 1974 г. мировой нефтяной кризис. Для Тайваня, чье благосостояние в огромной мере зависело от мирового рынка, кризис грозил самыми тяжелыми последствиями, тем более что его торговые партнеры стали принимать протекционистские меры. Рост тайваньской экономики затормозился, цены поползли вверх, предприятия стали сокращать штаты и закрываться.

Цзян Цзинго сумел обуздать инфляцию, введя - "с пониманием своей ответственности, с тяжелым сердцем и безграничной надеждой" - целый ряд непопулярных, как теперь принято говорить, мер: снял ценовые ограничения на некоторые категории товаров, повысил цены на горючее, установил обязательную 15-процентную экономию топлива и т.д. Мало того, в трудных обстоятельствах, невзирая на нехватку финансов, техники, специалистов, он не побоялся взять курс на индустриализацию, санкционировав в 1973 г. строительство десяти крупных промышленных объектов, среди которых значились сталелитейный завод, нефтехимический комплекс, судостроительный завод, атомная электростанция, национальная скоростная дорога Север - Юг, несколько железнодорожных линий, порт.

Когда разразился нефтяной кризис, многие авторитеты сочли эту программу авантюрой. "Согласно теории экономического развития и исторической практике, - отвечал им Цзян Цзинго,- каждое государство должно иметь базу в виде тяжелой промышленности и капитального строительства, иначе все экономическое развитие будет ущербным, экономике будет грозить застой". Он держал все проекты под своим постоянным наблюдением, то и дело ездил на стройплощадки. К 1979 г. проекты были завершены и сделались предметом гордости обитателей острова. Тайвань обрел собственную индустриальную базу. Новостройки, стимулируя производство, обеспечив занятость, помогли Тайваню сравнительно безболезненно преодолеть кризис. Это была большая победа нового президента.

Незадолго до завершения первой группы строек Цзян Цзинго объявил о новых двенадцати проектах, которые включали в себя уже не только заводы и коммуникации, но и мелиоративные работы, жилищное строительство, возведение нового здания Центральной государственной библиотеки, а также создание во всех уездных городах культурных центров, состоящих из библиотеки, музея и концертного зала. Следом, в 1985 г., правительство обнародовало еще четырнадцать проектов.

В 80-е годы Тайвань совершил прорыв в область высоких технологий, в том числе в информационное производство. Остров, который когда-то экспортировал бананы и другие тропические фрукты, приобрел мировую известность как изготовитель компьютеров, их деталей и терминалов. Характерно, что носителями высокой технологической культуры стали не только индустриальные гиганты, но и мелкие и средние предприятия. Модернизация экономики Тайваня, а одновременно и материальной базы его культуры шла, таким образом, завидно быстрыми темпами.

Не будучи экономистом, Цзян Цзинго, однако же, прекрасно понимал, какой жизненный нерв связывает экономику с общественным спокойствием. Он резко возражал против увлечения показателями экономического роста за счет благосостояния населения, против превращения их в самоцель - тенденции, существующей в недрах любого ведомственного аппарата. Он говорил: "Главный принцип нашего экономического строительства - сокращать разрыв между богатством и бедностью, создавать равномерно богатое общество. Расширяя экономическое строительство, нужно одновременно тщательно стабилизировать цены, чтобы поддерживать устойчивый уровень жизни масс. Мы охотнее согласимся медленнее развивать экономику, чем ради слишком высоких темпов увеличивать отрыв богатых от бедных и создавать известные социальные проблемы. Мы на первое место ставим строительство равномерно богатого общества, а уж на второе - развитие на основе стабильных цен"⁵⁷.

Разумеется, понятие "равномерность", которое тайваньские руководители весьма охотно употребляли, толковалось ими отнюдь не в самом строгом смысле. Тем не менее, на Тайване была достигнута одна из самых низких в мире величин так называемого коэффициента Джини, определяющего разницу между жизненными уровнями (среднедушевыми доходами) наиболее и наименее состоятельных двадцатипроцентных групп населения. В "эпоху Цзян Цзинго" он колебался около отметки 4,5, тогда как в 1952 г. был больше в три с лишним раза⁵⁸. Правительство принимало также специальные меры с целью сокращения разрыва между жизненными уровнями городского и сельского населения. Как тут

не вспомнить классическую мысль К. Маркса о стирании различий между городом и деревней!

В среднем же на протяжении “эпохи Цзян Цзинго”, с 1972 по 1987 г. включительно национальный доход на душу населения увеличился (в сопоставимых ценах) почти в три раза и составил около 5 тыс. ам. Долл⁵⁹. Примерно так же вырос уровень потребления.

Подчеркнем еще раз: достижения тайваньской экономики не были автоматическим результатом свободной игры рыночных сил. Я сошлюсь на выводы одного капитального исследования - монографии российского ученого А.А.Максимова “Экономика Тайваня: итоги и перспективы”: "Трудно переоценить роль государства в экономическом развитии Тайваня. Если бы не его активное воздействие на формирование отраслевых, технологических и социальных пропорций, то безусловно рыночное саморегулирование осуществлялось бы с огромными социальными и экономическими издержками. Именно государство начинало и активно поддерживало все структурные изменения в экономике страны, которые в противном случае происходили бы в значительно более длинные сроки и с крупными диспропорциями"⁶⁰.

Немаловажное значение в экономическом прогрессе Тайваня имели четырехлетние государственные планы, следовавшие друг за другом наподобие советских пятилеток. При жизни Цзян Цзинго был выполнен восьмой четырехлетний план и начат девятый.

Видный тайваньский экономист Вэй Оу таким образом охарактеризовал принципы “экономической философии”, воплощенной в жизнь на Тайване: “Приверженность духу капитализма, экономической доктрине свободного рынка и частной собственности. Но вместе с тем важную роль в экономическом развитии Тайваня играют государственные планы и государственные предприятия. В этом суть традиционной китайской экономической культуры. Поэтому экономическая деятельность Цзянов (1949 - 1989) может быть названа “капитализмом с китайской спецификой”, или китайским стилем капитализма. Он прямо противоположен концепции лидеров КНР, именуемой “социализм с китайской спецификой”⁶¹.

Особое внимание власти Тайваня уделяли развитию образования. Еще в 1968 г. было введено бесплатное обязательное девятилетнее образование. Была создана разветвленная система государственных и частных школ, профучилищ, колледжей, университетов, что позволило обеспечить остров квалифицированной рабочей силой.

Стремительный расцвет экономики на Тайване получил в международных кругах название "тайваньского чуда". Оно началось задолго до "эпохи Цзян Цзинго", но его наиболее

заметные достижения пришлись именно на этот период, именно тогда Тайвань вошел в число "четырех тигрят" Азии наряду с Южной Кореей, Сингапуром и Гонконгом, и Цзян Цзинго стали называть в прессе его "отцом". Сам же Цзян Цзинго подчеркивал, что успех его соотечественников на Тайване есть результат реализации учения Отца нации Сунь Ятсена о трех народных принципах. Действительно, "тайваньское чудо" было подготовлено в теоретическом плане трудами Сунь Ятсена, его идеями относительно путей модернизации страны, аграрных преобразований, "равномерного распределения" доходов.

Экономические успехи - это замечательно, но что заставило авторитарный диктаторский режим, прочно утвердившийся на Тайване и добившийся этих успехов, в конце президентства Цзян Цзинго начать самоликвидацию и преобразование самого себя в многопартийную демократическую систему? Вот вопрос, вокруг которого ломают копья многие исследователи.

Мой ответ: эти самые успехи и заставили. Они - во-первых, а во-вторых - некоторые внешние, сложившиеся за пределами Тайваня обстоятельства. Связь между экономикой и политикой заключалась главным образом в следующем.

Благодаря успехам образования на острове вырос довольно значительный слой новой интеллигенции - той меньшей части общества, для которой понятия свободы личности, права на собственное мнение и его обнародование и т.д. имеют особое значение и которая способна к критическому осмыслению деятельности властей. (Считается, что для большей, неинтеллектуальной части общества эти права и свободы не нужны. Это, может быть, и верно, но верно и другое: в конечном счете для нее важно, чтобы меньшинство обладало ими). Названные свойства прорастают так или иначе даже у той интеллигенции, образование которой было скроено по лекалам самых тоталитарных форм, в тайваньской же официальной идеологии, напомним, единовластие Гоминьдана объяснялось как вынужденное временное явление - на период "подавления коммунистического мятежа". Кроме того, мировоззрение тайваньской молодежи формировалось под сильным влиянием норм американской демократии, поскольку США выступали в роли покровителя и ближайшего союзника Тайваня, а многие молодые люди непосредственно учились в американских университетах.

Именно из этой среды стал набирать себе новую команду Цзян Цзинго, постепенно расширяя ее состав, продвигая ее участников на все более высокие посты: как же иначе управлять сложным хозяйством острова, укреплять власть партии, поддерживать социальный мир? Став частью истеблишмента, команда технократов, естественно, сделалась невосприимчивой к бациллам радикализма, однако ее демократическая закваска сохранилась и впоследствии обусловила ее склонность к реформам.

В тот же период времени и в той же социальной среде оживилась политическая оппозиция, род диссидентства. Ее главными участниками были представители гуманитарной сферы общества: преподаватели, научные работники, журналисты, студенты, а также депутаты местных выборных органов власти. Часть из них в свое время верно служила Гомиьдану, но потом разочаровалась в нем. В оппозиции, противопоставившей себя гомиьдановской бюрократии, наоборот, было много людей бескомпромиссных, горячих голов.

Оппозиция вступила в борьбу с правительством, используя для этого накопившееся в более широких слоях населения недовольство его деятельностью. А такое недовольство было: радужную общую картину экономического взлета портили коррупция и волокита, процветавшие в государственных службах, скандальные махинации, в которых участвовали высокопоставленные лица, равнодушные чиновников к нуждам маргинальных "забытых" социальных групп. Все это существовало вопреки горячим призывам Цзян Цзинго к управленцам честно служить народу, вопреки суровым наказаниям мздоимцев и декларациям о равномерном распределении общественного богатства. Пространство для деятельности оппозиции расширялось и благодаря тому, что в обществе сформировался мощный класс предпринимателей и менеджеров из частного сектора, ощущавших свою независимость от властей и отнюдь не склонных быть безоглядно лояльными к ним. Включая в свои программы экономические и социальные требования к правительству, нещадно критикуя злоупотребления государственных и партийных чиновников, диссиденты смогли успешно вести избирательную борьбу и таким образом входить во власть, пусть даже власть формальную, поскольку ключи от подлинной власти Гомиьдан держал у себя независимо ни от каких выборов.

Мы приведем здесь несколько характерных и наиболее известных примеров из истории выступлений оппозиции против Гомиьдана.

1977 г. В поселке Чжунли местные власти пытаются с помощью подтасовок помешать избранию беспартийного кандидата Сюй Синьяна на пост начальника уезда. Сюй, партийный работник высокого класса, протеже одного из лидеров Гомиьдана, недавно еще был депутатом провинциального собрания от этой партии, но, насмотревшись на царившие там нравы, написал разоблачительную книгу, после чего стал в своей партии изгоем. Махинации властей с избирательными бюллетенями на этот раз удастся разоблачить, происходят демонстрации, стычки с полицией, и Сюй с блеском выигрывает выборы.

1979 г. Правительство снимает запрет на регистрацию новых периодических изданий. Среди новой оппозиционно настроенной периодики - журнал "Мэйлидао" ("Прекрасный остров", т.е. Формоза - Тайвань). В декабре в г. Гаосюн этот журнал организует митинг в честь международного дня прав человека. Главные лозунги: "Долой диктатуру Гоминьдана!", "Долой засилье секретных служб!". Все заканчивается столкновением с полицией и войсками. Толпа с дубинками и железными прутьями громит полицейский участок. Цзян Цзинго называет события в Гаосюне "величайшим несчастьем" и требует тщательно разобраться с нарушителями, особенно с зачинщиками, "строго в соответствии с законами".

Арестовано сто пятьдесят два человека. Один из организаторов митинга Ши Миндэ пытается скрыться, его прячет у себя один пастор, но правительство объявляет награду в миллион юаней за поимку беглеца, и вскоре его задерживают. Суд инкриминирует зачинщикам "пособничество коммунистам" (хотя они являются принципиальными противниками коммунизма), "попытку переворота" и приговаривает их к длительным срокам тюремного заключения, Ши Миндэ - к пожизненному. Оппозиция разбита и находится на грани развала.

Тем не менее, она участвует в избирательных кампаниях и набирает немного, но с каждым разом все больше голосов. Оказывается, репрессии подрывают авторитет властей и прибавляют популярности гонимым.

1985 г. Новый скандал будоражит общество и бьет по престижу режима: становится известным, что хозяева популярного "Десятого кредитного товарищества Тайбэя", имеющего десятки тысяч вкладчиков и ворочающего огромными капиталами, с широчайшим размахом занимаются финансовыми махинациями. Им покровительствуют высокопоставленные лица в партийном и государственном аппаратах, а равно законодатели, на поддержание благосклонности которых ежегодно расходуются миллионы юаней. По этому поводу один из членов Законодательной палаты делает парламентский запрос, в котором критикует однопартийный режим Гоминьдана и заявляет, что президент несет ответственность за происходящие инциденты и должен уйти со своего поста. Цзян Цзинго считает, что виновные не должны избежать наказания, санкционирует отставку министров экономики и финансов, суд выносит приговоры директору товарищества и нескольким крупным чиновникам.

Этот и следующий год были решающими. Интеллигенция бурлила. В ее среде распространилось убеждение, что однопартийная система в принципе неспособна управлять страной, что она все больше разлагается и загоняет общество в тупик и единственный выход из него - создание конкуренции между политическими партиями. В университетах пошли

бесконечные семинары, симпозиумы, несмотря на запреты, стали возникать реформаторские - пусть не партии, но научные общества, кружки.

В мае 1985 г. четырнадцать беспартийных (т.е., оппозиционных) депутатов провинциального собрания коллективно подали в отставку, протестуя против "руководящей роли партии" - навязываемых собранию решений - и потребовали проведения политической реформы.

В декабре пятнадцать депутатов из только что избранного нового состава того же провинциального собрания в момент принятия присяги покинули заседание в знак протеста против вмешательства партии в местные чисто парламентские дела.

Престарелые гоминьдановские сановники, законодатели, избранные еще на материке и грезившие Победным Возвращением, роптали: все эти смуты - от излишней мягкости президента, от его заигрываний с оппозицией. Его отец никогда не допустил бы такого. Они рекомендовали Цзян Цзинго прибегнуть к "революционным" методам. Но у Цзян Цзинго был свой стиль работы, в котором было место и переговорам, и компромиссам.

В 1972 г. еще не ставший председателем Исполнительной палаты Цзян Цзинго как глава антикомсомола приглашал к себе представителей оппозиции, молодежных вожаков, выслушивал их критику. Этот непривычный для нравов местного общества эпизод получил название "тайваньской весны", по аналогии с "пражской весной". Позже, став президентом, "Цзян Цзинго правил более гуманными методами, чем его отец, например, вместо тюремного заключения мог выслать оппозиционеров с острова, - писал один из его биографов. - Конечно, однопартийная диктатура Гоминьдана сохранялась, но политика проводилась более мудрая и мирная"⁶². В 1986 г. он встречался с некоторыми из лидеров оппозиции и пытался, соглашаясь на уступки, убедить их действовать в духе "политического согласия" с властями - правда, как потом оказалось, безуспешно.

Раздраженных ветеранов ободряло то обстоятельство, что столь шумное, казалось бы, бурление общества на самом деле захватывало лишь его узкий поверхностный слой. При всем накале страстей, при всей азартности политической игры массовым политическим протестом на Тайване и не пахло. Социолог Майкл Сяо насчитал на Тайване в конце 80-х восемнадцать социальных движений, в задачи которых входили защита интересов потребителей, протесты против загрязнения окружающей среды или роста цен на жилье, забота об инвалидах и престарелых и т.п.⁶³ Эти движения могли организовывать даже крупные акции: случилось, перед входом в здание Исполнительной палаты собиралось несколько тысяч фермеров, возмущенных снижением цен на их продукцию в связи с импортом американских товаров.

Массу участников собирали акции протеста против ухудшения жилищных условий, против строительства ядерных реакторов. Но никто из многочисленных протестантов и в мыслях не держал посягать на общественный строй острова. Конфликт развивался между правительством и интеллигенцией, отнюдь не самой крупной и сильной социальной группой. Однако она сумела соединить свой протест с недовольством - вообще говоря, не столь уж сильным - других слоев населения. И это увеличивало ее мощь.

С другой стороны, требования оппозиции вызвали резонанс среди новых сил партии - технократов, членов команды Цзян Цзинго, в значительной своей части - уроженцев Тайваня, прекрасно знающих обстановку. Как и ветераны партии, они стремились укрепить власть Гоминьдана - их собственную власть, однако, оппозиция уже не была для них воплощением зла, многопартийность не воспринималась как кощунство, а репрессии не казались единственно достойным ответом на любой вызов правительству. Выступления оппозиции, способной приобретать голоса избирателей в различных социальных кругах, служили для них индикатором состояния общества и весомым аргументом в тех столкновениях мнений, которые происходили в кабинетах и коридорах власти.

Другим важнейшим аргументом в пользу перемен на Тайване были перемены в международной обстановке. Главная из них произошла в самом конце 70-х годов. Поздней ночью 15 декабря 1978 г. американский посол Л. Ангер попросил срочной аудиенции у президента. Цзян Цзинго вышел к послу в халате, не вполне очнувшись от сна - и услышал, что правительство США решило установить дипломатические отношения с КНР и, следовательно, разорвать таковые с Китайской Республикой. Этого давно ждали в Тайбэе, и все же это стало неожиданностью. Пять часов спустя Цзян Цзинго на экстренном заседании Центрального постоянного комитета Гоминьдана сообщил о произошедшем и отдал приказ привести войска в боевую готовность. В десять часов утра он выступил с заявлением, в котором осудил действия США. Для Тайбэя это был тяжелейший удар, потрясение всего фундамента, на котором он мог стоять особняком от Пекина.

В последующие годы американское покровительство Тайбэю сохранилось. Закон об отношениях с Тайванем, принятый Конгрессом в 1979 г., предусматривал, что США на неофициальной основе будут по-прежнему поддерживать "активные, тесные и дружеские отношения" со своим партнером, более того, "будут рассматривать любую угрозу Тайваню со стороны Пекина как угрозу безопасности в западном районе Тихого океана», а такая угроза вызовет "самую серьезную озабоченность Соединенных Штатов"⁶⁴. США продолжали продавать Тайваню современные вооружения, вплоть до новейших истребителей. При всем

том, однако, американская поддержка стала менее надежной, и для тайбэйских руководителей особую важность приобрела задача: привлечь на свою сторону симпатии американских конгрессменов, всей американской общественности с ее ярко выраженным либерализмом.

Как раз в это время КНР, покончив с разрушительным хаосом "культурной революции", взяла курс на рыночные реформы и "открытость", т.е. децентрализацию и расширение связей с внешним миром. Этим она быстро снискала благосклонность влиятельных либеральных кругов США, противопоставлявших ее Советскому Союзу, который оставался в их глазах заповедником тоталитарного социализма. Оставив в прошлом "грязную" войну во Вьетнаме и поддержку Пиночета в Чили, творцы внешней политики США взяли на вооружение принцип повсеместной защиты прав человека. Было очевидно, что принцип этот Вашингтон применяет весьма избирательно и прагматично. Тем не менее, во взаимоотношениях США с двумя противостоящими друг другу частями Китая возникла новая обстановка, и Тайбэй должен был приспособливаться к ней, перетягивая на свою сторону американских либералов, каковых было немало и среди специалистов по Китаю. А для этого требовалось стереть укоренившееся у них представление о "преступном режиме" на острове и создать новый образ Тайваня как государства демократического и свободного, иными словами, многопартийного. В соревновании имиджей континентальной части Китая и острова Тайвань должен был идти далеко впереди.

Со своей стороны, влиятельные круги в США со второй половины 80-х годов начали усиленно подталкивать Тайвань, так же как и Филиппины, на путь демократических реформ, полагая, что демократическая система западного толка лучше обеспечит в этих странах стабильность, столь важную с точки зрения американских инвестиционных и стратегических интересов. В этих целях группа конгрессменов создала Комитет содействия демократизации Тайваня. Палата представителей в 1985 г. приняла резолюцию, требующую от Тайваня ускорить демократизацию, снять запрет на деятельность партий, отменить чрезвычайное положение. В беседах американских визитеров на Тайвань с Цзян Цзинго неизменно поднимался вопрос о политических преобразованиях, и тот обещал ускорить их осуществление.

Политическая реформа, таким образом, назрела.

Цзян Цзинго по своим политическим взглядам не был реформатором. Его идеалом всю жизнь, начиная с ее советского периода, была диктатура честных чиновников над законопослушными гражданами в интересах этих граждан - идеал если и утопический, то, по крайней мере, привлекательный не для одного Цзян Цзинго и не только на Тайване. У Цзян

Цзинго этот идеал имел сначала коммунистическое оформление, потом - антикоммунистическое, но независимо от этого в практических делах Цзян Цзинго неизменно был реалистом. Побывав в положении полуотверженного, он не считал партийную верхушку априорным носителем высшего знания, а положение масс не было для него сухой абстракцией, плохо различимой из высокого кабинета. Цзян Цзинго постоянно всматривался в жизнь общества и получал от своей команды не только знаки преданности, но и объективную информацию и честные рекомендации. Он поощрял преданность и придавал величайшее значение надежной информации.

Вводя в руководство новичков, Цзян Цзинго относился с уважением и вниманием и к ветеранам партии, в его окружении были и выходцы с материка, и тайваньцы, люди разных поколений. Он учитывал все мнения, старался согласовать их, но решения принимал самостоятельно, не поддаваясь ничьему влиянию. Он был верховным арбитром во взаимоотношениях между различными группами в высших эшелонах власти. Чувствуя ветер перемен, он давно уже говорил - правда, в самых неопределенных выражениях - о необходимости обновления, демократизации политической системы. И теперь, под занавес жизни, невзирая на сопротивление группы геронтократов, он принял историческое для Тайваня решение: изменить характер власти. Власть не может вечно держаться на штыках. В конце концов, сохранить власть партии важнее, чем сохранить форму этой власти. Лучше поделиться властью, чем потерять ее. Мне кажется, Цзян Цзинго сделал для себя вывод: власть без конкуренции обречена на разложение, как ни борись за чистоту нравов в рядах партийно-государственного аппарата. Возможно, он понял и другое: режим, потерявший поддержку интеллигенции, не имеет будущего. Так или иначе, он проявил не только способность правильно оценить глубину и силу возникших в обществе новых течений, но и незаурядную политическую волю, чтобы повести государственный корабль им навстречу, переоснастив его для нового плавания.

Я опускаю всю процедуру подготовки нового закона, приведу только одну любопытную фразу из документа комиссии по подготовке реформы: "Одновременно со взлетом экономики и ростом благосостояния в правящей партии Гоминьдан отчетливо обозначились разного рода язвы капитализма"⁶⁵. Да, именно так, потому что Гоминьдан считал себя партией народной, а отнюдь не капиталистической.

14 июля 1987 г. Цзян Цзинго, получив одобрение ЦПК Гоминьдана, официально объявил: с нуля часов 15-го числа в Тайваньском районе отменяется чрезвычайное положение. Напомним, что чрезвычайное положение было введено на Тайване в 1950г. Оно

запрещало организацию и деятельность всех партий, кроме Гоминьдана и двух малых партий, и замораживало полномочия и состав высших выборных органов.

Следом был принят отдельный закон, отменявший запрет на создание партий. Были аннулированы три десятка прежних постановлений, снята цензура печати, смягчены наказания нескольким сотням заключенных.

Чрезвычайное положение сохранялось лишь на прибрежных островах Цзиньмэнь и Мацзу, а также на островах Дунша и Наньша в Южно-Китайском море, находившихся, за малым исключением, вне контроля тайваньских властей.

Так был сделан первый шаг к демократизации политической системы Тайваня, шаг продуманно осторожный, чтобы резким поворотом не подорвать общественную стабильность. Подчеркивая ограниченность реформы 1987 г., американский исследователь Ф. Ньюэлл назвал свой капитальный труд так: "Переход к переходу к демократии на Тайване: политические перемены в эпоху Цзян Цзинго"⁶⁶. Действительно, к моменту отмены чрезвычайного положения немало оппозиционных деятелей находилось в тюрьмах или в эмиграции, более половины парламента назначалось правящей партией, так же как и главы центральных и местных исполнительных органов, любые издания могли быть конфискованы или запрещены военными властями, правительство держало в руках электронные средства информации, деятельность всех более или менее заметных общественных организаций находилась под контролем государства. Все это и многое другое еще только предстояло реформировать.

Принятие новых законов происходило в борьбе на два фронта: с консерваторами в правительстве и с экстремистами в оппозиции. В сентябре 1986 г., еще до отмены чрезвычайного положения, группа диссидентов, открыто бросая перчатку властям, объявила о создании Демократической прогрессивной партии (ДПП). Разгневанные ветераны Гоминьдана потребовали расправы с нарушителями закона: смутьяны-де "играют на-руку врагу"; "страшны не измышления врага - страшны собственные заблуждения" и т.п. Цзян Цзинго невозмутимо отвечал им: "Нетерпимость в малом ведет к большим беспорядкам. Товарищи из нашей правящей партии должны трудиться вместе со всеми патриотическими силами"⁶⁷.

С другой стороны, в один день с отменой чрезвычайного положения был введен в действие "Закон о государственной безопасности на период мобилизации для подавления мятежа", требовавший от всех партий не только соблюдения конституции, но и верности идеям антикоммунизма и тезису о едином Китае. Закон был направлен в первую очередь

против ДПП, в чьей программе демократические положения сочетались со слабо завуалированными мерами по превращению Тайваня в самостоятельное государство, отдельное от материковой части Китая. (Между тем, напомним, с точки зрения Гоминьдана, Китайская Республика по-прежнему не только существовала, но и притязала на всю китайскую территорию).

Стремясь не допустить принятия этого закона, ДПП решила продемонстрировать свою силу. Ее приверженцы заполнили центральные улицы Тайбэя, остановили уличное движение. Навстречу им вышли сторонники Гоминьдана. Перебранки, драки, кровопролитие, рейды полицейских отрядов продолжались до глубокой ночи... Но закон о безопасности был принят.

Новые законы положили начало процессу демократизации Тайваня. Цзян Цзинго не поддался ни тем, кто жаждал задавить оппозицию, ни тем, кто требовал свободы немедленной и полной. Он обладал достаточной властью и достаточной государственной мудростью, чтобы не допустить ни того, ни другого, благодаря чему и сумел практически безболезненно перевести движение общества на новые рельсы.

А несколько месяцев спустя, в сентябре престарелый президент - ему уже было 77 лет - предпринял еще один шаг, столь же пионерский: он сумел положить начало новым отношениям с КНР. Произошло это так.

В 1979 г. руководители КНР в "Обращении к тайваньским соотечественникам" предложили объединить страну мирным путем, начав для этого переговоры между КПК и Гоминьданом. Дэн Сяопин в одном из выступлений призвал Цзян Цзинго "заново оценить ситуацию, отбросить опасения, ответить на вызов истории". Последовал ряд сенсационных инициатив со стороны руководителей КНР. Председатель Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных представителей Е Цзяньин, в прошлом - один из организаторов военной школы Хуанпу, участник Северного похода в 20-х годах, выступил в 1981 г. с оригинальным планом превращения Тайваня в особый административный район КНР, сохраняющий свои экономическую и политическую системы, армию и право внешних сношений, кроме дипломатических⁶⁸. Дэн Сяопин дал этой концепции название: "одно государство - две системы".

В том же году Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, отмечая семидесятую годовщину Синхайской революции (с которой началась история Китайской Республики), пригласил Цзян Цзинго и нескольких других видных деятелей Гоминьдана, в том числе его брата Цзян Вэйго, участника сианьских событий 1936 г. Чжан Сюэляна, а также Сун Мэйлин приехать на материк и посетить родные места. Он сказал, что власти КНР взяли на себя

заботу не только о мавзолее Сунь Ятсена, но и о могилах, где похоронены предки крупных гоминьдановцев.

Все эти и другие инициативы руководителей КНР вызвали резкий отпор тайваньских лидеров. "В прошлом КПК уже дважды путем обмана проникала в наши ряды, и все кончалось бедой,- заявил Цзян Цзинго, имея в виду единый фронт 20-х и антияпонский единый фронт 30-40-х годов.- Предлагаемый сейчас коммунистами третий "единый фронт" - это не что иное, как новый заговор"⁶⁹. Цзян Цзинго категорически отказался от налаживания каких-либо связей с материком: торговых, транспортных или хотя бы почтово-телеграфных и выдвинул принцип "трех нет": нет - контактам, переговорам и компромиссам. Иными словами, Тайвань продолжал наглухо отгораживаться от остального Китая.

На конгрессе Гоминьдана в 1981 г. Цзян выступил в роли провидца: "Сейчас уже можно сказать со всей ответственностью, что коммунистическая диктатура нигде не в состоянии разрешить жизненные проблемы народа, коммунизм идет к закату, и крах его неизбежен"⁷⁰. В свете этой перспективы он предсказал также: "Восьмидесятые годы станут временем Славного Возвращения!" (Сколько таких торопливых пророчеств было сделано на Тайване, а по иным поводам - и в других землях!). Главный вывод был: "Только три народных принципа объединят Китай". И дальше: "Грядущий мир станет миром, озаренным светом трех народных принципов"⁷¹.

Однако о военном реванше теперь уже нечего было и думать. Другое дело - ставка Запада на постепенное размывание общественного строя КНР посредством наглядной демонстрации великому китайскому народу заморских преимуществ, вытекающих из рыночной экономики и личных свобод. Тайваньские лидеры поняли, что здесь и они могут внести свой вклад, и немалый, если хотя бы чуть-чуть приоткроют дверь в стене, разделившей Китай. И вот каким образом. Многочисленные жители острова, прибывшие сюда еще в 1949 г., с течением времени все больше тосковали о родных местах, мечтали увидеть родственников. Почему бы, в конце концов, не пойти им навстречу? "Правительство, - заявил один член Законодательной палаты, - тратит десятки миллионов юаней на забрасывание листовок на материк с помощью воздушных шаров. Но если разрешить поездки туда для свидания с родственниками, мы приобретем множество бесплатных агитаторов"⁷².

14 октября 1987 г. Цзян Цзинго издал новый указ, разрешающий поездки на материк для посещения родственников. Не всем, а только гражданским лицам, не состоящим на государственной службе. Для парработников - по особому разрешению. И не к любым

родственникам, а лишь к трем их категориям: кровным; кровным родственникам супруга (или супруги); супругам кровных родственников.

Тут же тысячи тайваньцев ринулись в тайбэйский Красный крест, чтобы оформить документы, образуя очереди невиданной длины. В первый же день анкеты получили двадцать тысяч человек, дальше счет пошел на сотни тысяч, перевалил за миллион... Карты КНР и провинций, путеводители по КНР, водка "маотай" и сигареты с материка - новые товары шли нарасхват. Люди приезжали в родные места, от которых были оторваны десятки лет, и рассказывали о своей жизни на Тайване. "Это и есть наше политическое наступление на материк, - откровенно заявляли руководящие деятели Тайваня, призывая "добиваться того, чтобы Китай отбросил коммунистические колодки и наручники и превратился в демократическое свободное современное общество"⁷³.

Несмотря на очевидную политическую заданность акции тайваньских властей, правительство КНР приветствовало ее. Оно не боялось, что тайваньские гости расскажут о своей зажиточной жизни и увидят, что их родственники на материке живут куда более скромно. Во-первых, оно подготовило аргументы для объяснения этого обстоятельства: увезенная на остров казна, американская помощь Тайваню, наконец, тезис, что управлять большой страной куда труднее, чем маленькой - многого ли добился Гоминьдан за время своего господства в Китае? (На что у гоминьдановской пропаганды были готовы ответы: казну, мол, мы не истратили, а, наоборот, сохранили и приумножили; американская экономическая помощь прекратилась в 1965 г., а до того немалую часть ее составляли военные поставки; на материке Гоминьдану постоянно мешала компартия; а где вы нашли ту маленькую страну, которую коммунисты привели к процветанию? Таким образом, было, о чем спорить, но спор велся на том пространстве, где хозяином была пропагандистская служба КНР).

Во-вторых, правительство КНР исходило из того, что чувство принадлежности к единой великой китайской нации рано или поздно одержит верх над прочими соображениями, усиливаясь по мере роста могущества КНР и ее авторитета в мировом сообществе. Немаловажно, что это чувство воспитывали в народе и лидеры Гоминьдана, тот же Цзян Цзинго, который утверждал: "Мы должны нести свое бремя. Судьбы мира определяет Азия, судьбы Азии определяет Китай. Сейчас, в двадцатом веке, европейцы господствуют над азиатами. Мы должны верить, что с окончанием двадцатого века азиаты наберутся сил, чтобы влиять на Европу и поддерживать мир. Только тогда на Земле воцарятся стабильность и мир"⁷⁴.

Так была протянута первая ниточка между двумя частями Китая, которые до этого обменивались лишь артиллерийскими залпами.

Принятие законов, ставших исходной точкой нового этапа в истории Тайваня, стало высшей точкой взлета в политической биографии Цзян Цзинго и одновременно ее финалом. Здоровье его оставляло желать лучшего уже тогда, когда он был председателем Исполнительной палаты, а в начале 80-х годов стало быстро ухудшаться. История его болезни в госпитале Ветеранов составила целые тома. Врачи требовали, чтобы он соблюдал щадящий режим, но он, одолеваемый государственными заботами, плохо выполнял их рекомендации. 26 августа 1987 г. он первый раз вел заседание Центрального Постоянного Комитета Гоминьдана, сидя в инвалидном кресле. 10 октября на праздновании годовщины Китайской Республики он впервые выступил с этого кресла с публичной речью.

"Он провел в инвалидной коляске добрых полгода, - рассказывал впоследствии журналистам его лечащий врач. - Он мало заботился о себе, через силу появлялся на публике, а сам уставал в коляске настолько, что головы не мог поднять"⁷⁵. Его мучили нестерпимые боли. Фаина по ночам вскакивала на малейший звук из его комнаты.

Настал момент, когда Цзян Цзинго уже не мог пользоваться коляской и стал принимать сотрудников, лежа на специальной кровати, высоту спинки которой можно было регулировать. Он работал, пока оставались хоть малейшие силы. Его дочь пригласила к нему из США старого врача, знатока китайской медицины, и с его помощью, а также благодаря упражнениям китайской гимнастики цигун его здоровье несколько улучшилось, но ненадолго. 13 января 1988 г. сердце президента Цзян Цзинго остановилось.

На Тайване был объявлен тридцатидневный траур. На это время запрещались все увеселения, митинги, демонстрации. Воинские части были приведены в повышенную готовность, увольнительные отменены. Телевидение перешло на черно-белое изображение.

В пышной траурной церемонии христианский обряд исполнил тот же пастор баптистской церкви, который тринадцать лет назад отпевал Чан Кайши. И усыпальницу для саркофага Цзян Цзинго возвели недалеко от того места, где покоилось тело его отца. Толпы людей, собравшихся вдоль шоссе, километр за километром, прощались с президентом на его последнем маршруте.

В доме Цзян Цзинго Фаина сохранила в неприкосновенности обстановку в кабинете мужа: кровать, кресло, на котором сидели посещавшие его сотрудники, небольшой письменный стол. Каждое утро она заходила в кабинет и, усевшись в кресло, мысленно

разговаривала со своим Го. Супруги прожили вместе пятьдесят три года. Потрясенная болезнью и смертью мужа, скоро и Фаина оказалась прикованной к инвалидной коляске.

Цзян Цзинго был бесребреником по натуре. Он не приобрел себе никакой недвижимости, не сколотил состояния. У него не было других доходов, кроме жалования, жили супруги в казенных апартаментах. Теперь у Фаины остались лишь небольшие сбережения, и ей нужно было подавать заявление о назначении ей пенсии как вдове государственного служащего. Но здесь выяснилось, что в тайваньском законодательстве есть такое правило: размер пенсии существенно зависит от того, скончался ли работник при исполнении служебных обязанностей или в иных обстоятельствах, скажем, дома. В первом случае пенсия полагалась на порядок больше. Фаина вполне могла претендовать на большую пенсию: в последний период жизни Цзян Цзинго его квартира стала его рабочим местом. Однако, поступи она таким образом - пошли бы толки и пересуды. Пользуясь свободой, недавно обретенной благодаря нововведениям Цзян Цзинго, пресса начала бы на все лады склонять его имя и имя самой Фаины. И Фаина предпочла просить о минимальной пенсии.

Скромное имущество, оставшееся от мужа, Фаина поделила поровну между детьми и внуками. Ее потомки разбрелись к этому времени по всему земному шару: кто отправился в Европу, кто в Америку. Кто учился, кто исследовал китайскую классическую поэзию, кто занимался бизнесом, дочь вела домашнее хозяйство в своей семье. Фаина могла бы уехать к дочери или к сыновьям, но не захотела и осталась в Тайбэе. Увы, вскоре ее настигли новые удары судьбы: в 1989 г. умер ее старший сын Эрик - Сяовэнь, а еще через два года - второй сын Сяоу.

Теперь Фаина почти не покидала свой дом. В 1992 г. она с третьим сыном Сяоюном полетела навестить дочь в США, но скоро вернулась. Что удерживало ее в Тайбэе? Дорогие ее сердцу воспоминания? Свойственная старости боязнь расстаться с привычной обстановкой? А, может быть, присущие этой отважной женщине скромность и деликатность, нежелание навязывать себя детям, вынуждать их ухаживать за собой?

Тайваньская публика знала о Фаине мало, но относилась к ней с симпатией. “На Тайване,- отмечал китайский журналист,- сегодня сложился чистый, благородный образ Цзян Фанлянь”. После смерти Цзян Цзинго она получила сочувственные письма с материка, от бывших однокашников мужа по московскому университету имени Сунь Ятсена. Но, наверное, мало кто сумел так тонко почувствовать, что творилось в душе Фаины, найти такие мудрые слова утешения, как ее не очень близкая приятельница Чэнь Сянмэй. В чем-то их положение было сходно: Чэнь уже много лет жила в США. Она была женой генерала К. Ченнолта,

прославленного командира эскадрильи тяжелых бомбардировщиков "Летающие тигры" в годы второй мировой войны. Чэнь Сянмэй писала:

"Китай - общество, где женщин ставят ниже мужчин. В последние годы налицо большой прогресс, но тысячелетние традиции нелегко преодолеть. Я прочла много статей, выражающих скорбь о господине Цзян Цзинго, слышала немало печальных слов на траурных собраниях. Но все как будто забыли о человеке, потерявшем больше всех и отдавшем больше всех - о тебе, кто был рядом с господином Цзян Цзинго пятьдесят лет, деля с ним радости и горести. Потому что ты посвятила себя ему молча.

Я была знакома со многими первыми дамами страны - супругами американских президентов. Все они пользовались вниманием прессы, их всегда сопровождало множество людей. А сейчас передо мной твоя фотография: сдерживая слезы, ты сидишь в коляске и кажешься мне такой одинокой и слабой...

Главное, что я поняла: в чужой стране нужно найти себя. Ты каждый свой миг посвятила другому - сейчас ты должна, преодолевая утрату, больше делать то, что тебе по душе, больше дорожить собой. Я надеюсь, у тебя найдется время описать все, что было с тобой в Китае за пятьдесят лет. Это будет очень полезная книга..."⁷⁶.

Кончина Цзян Цзинго, внесшего свой оригинальный вклад в извечную борьбу демократий против диктатур, вызвала немало откликов за рубежом, хотя, конечно, положение Тайваня как непризнанного члена международного сообщества заставило многих политиков воздержаться от принятых в таких случаях официальных шагов. Президент Рейган воздал ему хвалу за "мудрое и дальновидное руководство". Подводя итоги, его называли "диктатором с человеческим сердцем". Но самое, безусловно, примечательное - короткая телеграмма, направленная в адрес ЦК Гоминьдана Генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзыяном, который выражал соболезнование по поводу кончины Председателя Гоминьдана г-на Цзян Цзинго. В опубликованном в те же дни интервью Чжао Цзыян подчеркнул, что Цзян Цзинго "выступал за единый Китай, против "независимости" Тайваня" и что он "приложил определенные усилия к смягчению отношений между берегами Тайваньского пролива". Это было первое официальное послание с материка после сорока лет молчания и вражды!

Вслед за тем институт по изучению Тайваня Академии общественных наук КНР провел семинар, где деятельность Цзян Цзинго как исторической личности получила развернутую оценку. Вот что отмечали ученые: "В молодые годы он загорелся стремлением отдать свои силы спасению Родины... Последовав за своим отцом на Тайвань, он за сорок лет, проведенных там, много сделал для отпора внешним силам, пытавшимся отколоть Тайвань от

Китая, для строительства и развития тайваньской экономики. Последние годы он приложил немало усилий, чтобы смягчить и улучшить отношения между берегами Тайваньского пролива, урегулировать отношения Гоминьдана с различными политическими силами Тайваня, со всем населением. Тем самым он принес пользу всему Китаю, всей китайской нации"⁷⁷.

Тихая революция.

Спустя несколько часов после кончины Цзян Цзинго вице-президент Ли Дэнхуэй в соответствии с конституцией принес президентскую присягу и принял на себя обязанности главы государства. В обращении к народу он пообещал, что будет следовать заветам своего предшественника, совершенствовать "демократическое конституционное правление", а также "вести борьбу против коммунистов, за восстановление государства", с тем чтобы осуществить "великую миссию объединения Китая на основе трех народных принципов"⁷⁸.

До конца президентского срока оставалось два года.

Прежде, будучи вице-президентом, государственный деятель Ли Дэнхуэй светился отраженным светом своего патрона; теперь он вышел на авансцену политической жизни Тайваня играть главную роль. Он стал первым уроженцем Тайваня в этом качестве, и мне кажется интересным рассказать его биографию: много ли мы знаем жизнеописаний тайваньцев? Биография Ли Дэнхуэя - это история тайваньского интеллигента, выходца из средних слоев, без особого богатства, без связей, стремившегося своим трудом приносить людям пользу и благодаря тому же труду, способностям и честолюбию сделавшего выдающуюся карьеру.

Ли Дэнхуэй родился 15 января 1923 г. в деревне Бупин, недалеко от Тайбэя. Некогда его прапрадед в поисках лучшей жизни переселился на Тайвань из приморской провинции Фуцзянь, занялся привычным делом - разведением чая, сколотил небольшой капитал и купил собственный участок земли. И прадед, и дед Ли Дэнхуэя занимались тем же: крестьянствовали и прикупали землю. Отец его стал уже помещиком, правда, не крупным, сдавал маленькие участки земли местным крестьянам, но сам возил в город на продажу рис и овощи. Дэнхуэй был вторым сыном в его семье.

Предки Ли принадлежали к обитавшей в Фуцзяни небольшой народности хакка. Патриоты хакка утверждают, что из их среды вышли три выдающихся деятеля нашего времени: премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, филиппинский президент Акино и, наконец, тайваньский президент Ли Дэнхуэй.

Биографы тайваньского президента пишут, что его с детских лет отличали редкое трудолюбие и тяга к знаниям⁷⁹. Когда по вечерам в комнатах школьного общежития отключали свет, он пристраивался к лампочке, тускло горевшей около туалета, и увлеченно читал. Видя, что это повторяется изо дня в день, разгневанный воспитатель обратился к директору школы с необычной просьбой: открыть школьникам небольшую комнату для

занятий в поздние часы. Дэнхуэй досрочно окончил среднюю школу и сдал экзамены в Тайбэйское высшее училище.

Тайвань с 1895 г. был частью Японской империи. В высшем училище группа, куда попал талантливый юноша, почти целиком состояла из японцев, китайцев насчитывалось всего пять человек. Все они обязаны были взять себе японские имена. Тайваньцам внушали мысль об исключительности японской нации, и для людей, проживших всю жизнь в захолустной колонии, под властью иноземцев, это утверждение должно было звучать достаточно убедительно. Однако Дэнхуэй, по воспоминаниям однокашников, не соглашался с ним и, признавая достоинства японцев, вместе с тем вдохновенно призывал "искать общую для всех народов, единую правду". Красноречие будущего государственного деятеля носило на себе явственный отпечаток проповедей, которых он прослушал немало, поскольку учился в школе, опекаемой христианскими миссионерами, принял христианство и исправно посещал церковь.

Тайваньская высшая школа давала довольно широкое образование, знакомила с мировой культурой. Студенты читали Гете, Канта... Но Ли Дэнхуэй чувствовал, что это не может стать главным в его жизни. В 1943 г., не окончив институт, он отправился в Японию, хотя это было небезопасно: время было военное, корабли под японским флагом нередко становились мишенью американских самолетов и подводных лодок - и сдал экзамены в императорский университет города Киото. Он знал, что доступ к престижным профессиям, связанным с политикой, юриспруденцией и т.п. для тайваньцев закрыт, и решил изучать экономику сельского хозяйства: он вырос в деревне, а, кроме того, было ясно, что нищему, разоренному войной аграрному Тайваню такие специалисты будут необходимы.

Между тем, война на Тихом океане вступила в завершающую фазу. Силы Японии были подорваны, жизнь в стране дезорганизована, занятия в университете проводились нерегулярно. Однако, не прекратились, и Ли Дэнхуэй, носивший тогда имя Масао Ивасато, изучал, как и другие студенты, и специальные предметы, и военное дело, получив, как утверждают, чин майора артиллерии. Не оборвалась и студенческая жизнь за стенами аудиторий. В студенческой среде милитаристской Японии, несмотря на жесточайший идеологический и политический контроль, продолжал существовать интерес к социалистическим идеям. Ли, испытывавший тягу к истории и философии, по словам биографа, "серьезно изучал" японские работы по социализму и даже марксов "Капитал". Японским языком он владел свободно.

2 сентября 1945 г. был подписан акт о капитуляции Японии. 25 октября части китайской армии с помощью американского флота высадились на Тайвань. Этот день стал датой

Славного Освобождения острова. Осенью следующего года Ли Дэнхуэй вернулся домой. За это время его семья понесла тяжелые утраты: старший брат был мобилизован в японскую армию и пропал без вести где-то за морем, мать от горя потеряла здоровье и вскоре после освобождения Тайваня скончалась.

Ли Дэнхуэй поступил на третий курс Тайваньского университета на ту же специальность "экономика сельского хозяйства", а, получив в 1949г. диплом, остался там преподавать. В том же году он женился. Его жена Цзэн Вэньхуэй была родом из той же деревни, что и он сам, их семьи дружили уже три поколения. Цзэн, как и ее муж, любила литературу, музыку, живопись. Вскоре у них родился сын, а Ли получил грант Американско-китайского фонда культуры и отправился на полтора года в университет штата Айова готовить магистерскую диссертацию.

На эти полтора года семье пришлось урезать свои расходы. Выручали скромные сбережения, которые Цзэн сделала раньше, работая в банке, и небольшие переводы от мужа. Как-то Ли отправил жене подарок - коробку шоколадных конфет. Когда посылка пришла в Тайбэй, выяснилось, что за нее как за предмет роскоши нужно заплатить огромный налог. Цзэн не могла позволить себе этого, и коробка осталась на почте.

Не роскошествовал и сам обладатель почетного гранта. Когда пришло время возвращаться домой и он взял билет на самолет, денег у него оставалось в обрез. Но он не вытерпел: за день до вылета пошел в универмаг и купил в подарок дочке Ань-на, родившейся в его отсутствие, вязаную шерстяную кофту. Оставшиеся сутки ему пришлось заглушать голод дома - кипяченой водой, а в аэропорту - лимонадом из автомата на последнюю мелочь.

Защитив диссертацию и получив степень магистра, Ли Дэнхуэй вернулся в родной Тайваньский университет, а в 1954 г. получил сразу два новых приглашения на работу: в Китайско-американскую комиссию возрождения сельского хозяйства на прекрасную по тем временам зарплату в восемь тысяч юаней (около двухсот американских долларов) и в провинциальное управление сельского и лесного хозяйства заведовать отделом экономических исследований, на зарплату в пятьсот юаней. У Ли в этот момент уже было трое детей, кроме того, он взял к себе на воспитание сына погибшего брата, семья жила в тесноте. Тем не менее, он выбрал второе предложение: оно исходило от его университетского учителя, назначенного начальником управления. Он объяснил свое решение просто: "Даяния учителя дороже денег".

Ли проработал в сельскохозяйственном управлении три года, подрабатывая все это время преподаванием и публикуя одну за другой статьи, а затем книги. И только когда его

учитель ушел на более высокую должность, Ли счел себя вправе перейти в Американско-китайскую комиссию.

Он объездил сотни деревень и поселков, обследовал ирригационные системы, поднимался в горы и изучал состояние водохранилищ. "Мое сердце было с крестьянами, - говорил потом Ли Дэнхуэй, сделавшийся политиком. - Оно не расстается с ними и сегодня". Все это время он не бросал преподавания, дружил со студентами, приглашал их к себе домой пообедать. За эрудицию они прозвали его "ходячей библиотекой"⁸⁰.

Он, действительно, стал специалистом высшей квалификации. В 1965 г. на грант одной из американских сельскохозяйственных организаций он отправился в Корнельский университет и там написал блестящую докторскую диссертацию на тему "Перемещение капитала между сельским хозяйством и промышленностью на Тайване. 1895-1960". Диссертация получила в США почетную премию, ее считали классической работой и часто цитировали. Воздавая должное научным достижениям китайского ученого, его консультант профессор Мэллор вместе с тем отмечал: "Он никогда не замыкался в башне из слоновой кости. Он постоянно выказывал серьезный интерес к политике и проявлял незаурядные лидерские способности"⁸¹.

Достоинства Ли Дэнхуэя не остались незамеченными. Он был приглашен как эксперт давать консультации Цзян Цзинго, который стремился выдвигать на ответственные посты высокообразованных администраторов, проявляя особое внимание к уроженцам Тайваня. Это была его стратегическая линия. Став в 1972 председателем Исполнительной палаты, Цзян Цзинго отдал местным уроженцам посты своего заместителя, министра внутренних дел, министра транспорта, главы провинции, мэра Тайбэя. Ли Дэнхуэй был назначен членом Исполнительной палаты (аналог государственного министра) и фактически отвечал за аграрную политику правительства.

А в 1978 г. Цзян Цзинго назначил его мэром столицы. Окружающие были изумлены: поставить аграрника на решение сложнейшего комплекса городских проблем? Но Цзян Цзинго, очевидно, не сомневался в способности своего протеже легко переключаться на новые проблемы - способности, присущей руководителям высокого класса - и, словно в подтверждение своего доверия, на следующий год провел его кандидатуру, несмотря на скромный партстаж, в Центральный постоянный комитет Гоминьдана.

Ли Дэнхуэй тут же оставил все свои многочисленные преподавательские и консультантские должности, которые занимал по совместительству, и рьяно взялся за дела, круг которых был, казалось, необъятным: от строительства водохранилища для снабжения

столицы питьевой водой до упорядочения уличного движения в городе, давно уже переполненном автомашинами, мотоциклами и мотороллерами. Он вообще был человеком увлекающимся, напористым, экспериментатором по натуре. Взявшись за проблемы уличного движения, он попробовал ввести новшество - "бригады безупречно дисциплинированных водителей", а однажды, попав в затор, вышел из машины, занял место регулировщика и сам занялся расшиванием пробки. Он пропагандировал бег трусцой по утрам и призывал горожан сделать свой мегаполис удобным для жизни. Он организовывал в городе музыкальные, физкультурные, художественные сезоны и даже сам приложил руку к переводу арий и либретто "Фауста", которого давали в городском театре.

Бывший научный работник превратился в умелого профессионального администратора крупного масштаба, и через три года получил новое назначение: губернатором провинции Тайвань. Теперь он опять смог заняться, среди прочего, близкими ему проблемами подъема сельского хозяйства, улучшения жизни крестьян. Выдвинутые им при этом лозунги очень походили на те, которые остались у нас в недавнем социалистическом прошлом: выравнивание развития города и деревни, возврат деревне долгов - средств, прежде изъятых у нее промышленностью - только выполнялись они несколько успешнее.

Ли Дэнхуэй говорил: "Япония после революции Мэйдзи модернизировалась за три поколения. У нас есть все условия, чтобы стать современным развитым государством за одно поколение". С этой целью он начал создавать в сельских районах своего рода кадровое ядро - несколько тысяч крестьянских семей, которые должны были первыми перейти от обычного рисоводства на заливных полях к более сложным и эффективным агрономическим технологиям. Он убедил Цзян Цзинго освободить крестьян от совокупного подоходного налога, много занимался вопросами сбыта сельскохозяйственной продукции, используя для ее продвижения на рынок и нетрадиционные приемы. Так, одно время в провинции стало сокращаться потребление риса оттого, что вошли в моду мучные блюда: считалось, что от них дети вырастают более высокими. Губернатор, ста восьмидесяти сантиметров роста, воздействовал на потребителей личным примером: "Я с малых лет ем рис!".

Соединяя коммерцию с культурой, он привлекал к рекламе фруктов популярных актеров, тех именно, чьи имена были созвучны названиям тех или иных видов тропических плодов. И - это уже вне коммерции - по его инициативе известные певцы и художественные ансамбли отправлялись гастролировать по провинции. В 1983 г. в годовщину освобождения Тайваня Ли Дэнхуэй сам участвовал в телевизионной передаче, посвященной истории

народной песни на острове за последние полвека, вспоминал песни своего детства и молодости, рассказывал, какие реалии прошлого они отражали.

Он умел говорить с людьми, умел и уговаривать. Чтобы обезопасить Тайбэй от наводнений, требовалось проложить через окрестные поля отводной канал. Сделать это оказалось не так-то просто: местные жители стали стеной, охраняя неприкосновенность своих наделов. Приехавших из столицы чиновников они встретили угрозами, наготове у них были дубины. Не обращая внимания на уговоры и предостережения своей свиты, губернатор вышел к возбужденной толпе и сумел успокоить ее. Канал был построен.

Неожиданно для всех в 1984 г. Цзян Цзинго, решивший остаться в президентском кресле на второй срок, пригласил Ли Дэнхуэя в вице-президенты. То, что могло показаться причудой престарелого хозяина, на самом деле было вполне обоснованным выбором: он был убежден в незаурядных способностях губернатора. Одно достоинство будущего партнера особенно импонировало Цзяну: как политик тот был абсолютно чист. В том смысле чист, что, приходя в сферу высшей власти со стороны, не имел в ней корней, не имел своей команды, и, значит, не мог заниматься фракционными дрызгами за спиной своего покровителя. А Цзян Цзинго не терпел их и всякую непокорность и групповщину пресекал в зародыше.

Национальное собрание отдало за Ли почти девяносто процентов голосов.

Когда-то пост вице-президента на Тайване имел преимущественно представительский характер, не был сопряжен ни с особо хлопотными обязанностями, ни с тяжелой ответственностью. Рассказывают, что прежний губернатор Тайваня Чэнь Чэн, успешно занимавшийся модернизацией острова после эвакуации туда правительства в 1949 г., позже, став вице-президентом, истомился от безделья и через секретаря попросил у Чан Кайши дать ему хоть какую-нибудь полезную работу. Чан Кайши с каменным лицом ответил секретарю: "Пусть подождет, когда меня не станет - все дела перейдут к нему"⁸².

Однако Ли Дэнхуэй, заняв пост вице-президента, отнюдь не собирался наслаждаться спокойной жизнью. Он держался скромно, не стремился играть на публику, но скрупулезно выполнял все поручения Цзян Цзинго - а их было немало. Ему пришлось основательно заниматься и подготовкой политических реформ, и урегулированием отношений с набиравшей силу своенравной оппозицией. "Я готов в любой момент помогать президенту всеми доступными мне средствами», - заявлял Ли Дэнхуэй. Он интенсивно усваивал новый опыт, в том числе и таким методом: "Каждый раз, когда г-н Цзян Цзинго вел обсуждение какого-либо вопроса, я для себя набрасывал черновые выводы, а потом сравнивал их с теми,

которые делал он. Таким образом я многому научился"⁸³. Свои беседы с Цзян Цзинго Ли тщательно записывал и впоследствии издал их.

Став президентом по воле случая, Ли Дэнхуэй вовсе не собирался упускать свой шанс подняться на самую вершину пирамиды власти, иными словами, по примеру Чан Кайши и Цзян Цзинго совместить посты президента и председателя партии. Он чувствовал в себе силы для этого и мог рассчитывать на симпатии общественности. Во время телефонного опроса, проведенного одним тайбэйским еженедельником среди представителей тайваньской элиты спустя несколько дней после кончины Цзян Цзинго, три четверти респондентов охарактеризовали Ли наилучшим образом: как "здорового и уравновешенного реформатора"

Однако далеко не всем в высшем эшелоне власти нравилось его возвышение. Немалая часть консервативно настроенных ветеранов, спянных десятилетиями совместной работы и общностью судьбы (на Тайване все они - беженцы!), смотрела на него как на выскочку, чужака. Цзян Цзинго был еще жив, когда их умами завладела идея после его ухода создать в партии коллективное руководство. Составлялись различные списки будущих участников руководящего коллектива, назывались разные имена, но Ли Дэнхуэя среди них не было: слаб еще для серьезной политики, никогда не вел избирательной борьбы, никуда не избирался, да и партстаж маловат.

Действия Ли, когда пришел его черед, были энергичными и умелыми.

В течение почти двух недель, согласно протоколу, он каждое утро совершал ритуальный обряд у гроба скончавшегося президента, а затем наносил визиты высокопоставленным ветеранам партии, начиная с Сун Мэйлин, заверяя их, что будет следовать путем, проложенным его великими предшественниками. Преданные сторонники Ли Дэнхуэя в высших эшелонах власти, которых он приобрел за последние годы, вели активную агитацию в его пользу. В ЦК Гоминьдана пошли обращения от групп депутатов Законодательной палаты, от членов Национального собрания, представителей разных партий. Они хотели видеть главой Гоминьдана именно президента Ли.

Словом, все складывалось достаточно удачным образом, как вдруг накануне решающего заседания Центрального постоянного комитета, сценарий которого был уже готов, ответственный секретарь ЦК Ли Хуань получил письмо от Сун Мэйлин. В качестве председателя комитета советников Гоминьдана она уведомляла его, что некоторые авторитетные члены комитета предлагают обдумать формулу коллективного руководства партией.

Как тут быть? Как пойти против знаменитой и влиятельной Сун Мэйлин? Нарушить партийные традиции или поступиться собственными убеждениями? Согласно конфуцианской морали, состоявший на государственной службе "цзюнь цзы" - благородный чиновник, если воля императора шла вразрез с его принципами, исполнял волю государя, а сам уходил - со службы, а то и из жизни. Ли Хуань решил, несмотря ни на что, выдвинуть Ли Дэнхуэя в председатели партии, затем отправить Сун Мэйлин письмо с извинениями и подать в отставку по состоянию здоровья. Друзья одобрили его решение...

Заседание ЦПК, начавшееся 27 января в 8 часов утра, проходило в напряженной обстановке. Но когда дошло до голосования – а голосовали вставанием – все двадцать семь присутствующих членов ЦПК разом поднялись со своих мест, одобряя кандидатуру Ли Дэнхуэя. Вспыхнули аплодисменты.

В тот же день Ли Дэнхуэй нанес визит Сун Мэйлин, чтобы сгладить намечающийся конфликт и заручиться ее расположением на будущее. Визит был успешным: Сун Мэйлин ничего не оставалось, как принять протянутую ей руку.

Пресса единодушно одобрила избрание Ли Дэнхуэя, а состоявшийся вскоре съезд Гоминдана утвердил его председателем партии.

Тайвань, между тем, переживал непростое время. Уход харизматического вождя, пользовавшегося огромной властью, хотя и решившегося под занавес ограничить ее; введение важных демократических свобод; ожидание новых свобод - все это ослабляло прежние устои общества, создавало тревожную атмосферу. Год кончины Цзян Цзинго принес не только очередные митинги и протесты сторонников независимости острова, но и массовую крестьянскую демонстрацию, закончившуюся стычками с полицией и жертвами. Власти утверждали, что среди участников этой демонстрации, шедшей за депутатами от ДПП, крестьян было от силы пять человек. Оппозиция возмущенно возражала.

В руководстве Гоминьдана стали возрождаться старые, давно угасшие фракции, еще больше запутывая и без того непростые позиции их участников в главнейшем вопросе: о реформах. Реформы затрагивали многих высокопоставленных лиц, при том самым непосредственным образом, поскольку включали в себя массовое омоложение органов власти.

Укрепляя свои позиции, Ли Дэнхуэй проявил неожиданную для своих оппонентов активность, добиваясь кадровых перестановок в ЦК и в Исполнительной палате. Ходили слухи, что в его кабинете висит огромная схема, изображающая структуру всех органов власти, и по вечерам он в одиночестве расставляет по клеткам ярлычки с именами высших чиновников, прикидывая, какой вариант ему выгоднее. Центр власти стал явственно

перемещаться из ЦК в президентский дворец, и пресса начала все чаще ссылаться на "источники в администрации президента". Естественно, это добавило Ли Дэнхуэю не только сторонников, но и противников.

В ходе закулисных боев и сделок расстановка фигур, в том числе тяжелых, менялась быстро. Для примера бросим беглый взгляд на череду сменявших друг друга председателей Исполнительной палаты (премьер-министров). Отрывочные данные из их послужных списков позволят нам, кстати, увидеть, из какого теста они делались.

Юй Гохуа, родился в 1914г. Учеба: университет Цинхуа, Гарвард, Лондонская школа экономики. Работа: один из исполнительного директоров Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда, министр финансов, глава Центрального банка, представитель Тайваня в международных финансовых организациях. В 1989 г. вышел в отставку с поста премьера, не выдержав груза обвинений в неспособности руководить экономическим строительством, взяточничестве и т.п. Наблюдатели видели за всем этим интриги его соперников. После отставки Юй Гохуа его жена заявила журналистам: "До чего ж страшное дело - эта политика!".

Ли Хуань, родился в 1917г. Учеба: Политический университет в Китае, Колумбийский университет. Работа: президент университета им. Сунь Ятсена, генеральный секретарь ЦК Гоминьдана, автор множества научных трудов. Премьер в 1989 - 1990 годах. Отличался склонностью к либерализму, покровительствовал молодежи, допускал критику партии - но только внутри партии и "в рамках партийности". В 80-х, будучи министром образования, стоял за то, чтобы разрешить школьникам и школьницам вольность в прическах.

Хао Боцунь, родился в 1919г. Учеба: военная школа Хуанпу, академия генштаба в США. Работа: начальник генштаба, министр обороны. Руководил разработкой новой боевой техники: истребителя "Цзинго" (т.е. "Цзян Цзинго"), танков, ракет. Премьер-министр в 1990-1993 годах. На этом посту с успехом вел борьбу с преступностью и теневым капиталом.

Лянь Чжань, родился в 1936г. Учеба: Тайваньский университет, Чикагский университет. Работа: посол, заместитель генерального секретаря ЦК Гоминьдана. Хотя родился на материке, но с детства жил на Тайване, и потому считается первым тайваньцем на посту премьера.

В эти годы, особенно в период, когда Ли Дэнхуэй доканчивал начатый Цзян Цзинго седьмой президентский срок, тайваньские политики и пресса много говорили о кризисе, охватившем страну. Цзян Сяоу, второй сын Цзян Цзинго, в 1990 г. через печать обратился к лидерам Гоминьдана, нарисовав мрачную картину распада всех устоев общества: "Рушится

общественный порядок, повсюду смуты, в верхах партии увлечены борьбой за посты и влияние,...друг другу не уступают, забыли об идеалах партии, не думают об интересах нации, о будущем государства. Успехи, завоеванные за сорок лет борьбы, могут быть потеряны в одно утро....Партия - уже не партия, правительство - не правительство, есть тайные выборы, но нет действительного волеизъявления народа"⁸⁴.

По российским меркам, авторы такого рода апокалиптических картин сильно сгущали краски. По всей видимости, это делалось намеренно, с целью подчеркнуть необходимость единства в Гоминьдане. На самом деле Тайваню не грозили ни обвальное падение производства, ни дезинтеграция общества, ни гражданская война, ни даже военный переворот. Конечно, на карту было поставлено многое: речь шла о судьбе демократических реформ. При всем том, однако, островное общество, выросшее на идее единства перед лицом непримиримого врага, продолжало беречь это единство и в условиях перехода к многопартийности, чувство ответственности не покидало политических деятелей даже при отсутствии сильной руки над ними. Кроме того, ветераны консервативного толка, противники сколько-нибудь глубоких политических реформ, не имели серьезной опоры в обществе. Другое дело, что политические решения принимались в узком кругу, где их власть была достаточно велика, и потому подчас там возникали критические ситуации, когда стрелка весов могла склониться в любую сторону.

Пожалуй, самый драматический момент наступил в феврале 1990 г. при выборах Ли Дэнхуэя на новый, (в общем счете - восьмой) президентский срок. За два предшествующих года своего "автоматического" президентства Ли Дэнхуэй приобрел не только новых сторонников, но и новых противников. Сговорившись, недруги президента выдвинули собственных кандидатов: председателя палаты Юстиции Линь Янгана - в президенты и младшего брата Цзян Цзинго, генерального секретаря Совета национальной безопасности Цзян Вэйго - в вице-президенты. Председатель Исполнительной палаты Ли Хуань поддержал их, заявив, что, по его убеждению, выдвижение альтернативных кандидатур не должно рассматриваться как нарушение партийной дисциплины.

По настоятельной просьбе президента группа наиболее авторитетных ветеранов партии, известная как "восемь старцев", как будто бы уговорила оппозиционную пару Линь - Цзян отказаться от борьбы. Однако окончательно все должно было решиться на внеочередном пленуме ЦК 11 февраля 1990 г. Вечером и в ночь перед его открытием активисты из обеих групп обзванивали "неприсоединившихся", продумывали план предстоящей битвы. Набожный Ли Дэнхуэй впоследствии писал в христианском журнале: "В феврале был день,

когда политическая обстановка чрезвычайно усложнилась. Я никак не мог заснуть, молился почти два часа, но дух мой все не успокаивался"⁸⁵.

Но вот началось пленарное заседание ЦК, и тут возникла парадоксальная ситуация: рассчитывая на поддержку скрытых единомышленников, консерваторы - сторонники альтернативной пары претендентов предложили действовать по-демократически: провести тайные выборы, тогда как приверженцы Ли Дэнхуэя, в недалеком будущем - творцы широких демократических реформ, настаивали на традиционном открытом голосовании. Началась дискуссия. Обстановка стала накаляться. Председательствующий вынес соломоново решение: сначала поднятием рук определить, целесообразно ли выбирать кандидатов по-новому, тайным голосованием, а затем уж провести основное голосование.

Естественно, прежде всего поставили на голосование само это предложение. Оно было принято простым большинством. Затем подняли руки еще раз и начали подсчитывать. Ли Дэнхуэй, не присутствовавший в зале, поскольку решался вопрос о нем, в волнении поджидал результатов в соседней комнате. Минуты тянулись невероятно медленно. Наконец, председатель объявил: за предложение о тайном голосовании подано семьдесят голосов, против - девяносто. Предложение не прошло!

Поэтому кандидатуры голосовались вставанием. Поднялись все, в том числе и оппоненты Ли Дэнхуэя; последние, как всегда в подобных случаях - ради сохранения единства партии. Ли Дэнхуэй и предложенный им в вице-президенты Ли Юаньцу, в прошлом - военный юрист, министр юстиции, министр образования, профессор - стали официальными кандидатами от Гоминьдана и через несколько дней были без сколько-нибудь серьезных осложнений избраны на эти посты Национальным собранием.

С этого времени Гоминьдан разделился на два течения: более многочисленное пропрезидентское - "главное" и оппозиционное "неглавное", или, как их еще называли, "вставальщики" и "бюллетенщики". Тем не менее, можно констатировать, что Ли Дэнхуэй одержал победу сравнительно легко. Во-первых, потому, что к этому времени приобрел репутацию политика, который сумеет провести необходимые реформы наилучшим образом и на которого поэтому вполне можно положиться. Во-вторых, потому, что он обладал искусством маневрировать ради достижения своих целей, он был идеологом, оратором, располагал широкими связями в различных слоях общества вплоть до религиозных кругов, имел в активе знакомство с США на собственном опыте. Словом, на политической арене Тайваня он не знал себе равных.

Опираясь на "главное течение", поминутно заявляя о верности курсу Цзян Цзинго - это было необходимо, чтобы преодолеть сопротивление своих консервативных оппонентов - Ли решительно взялся за осуществление политических преобразований.

Ряд серьезных нововведений уже был сделан им раньше, среди них - закон о народных организациях, определявший, в частности, понятие политической партии. Это - такая организация, целью которой является продвижение своих представителей в органы власти посредством выборов. Иными словами, зарегистрироваться как партия означало отказаться от внепарламентских методов борьбы. Всем организациям запрещалось нарушать конституцию, защищать коммунизм, посягать на целостность территории Тайваня.

Одной из первых зарегистрировалась в качестве политической партии Демократическая прогрессивная партия, громко требовавшая скорейших реформ и жаждавшая утвердить себя в роли их авангардной силы.

С другой стороны реформаторам в Гоминьдане даже после победы внутри партии противостояло большое число старейших депутатов Национального собрания. На Тайване давно уже говорили о необходимости омоложения депутатского корпуса, еще при Цзян Цзинго комиссия по подготовке реформы, членом которой был Ли Дэнхуэй, отмечала необходимость такого шага: "Ветераны Национального собрания, Законодательной палаты, Контрольной палаты, избранные на материке в 1947 г., давно уже никого не представляют, давно уже стали поводом для насмешек"⁸⁶. Став президентом и председателем Гоминьдана, Ли серьезно взялся за решение этой проблемы. Хотя разрабатывавшиеся на этот счет положения носили название "Закона о добровольной отставке", они несли в себе прямую угрозу высокому статусу престарелых парламентариев, поскольку позволяли рассматривать тех из них, кто уже не мог выполнять свои обязанности, как "добровольно ушедших в отставку".

В ответ престарелые депутаты, сорганизовавшись в несколько групп, принялись составлять собственные законопроекты, которые позволили бы им продлить пребывание у власти. Более того, в 1990 г. они потребовали повысить им жалование, рассчитывая, что в канун президентских выборов Ли Дэнхуэй будет вынужден пойти им навстречу. Реакцией было всеобщее возмущение и выступления общественности с требованием скорейшего проведения реформ. 16 марта группа студентов Тайваньского университета, человек двадцать, с едой и палатками расположилась у мемориала Чан Кайши и начала многодневную сидячую демонстрацию. Передовой почин подхватили студенты других вузов, школьники-старшеклассники - всего, по подсчетам, в этой демонстрации участвовало тридцать тысяч

человек. К молодым бунтарям приходили родители, уговаривали их вернуться к занятиям, но те не поддавались.

Естественно, политики-реформаторы, да и консерваторы тоже не могли равнодушно пройти мимо столь яркого проявления активности масс. Председатель Исполнительной палаты, министр образования, другие ответственные лица один за другим посещали студентов, беседовали с ними о государственных делах. Ли Дэнхуэй собственноручно написал им письмо, а 21 марта принял в своей резиденции пятьдесят студенческих представителей, которым пообещал разработать график проведения политических и экономических реформ, а также досрочно провести объявленное ранее небывалое мероприятие - Конференцию по общенациональным проблемам. На следующие сутки юные демократы тайным голосованием решили прекратить забастовку.

В июне 1990 г. на Конференцию собрались представители всех сколько-нибудь значительных политических сил страны. Президент сделал все, чтобы накануне реформ достичь согласия между ними. Председатель Исполнительной палаты, один из лидеров умеренно-консервативных сил в Гоминьдане Хао Боцунь и знаменитый бунтарь Сюй Синьян впервые встретились как коллеги и выпили за здоровье друг друга. (Сюй Синьян после бурных событий 1977 г. в поселке Чжунли, о которых мы рассказывали выше, провел десять лет в эмиграции, добровольно вернулся на остров, зная, что его ждет тюрьма, и был, действительно, заключен в тюрьму. При Ли Дэнхуэе амнистирован. Вскоре после Конференции избран председателем ДПП). Конференция выработала рекомендации относительно предстоящих законодательных реформ.

Тем не менее, на следующий год Национальное собрание принимало новые законы в обстановке напряженной борьбы между осмотрительным Гоминьданом и радикальной ДПП. В ходе борьбы имели место и заявления ДПП об отказе от парламентских методов борьбы и уходе с сессии, и организация ею массовой демонстрации, и переговоры сторон ночь напролет. В конце концов, однако, нужные решения были приняты. В конституцию были внесены фундаментальные изменения, сформулированные, по американскому образцу, в виде дополнительных статей. Они предусматривали более демократический порядок выборов в Национальное собрание и Законодательную палату.

Порядок, надо признать, оказался не очень простым: депутаты должны были теперь избираться частью по территориальным округам, частью - по общенациональному округу (т.е., считая формально, от всего Китая, фактически же от тайваньского региона), отдельно - от тайваньских аборигенов, от граждан за границей, от женщин. Представительство от

монгольских аймаков и Тибета, предусмотренное в прежней конституции, теперь было отменено.

В том же году Совет Великих Судей палаты Юстиции предписал престарелым депутатам Национального собрания, Законодательной и Контрольной палат до конца года уйти в отставку. Решение касалось 768 человек, или 76% общей численности депутатских корпусов в этих органах власти! Всем им было под восемьдесят или за восемьдесят. А в конце года тайным голосованием в Национальное собрание было избрано 300 новых депутатов вместо выбывших. Так впервые произошло обновление его состава: до этого выборы в Национальное собрание бывали только дополнительными, и ни один депутат не покидал своего высокого места иначе как естественным путем.

В результате последующих реформ к концу 1994 г. вся система власти на Тайване сверху донизу стала выборной, все, включая президента, теперь должны были избираться всеобщим прямым и тайным голосованием.

Одновременно в корне изменился политический рельеф Тайваня, он сделался гораздо более сложным и многообразным. Гоминьдан перестал отождествлять собственную партийную машину с государственной, перестал именовать себя революционно-демократической партией, допустил выдвижение альтернативных кандидатов, помимо рекомендованных парткомами, при выборах в партийных организациях. Однако, превращаясь в партию парламентского типа, он остался правящей партией, самой многочисленной - порядка двух миллионов членов - самой сильной и самой богатой. Партия владеет акциями сотен компаний, ее собственность оценивается в миллиарды американских долларов. Гоминьдан сохранил имидж творца "тайваньского чуда" и возможность, находясь у власти, в какой-то мере использовать для своих нужд госаппарат.

Под боком у Гоминьдана набрала силу и теперь составляет ему серьезную конкуренцию Демократическая прогрессивная партия, насчитывающая менее ста тысяч членов, но регулярно собирающая в масштабах всего острова порядка тридцати процентов голосов избирателей. ДПП, партия средних и отчасти низших слоев населения, приобретает сторонников, предъявляя к правительству требования социального плана, добиваясь расширения политических свобод, но отталкивает многих своей идеей превращения Тайваня тем или иным путем в самостоятельное государство де-юре. Учитывая неизбежно резкую реакцию на это со стороны КНР, значительная часть населения считает эту идею авантюрной.

Ветры демократии раскололи монолит Гоминьдана. Мало того, что в нем возникли "главное" и "неглавное" течения, в 1993 г. из него вышла небольшая группа деятелей,

образовавших Китайскую новую партию. Став наиболее значительной из семидесяти с лишним мелких партий, действующих в настоящее время на Тайване, КНП строит свою политику на балансировании между двумя ведущими партиями - Гоминьданом и ДПП.

Неотъемлемой чертой новой политической жизни Тайваня стали бурные избирательные кампании, когда стены домов заклеены лозунгами и бесконечно повторенными портретами кандидатов, на площадях шумят митинги, а по улицам разъезжают агитмашины с громкоговорителями. Заседания Законодательной палаты стали бурными, вплоть до потасовок, в которые, случалось, ввязывались даже захваченные политическими страстями представительницы прекрасного пола.

С появлением этого громоздкого, отчасти, может быть, избыточного и самодовлеющего политического механизма не нужно стало "спасать нацию", отпала необходимость в тотальной слежке, в политических репрессиях - и в этом и состоит его оправдание и его главное достоинство. Надобность в репрессивных инструментах во имя отпора внешнему врагу непрерывно уменьшалась с конца 70-х годов по мере того, как КНР расширяла у себя сферу действия рыночных отношений и все отчетливее заявляла о намерении решать проблему объединения страны мирными средствами. Теперь они оказались ненужными и во внутривнутриполитической жизни, как средство держать в повиновении оппозицию, а с нею и массы. Став президентом, Ли Дэнхуэй в качестве одной из первых мер амнистировал всех политических заключенных и восстановил их в гражданских правах, позволил вернуться политэмигрантам. Это было начало, вслед за которым за несколько лет произошел плавный, практически безболезненный переход тайваньского общества в новое политическое качество. Добавим: при сохранении за Гоминьданом командных высот в политике. Осуществившие этот переход деятели могли быть довольны: эксперимент удался.

"Поскольку по масштабам и значению эти изменения не уступают революции, но протекают мирно, мы назвали их "тихой революцией», - писал один из ведущих пропагандистов Гоминьдана Ху Чжицян и с гордостью продолжал: - Зарубежные ученые уделяют Тайваню достаточно большое внимание, поскольку мы являемся одним из наглядных примеров мирного политического развития после второй мировой войны. Давайте посмотрим, где еще в мире развитие проходило в такой же стабильной обстановке, как на Тайване? И кого же, если не Тайвань, считать классическим образцом демократизации?"⁸⁷

Творцы тайваньских реформ напоминают, что демократия на острове развивалась, опираясь на принципы, заложенные еще в начале века Отцом Нации Сунь Ятсеном; что, эвакуировавшись на остров в 1949 г., руководители Гоминьдана не только заботились о

повышении материального уровня населения, но и совершенствовали систему образования, ввели местное самоуправление, тем самым подготавливая почву для будущей демократии.

Действительно, нищим и темным демократия не по плечу. Да они и не ощущают нужды в ней.

“Цели наши величественны...”

Понятие "тихой революции" относилось прежде всего к перестройке политической системы, где изменения были наиболее глубокими, однако, в расширительном смысле его распространяли и на другие стороны жизни тайваньского общества, поскольку и в них происходили заметные сдвиги.

Так, коренным образом изменились стратегия и тактика тайваньских властей в отношении правительства КНР. Продолжая линию, намеченную сенсационной акцией Цзян Цзинго, который дал зеленый свет поездкам к родственникам на материк, Ли Дэнхуэй вывел Тайвань из глухой обороны, повернул его от непримиримой, казалось, вражды с коммунистическим Китаем к фактическому сосуществованию с ним, к заочному и даже очному диалогу, к широкомасштабному экономическому сотрудничеству.

Эта фундаментальная смена курса в еще большей мере, чем "тихая революция" внутри страны, была связана с внешними обстоятельствами. Напомним: правительство КНР, переориентируя всю свою стратегию развития на внедрение рыночных отношений и на расширение экономических связей с США и другими странами Запада, с конца 70-х годов начало предлагать тайваньским лидерам объединение мирным путем под своим, разумеется, верховенством. Те гневно отказались: "Китайцы и изменники не могут ходить по одной земле!" - и отгородились от материковой части страны с помощью системы "трех нет" (нет - контактам, переговорам и компромиссам). Только новые лидеры Тайваня, более молодые, выросшие на острове и потому свободные от ностальгии по материку и от жажды реванша, смогли переосмыслить место Тайваня в изменившейся обстановке и выработать более полезную для него политику.

И китайские коммунисты, и эвакуировавшийся на Тайвань Гоминьдан отстаивали принцип: "В мире существует только один Китай, и Тайвань является неотъемлемой частью Китая". Однако для первых синонимом Китая была и осталась Китайская Народная Республика, провозглашенная в 1949 г. Для второй же Китай означал возникшую в 1911 г.

Китайскую Республику, частью территории которой после второй мировой войны незаконно завладели "коммунистические мятежники". Вероятно, хозяева острова давно уже поняли, что "усмирить мятежников" им не под силу, и мало помалу боевой лозунг «Победного Возвращения» превратился в бессодержательное ритуальное заклинание, однако, расстаться с ним они так и не смогли.

Ли Дэнхуэй и его коллеги решительно покончили с иллюзорными притязаниями состарившейся гоминьдановской верхушки на территорию материкового Китая. В 1991 г. они заявили о прекращении "периода всеобщей мобилизации для подавления мятежа" и отменили "Временные правила", введенные на этот период еще в 1948 г. Тем самым они сделали шаг принципиальной важности - согласились, что их власть не распространяется на материк, и признали де-факто КНР.

Но тут их подстерегала ловушка в виде вопроса: а чем в таком случае является Тайвань по отношению к коммунистическому Китаю? Частью его или чем-то отдельным? Если частью - это значит провинцией КНР, что неприемлемо для Тайбэя. Если отдельным, т.е. "вторым Китаем" - с этим не примирится Пекин, который многократно и недвусмысленно заявлял, что при любой попытке создать "второй Китай" прибегнет к силе. Одной из двух равноправных частей общего федеративного или конфедеративного государства по формуле "один Китай, два правительства" - а на Тайване специалисты изучали и такой вариант? Пекин не пойдет на это, да и сомнительна жизнеспособность федерации, состоящей из двух столь разнородных частей.

Выход из противоречия был найден в том, чтобы не провозглашать независимость Тайваня, не называть официально Тайвань "независимым государством", но вместе с тем свободно использовать все остальные понятия, связанные с суверенностью и государственной властью, начиная с названия государства: "Китайская Республика". Понятия такого рода входят в действующую на Тайване конституцию, принятую еще в 1946 г., и нередко встречаются в речах политических руководителей. Например: "Я как президент Китайской Республики не имею права уклоняться от обязанности защищать суверенитет и территориальную целостность государства"⁸⁸. Ли Дэнхуэй сохранил в своем политическом багаже формулу "одного Китая", столь ценимую и в КНР, и в кругу ветеранов Гоминьдана, однако, стал толковать ее по-своему: как "Китай в историческом, географическом и культурном смысле". Одновременно он заявил: "С 1949 г. Тайвань и материковая часть Китая управляются двумя независимыми друг от друга политическими субъектами, между двумя берегами Тайваньского пролива сложилась ситуация раскола"⁸⁹.

Руководители Тайваня не считают, что этот раздел должен быть формально закреплен (попытайся они это сделать, Пекин, надо полагать, тут же обрушил бы на них свою кару) и продолжаться вечно. Но они настаивают на том, чтобы "обе стороны приняли ситуацию такой, какая она есть в реальности" и впредь все переговоры между ними проводились бы как "переговоры между равными субъектами, а не между вышестоящими и подчиненными"⁹⁰.

Таким образом, от полновесного провозглашения Тайваня самостоятельным и независимым государством его лидеров стал отделять только один шаг. Но это - шаг критический, способный повлечь за собой, как предполагается, обвальные последствия. Поэтому они настоятельно подчеркивают: "Прагматическая дипломатия, осуществляемая Китайской Республикой на Тайване, никоим образом не нацелена на провозглашение "независимости". Идея "независимости Тайваня" идет вразрез с политикой Китайской Республики"⁹¹.

Разумеется, такое понимание статуса Тайваня ни в малейшей мере не устраивает руководителей КНР, давно уже с предельной четкостью сформулировавших свою платформу: "В мире существует только один Китай. Правительство КНР является единственным законным правительством Китая, а Тайвань - частью его территории...Китайское правительство решительно выступает против всех попыток и действий, могущих привести к "независимости" Тайваня"⁹².

Тем не менее, новый подход позволил Ли Дэньхуэю проводить активную политику. Между двумя частями Китая возникло что-то вроде соревнования за симпатии китайской общественности, и напряженность в Тайваньском проливе пошла на спад. Пекин еще раньше прекратил обстрел прибрежных островов, находящихся под контролем Тайбэя, принял решение не предъявлять иск к уехавшим на Тайвань лицам, совершившим преступления до образования КНР. Тайбэй перестал соблазнять летчиков Народно-освободительной Армии крупными денежными премиями за бегство на остров на своих самолетах.

В 1990 г. на Тайване был создан Фонд обменов через Пролив (так в Китае кратко именуют Тайваньский пролив), организация лишь формально неправительственная. На следующий год аналогичный орган - Ассоциация связей через Пролив возникла в Пекине, и в 1993 г. начались регулярные встречи между их представителями. Правда, решались только узкие, главным образом, технического плана вопросы. Тем не менее, это означало, что в бетонной стене "трех нет", возведенной некогда президентом Цзян Цзинго, появились первые трещины.

В 1991 г. тайваньское правительство обнародовало собственную программу национального объединения - в противовес концепции КНР "одно государство, две системы". Тайваньская программа предусматривала медленное продвижение к единству через несколько этапов, на последнем из которых обеим сторонам следует "придерживаться принципов политической демократии и экономической свободы". Иными словами, предпосылкой объединения ставилась замена в КНР "социализма с китайской спецификой" на рыночное многопартийное общество, однородное с тайваньским. Кроме того, предполагалось предварительно сократить разрыв между уровнями жизни на Тайване и на материке.

Стороны категорически отвергли объединительные концепции друг друга, и это неудивительно. Для руководителей КНР речь шла о ни много, ни мало как о суверенитете и территориальной целостности страны. Нежелание Тайваня признать себя частью КНР объяснялось отнюдь не только тем, что никакие носители власти никогда не идут добровольно на понижение своего статуса. Причина была еще и в том, что Тайвань в этом случае полностью отдавал себя в руки Пекина. Да, Пекин обещает сохранить нетронутой всю систему организации общества на Тайване, вплоть до его вооруженных сил. Однако, судя по некоторым заявлениям, должны быть ликвидированы президентская администрация и Исполнительная палата, а это уже означало бы выхолостить полномочия центральных органов управления. Еще важнее другой вопрос: что реально помешает руководителям КНР, если они того захотят, решать экономические проблемы страны за счет богатого Тайваня? Вообще, если в одной комнате тепло, а в остальных холодно, - может ли это долго продолжаться?

В заочном диалоге через Тайваньский пролив авторов смелых инициатив явно не смущало отсутствие скорых результатов. Борьба шла за умы соотечественников. В январе 1995 г. Генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь сформулировал восемь пунктов, касающихся развития связей через Тайваньский пролив⁹³. Он подтвердил согласие на участие Тайваня в международных организациях, но только под именем "Китайский Тайбэй", и предложил принять в Пекине руководителей тайваньской администрации, а также послать своих представителей такого же уровня в Тайбэй. Имелся в виду, разумеется, уровень местной администрации. Контрпредложение Ли Дэнхуэя, содержавшееся в ответных "шести пунктах", гласило: "Оба берега на равной основе участвуют в международных организациях, и лидеры обоих субъектов используют их для встреч между собой"⁹⁴. Естественно, при таких различиях позиций официальные контакты сторон не могли состояться, однако, важно было уже то, что о них заговорили.

Параллельно с отношениями политического характера между берегами Тайваньского пролива стали бурно развиваться экономические связи, несмотря на то, что осуществлялись они не напрямую, а окольным путем, главным образом через Гонконг, поскольку прямые торговые, транспортные и почтово-телеграфные связи с материком со времени президентства Цзян Цзинго находились под запретом.

Этот запрет создавал полную физическую изоляцию острова от коммунистического Китая, и в 1990 г. Ли Дэнхуэй предложил убрать их, мало того, "оказать щедрую помощь соотечественникам на материке", если Пекин обязуется не применять силу против Тайваня и признает его равноправным с собою субъектом. Цена не устроила руководителей КНР, и, тем не менее, они всеми силами стремятся развивать "три вида связей", расширять экономический обмен. По убеждению экспертов в Тайбэе, цель КНР здесь состоит в том, чтобы поставить экономику острова в зависимость от рынка на материке, создать на Тайване пропекинское лобби в среде большого бизнеса и таким образом не дать Тайваню уплыть в мир под собственным флагом. Тайбэй в ответ пытается держать под контролем деятельность своих предпринимателей на материке и одновременно прокладывает для них альтернативный путь - в страны Юго-Восточной Азии. На сегодня Тайвань стал уже самым крупным инвестором в коммунистическом Вьетнаме.

Таким образом, экономические отношения между двумя берегами Тайваньского пролива развиваются в зоне высокого напряжения, созданного политическими расчетами сторон, не всегда благоприятными для хозяйственного сотрудничества. И, тем не менее, в "эпоху Ли Дэнхуэя" материковый Китай стал для Тайваня вторым после США рынком сбыта экспортной продукции и ожидают, что он станет первым после возвращения Гонконга под суверенитет КНР. Ежегодный объем торговли острова с материком перевалил за 20 млрд. ам. долл., тайваньские инвестиции в экономику материка приблизились, по оценкам, к 30 млрд. ам. долл. в материковом Китае действует свыше 30 тыс. фирм с участием тайваньского капитала⁹⁵. После четырех десятилетий изоляции тайваньцам оказалось интересно подсчитать и количество поездок на материк и с материка на остров - 1,3 млн. в 1995 г; и количество посланных туда писем - свыше 17 млн. в том же году; и даже число телефонных звонков - 188 млн.⁹⁶!

Серьезные изменения произошли в период "тихой революции" и в сфере "прагматической дипломатии", с ее задачей сделать более прочной и просторной ту небольшую нишу в международном сообществе, которую история отвела Тайваню во второй половине XX века.

"Прагматическая дипломатия" по-разному воспринимается из Пекина и из Тайбэя. Каждая сторона, толкуя по-своему статус Тайваня, обвиняет другую в намерении покончить с создавшейся ситуацией за счет интересов первой. С точки зрения лидеров КНР, замаскированной до поры до времени целью "прагматической дипломатии" является оформление де-юре международного статуса Тайваня как полноценного независимого государства, и, чтобы не допустить этого, они готовы прибегнуть к силе. Тайваньские деятели категорически отрицают такое истолкование своих намерений и рассматривают "прагматическую дипломатию" как ответ на попытки руководства КНР "свести на-нет наше и без того весьма скромное присутствие на международной арене". По их словам, напоминания Пекина о возможности применения силы как раз и стимулируют сепаратистские настроения на острове, поскольку в люди начинают искать гарантии своей безопасности в официальном "разводе" с КНР.

В условиях жесткого прессинга со стороны руководства КНР тайваньские лидеры, тем не менее, сумели придать своей политике новые масштабы. С начала президентства Ли Дэньхуэя число стран, поддерживающих дипломатические отношения с Тайванем, увеличилось с двадцати двух до тридцати одного, хотя были и потери: в 90-х годах наиболее крупные партнеры Тайваня - Южная Корея и ЮАР предпочли перейти на неофициальные отношения с Тайванем и признать КНР. По тайваньским подсчетам, общее количество стран и территорий, имеющих с Тайванем "существенные" связи, политические или неполитические, превысило сто сорок; Тайвань входит в число первых двадцати стран мира по объему внешней торговли⁹⁷. Он состоит в нескольких межправительственных организациях - правда, при этом он вынужден, как того требует правительство КНР, именоваться не "Китайская Республика", а "Китайский Тайбэй" или "Китайский Тайвань" - и почти в девятистах организациях неправительственного уровня.

Тайвань стал предоставлять другим странам значительную, общим объемом на сотни миллионов долларов, помощь, в том числе средства для пострадавших от стихийных бедствий. Десять миллионов долларов были выделены в самом конце 80-х годов Европейскому банку реконструкции и развития для содействия рыночным реформам в странах Восточной Европы. Большая часть этой суммы предназначалась для новых государств, возникших после распада СССР⁹⁸.

В 1991 г. в соответствии с решением Законодательной палаты, принятым подавляющим большинством голосов, руководители Тайваня начали кампанию с целью "добиться возвращения Китайской Республики в ООН", откуда Тайвань был исключен в 1971 г. Они

доказывали: правительство КНР никогда не управляло и не управляет Тайванем; двадцать один миллион жителей Тайваня никак не представлен в ООН; в свое время Китайская Республика была одним из основателей этой организации; ныне Китайская Республика на Тайване отвечает всем критериям суверенного государства, она добилась выдающихся успехов в экономическом строительстве (входит в первую двадцатку государств по объему валового национального продукта, душевой ВВП приблизился к тринадцати тысячам американских долларов), построила у себя передовую демократическую систему, стремится внести свой вклад в развитие мирового сообщества, могла бы через ООН знакомить развивающиеся страны со своей моделью развития, прозванной "тайваньским чудом". Идею вступления в ООН, утверждает Тайбэй, разделяют все жители Тайваня, она продиктована естественным самоуважением людей, которые добились столь заметных успехов и теперь хотят стать равноправными участниками жизни мирового сообщества. Ко всему прочему, добавляют тайваньские руководители, участие их страны в ООН поможет предотвратить применение против нее силы коммунистическим Китаем. Если ООН уважает собственные принципы, провозглашенные в ее Уставе, она должна дать возможность своим членам хотя бы обсудить вопрос об участии Тайваня в ее деятельности. Пусть в ООН будут присутствовать представители обеих частей Китая, в истории ООН уже имели место прецеденты нескольких представительств от одного государства: как известно, после второй мировой войны полноправными членами ООН, помимо СССР, состояли также Украина и Белоруссия.

Разумеется, попытка Тайваня обрести статус члена ООН с самого начала была заведомо бесперспективной: могущественная КНР, обладающая правом вето, и крохотный Тайвань, которого она не согласна рассматривать иначе как часть своей территории, выступали в совершенно разных, даже не смежных весовых категориях. Для чего же Тайбэй решил заварить, что называется, всю эту кашу? По всей видимости, для того, чтобы громко, на весь мир заявить: Тайвань имеет все основания для того, чтобы состоять в ООН, готов достойно выполнять все обязанности члена этой организации, и только из-за обструкции со стороны КНР не может осуществить это право. А обиженный, как известно, вызывает сочувствие у окружающих.

Увы, как отмечал один тайваньский законодатель, "в других странах очень немногие люди интересуются этим вопросом... Граждан США мало интересуют новости, касающиеся собственной страны. Почему же их внимание должны занимать наши проблемы?"⁹⁹

Настойчивый стук Тайваня в двери ООН дал немало пищи для размышлений политологам: что Ли Дэньхуэй на этом выиграл и что проиграл? Допустим, он привлек к

Тайваню дополнительные симпатии мировой общественности; однако, с другой стороны, он привел в раздражение Пекин, укрепил его убеждение, что президент ведет дело к провозглашению независимости Тайваня. А это лишь добавило напряженности во взаимоотношения между двумя частями Китая. Между тем, в условиях натянутых отношений с Пекином деятельность Тайваня во внешнем мире нередко превращается в хождение по острию ножа. Это проявляется и в большом, и в малом. Мы приведем в связи с этим один показательный пример.

В Азиатском банке развития, куда КНР вступила в 1986 г., конфликт между двумя частями Китая закончился тем, что право представительства в Банке сохранилось за одной и было дано другой. При этом, однако, его меньшая часть, хотя и богатая и выполняющая роль донора, была вынуждена, как она ни протестовала, вместо прежнего названия "Китайская Республика" взять для своего представительства новое: "Китайский Тайбэй".

Малые проблемы, однако, на этом не кончились. В 1989г. сессия банка проводилась в Пекине. Впервые за сорок лет официальной делегации Тайваня предстояло вступить на землю столицы КНР! Событие далеко не рядовое, с символическим смыслом, и именно в плане символов создающее для Тайваня затруднительную ситуацию. Дело в том, что на церемонии открытия сессии АЗБР по традиции исполняется гимн страны-хозяина, который все слушают стоя. Делегатам "Китайского Тайбэя", следовательно, предстояло таким способом продемонстрировать уважение к непризнаваемой ими, еще вчера непримиримо враждебной стране!

Инструкции, данные делегации, гласили: активно работать во время сессии, не уклоняться от контактов с коллегами с материка, но избегать жестов, означающих хотя бы малейшую долю признания государственных атрибутов коммунистического Китая.

Распорядок церемонии открытия был таков: церемония начинается точно в назначенное время, опоздавшие должны ждать за дверями и могут занять свои места только после того, как будет исполнен гимн КНР и Председатель КНР Ян Шанкунь, произнеся приветственную речь, покинет зал заседаний.

В ночь накануне открытия сессии среди членов тайваньской делегации, уже прилетевшей из Тайбэя, возник спор. Одни предлагали опоздать, другие возражали: это будет нетактично по отношению к хозяевам, третьи говорили: пусть на открытии присутствуют только неглавные члены делегации. Спору положила конец глава делегации г-жа Го Ваньжун, приказавшая всем явиться в Дом народных собраний к началу церемонии открытия. Что и было выполнено.

Потом она объяснила: промежуток между уходом Ян Шанкуня и началом работы очень короток, делегация могла не успеть занять свои места, возникла бы суматоха, пресса стала бы обыгрывать этот эпизод. Последствия всего этого могли бы оказаться крайне нежелательными. Г-жа Го заявила также, что во время исполнения гимна стояла, скрестив руки на груди, подчеркивая тем самым свое особое, чисто формальное отношение к происходящему.

Не все в официальных кругах Тайбэя одобрили действия г-жи Го, кое-кто заявил, что она нанесла ущерб престижу государства, но вскоре прошел слух, что президент поддержал ее, и недовольные умолкли...

Отличительной чертой "прагматической дипломатии" нового периода стали поездки президента за рубеж непризнанной республики, в том числе в страны, не имеющие с Тайванем дипломатических отношений. Ли Дэнхуэй не смущался тем, что для этого ему приходилось отказываться от своего официального статуса, признанного в пределах Тайваня. В 1989 г. он посетил Сингапур в качестве "президента Ли, прибывшего с Тайваня". Затем последовал еще ряд неофициальных и официальных визитов: в Юго-Восточную Азию, по трансокеанским маршрутам в Центральную и Южную Америку, Африку, и, наконец, в 1995 г. в сугубо частном порядке в США, в Корнельский университет, где он когда-то писал и защищал диссертацию, на встречу его выпускников. С университетской трибуны он повторил свой призыв к властям КНР "открыть новую эру мирного соревнования между двумя сторонами Тайваньского пролива и их объединения".

Из Тайбэя путешествия президента выглядели подлинным прорывом во внешней политике! В Пекине, однако, смотрели на дело иначе: как на недопустимый вызов суверенности КНР, попытку создать "второй Китай" рядом с первым и единственным. Ли Дэнхуэй был обвинен в том, что он своими действиями "отравляет атмосферу отношений между двумя берегами Тайваньского пролива". После визита Ли в США руководители КНР заморозили переговоры между Фондом обменов и Ассоциацией связей через Пролив, а затем провели вблизи Тайваня демонстративные военные маневры, включавшие в себя запуск ракет в акваторию менее чем в полутора километрах севернее острова. Отношения между материковой и островной частями Китая вступили в полосу застоя. Тайвань стал призывать к продолжению диалога, в выступлениях лидеров КНР звучали жесткие ноты.

Но даже в этот момент было отчетливо видно, как далеко ушли вперед отношения "через пролив" за время "тихой революции". Чтобы яснее показать длину ими пройденной

дистанции, я расскажу для сравнения об одном эпизоде, произошедшем почти десятилетием ранее.

3 мая 1986 г. грузовой самолет "Боинг-747 F" тайваньской авиакомпании "Чжунхуа", совершая полет из Рангуна в Гонконг, внезапно изменил маршрут и совершил посадку в аэропорту Бай юнь (Белые облака) г. Гуанчжоу, КНР. Командир лайнера попросил у властей КНР убежища и возможности воссоединиться с родственниками, два других члена экипажа выразили желание вернуться на Тайвань. В тот же день в Тайбэй на имя директора компании "Чжунхуа" поступила телеграмма из Главного управления гражданской авиации КНР, в которой компании предлагалось прислать представителя в Пекин для обсуждения ситуации. Напомним: это было время, когда власти Тайваня с помощью политики "трех нет" наглухо отгородились от КНР, уже предлагавшей им переговоры, при чем переговоры между КПК и Гоминьданом, а не между правительствами, чтобы обойти острый вопрос о равенстве или неравенстве их участников.

Ошарашенный неожиданным событием директор "Чжунхуа" по телефону доложил о происшествии министру транспорта и запросил указаний. Телефонная трубка замолчала. Молчание длилось так долго, что директор засомневался, не испортился ли телефон, и начал кашлять и гыкать в трубку. Наконец, послышался голос министра. "Как это могло случиться!" - несколько раз воскликнул он в растерянности и положил трубку. Встретаться с коммунистами? Отступать от политики "трех нет"? Это было равносильно потрясению основ.

Принимать решение должен был Цзян Цзинго. После ночного совещания со своим окружением он решил: вести переговоры с правительством КНР через посредника, пригласить на эту роль гонконгскую авиакомпанию "Готай", кроме того, подключить к делу английские страховые компании и с их помощью вернуть самолет и экипаж. Однако Пекин, стремившийся прорваться через "три запрета" и создать прецедент для дальнейших контактов, не хотел упускать свой шанс. Он категорически отверг предложение Тайваня, заявив, что инцидент - внутреннее дело Китая, которое должно решаться между компанией "Чжунхуа" и Главным управлением гражданской авиации КНР, и никакие третьи лица здесь не нужны.

Вопрос о форме сношений с коммунистическим Китаем по поручению Цзян Цзинго рассматривала комиссия из двенадцати членов Центрального постоянного комитета, сам он держал под контролем его работу. 13 мая "Чжунхуа" выступила с заявлением: руководствуясь соображениями гуманности, она готова вступить в переговоры с ГУГА. Исполнительная

палата подтвердила: состоятся единичные переговоры чисто делового характера, ни в коем случае не означающие свертывания политики "трех нет".

22 мая в Гонконге под аплодисменты собравшихся представители двух авиационных организаций ко всеобщему удовлетворению завершили переговоры. На следующий день в гонконгском аэропорту тайваньской стороне были переданы в полной сохранности самолет, два члена экипажа и груз. Эпилогом к инциденту послужило "промывание мозгов" в Гоминьдане - проработка документа для внутреннего пользования, гласившего: дружелюбие коммунистов чисто показное. "ЦПК Гоминьдана надеется, что все члены партии поймут их коварный замысел" и "сохранят верность антикоммунистическим основам государства"¹⁰⁰.

Это происходило, напомним, в 1986 г.

С тех пор качественно изменились не только отношения Тайваня с руководителями КНР. Еще более разительным образом переменялись его взаимоотношения с нашей страной. СССР в середине 80-х годов вступил в период перестройки, льды "холодной войны" начали таять на глазах. В Тайбэе с пристальным вниманием следили за этими процессами и делали свои выводы. В Советском Союзе стали появляться тайваньские спортсмены, затем представители частных фирм, затем делегации крупнейших внешнеторговых организаций. Говорили, что под видом бизнесменов в СССР приезжают и ответственные лица из различных государственных служб. Уже в 1987 г. тайваньскую баскетбольную команду сопровождал, в числе других лиц, один из высших администраторов Тайбэя. являвшийся членом ЦПК Гоминьдана. Он получил на эту поездку специальное разрешение Цзян Цзинго.

Тут, однако, в Тайбэе между сторонниками "прагматической политики" и консервативно настроенными ветеранами возникли трения.

Среди ветеранов, занимавшихся внешнеполитическими делами, первую скрипку играл ответственный секретарь президентской администрации Шэнь Чанхуань, многоопытный дипломат, в молодости - личный секретарь Чан Кайши, на пике своей карьеры - министр иностранных дел. Шэнь был вынужден покинуть этот пост после того, как США в 1979 г. решили установить дипломатические отношения с КНР, разорвав официальные связи с Тайванем. Тем не менее, он остался весьма влиятельной фигурой, входящей в узкий круг вершителей внешней политики Тайбэя. Шэнь не был в восхищении от новаций Ли Дэньхуэя.

В октябре 1988 г. на заседании Центрального постоянного комитета он резко выступил против какого бы то ни было сближения с СССР. Цитируя библию китайского антисоветизма - книгу Чан Кайши "Советская Россия в Китае", Шэнь подверг острой критике министра

иностранных дел, министра экономики и других деятелей за заигрывание со смертельными врагами.

Это был открытый вызов только-только формирующейся новой модели "прагматической дипломатии". Под градом политических обвинений несколько растерявшийся председатель Исполнительной палаты Юй Гохуа дал обещание в течение ближайшей недели разобраться в ситуации... Вскоре, однако, в дело вмешался президент. Не объясняя своих мотивов, он предложил Шэнь Чанхуаню как ветерану государственной службы перейти на почетную должность в группу консультантов. Предложение было принято.

Преодолев, таким образом, без особого труда сопротивление консерваторов, президент и его сторонники смогли активизировать отношения с СССР. В 1991 г. министерство экономики Тайваня разрешило десяти крупнейшим государственным корпорациям вести прямую торговлю с Советским Союзом. Стороны начали оживленное обсуждение возможностей сотрудничества, было составлено несколько интересных крупных проектов.

В СССР в этот период нравы стали меняться еще круче, чем на Тайване. Визиты на далекий остров, прежде просто немыслимые, сделались модными и престижными. В 1991 г. не переживший перестройки Советский Союз распался на несколько новых государств со властью слабой, некомпетентной в международных делах, рассредоточенной по ведомствам и кланам, разъедаемой коррупцией. Россия как преемница Советского Союза сохранила дипломатические отношения с КНР, однако принципы межгосударственных взаимоотношений предстояло определить заново. Остальные новые государства никаких отношений с КНР пока еще не имели. Возник вакуум, в который наперегонки с КНР бросила свои лучшие силы закаленная "прагматической политикой" тайваньская дипломатия.

Возглавил дипломатическое наступление заместитель министра иностранных дел Чжан Сяоянь (в российской прессе он обычно фигурировал под американизированным именем Джон Чан или Чанг).

В 1991 г. Чжан Сяоянь через посредников познакомился с председателем Экспертного совета при президенте Российской Федерации Олегом Лобовым, находившемся, как считалось, в тесных личных отношениях с президентом. Знакомство Чжана и Лобова оказалось чрезвычайно плодотворным. В результате их встреч в Москве и в Париже в 1992 г. были подписаны документы о создании ими же возглавляемых Тайбэйско-Московской и Московско-Тайбэйской координационных комиссий по экономическому и культурному сотрудничеству. Имелось в виду, что каждая из этих комиссий откроет в столице страны-

партнера свое представительство, и таким образом отношения сторон будут развиваться на надежной основе. В качестве жеста доброй воли тайваньская сторона безвозмездно предоставляла России сто тысяч тонн риса.

Всю эту работу председатель Экспертного совета проводил по собственным каналам, в обход министерства иностранных дел. Когда же, наконец, ее итоги были опубликованы, российская общественность ахнула. Профессиональный дипломат высшего класса Чжан Сяоянь и свободный от груза внешнеполитических стереотипов администратор высшего ранга О.И. Лобов совершили невозможное: они сумели придать только-только взявшим старт связям между Россией и Тайванем зримые черты официальных межгосударственных отношений! Предусматривалось, например, что в Московско-Тайбэйскую комиссию будут входить "представители государственных структур", что сотрудники обоих представительств "будут находиться под дипломатической защищенностью"¹⁰¹.

В волнение пришел не только российский МИД. Аккредитованные в Москве иностранные дипломаты и журналисты бросились на поиски информации: выходит, в России возник еще один центр принятия внешнеполитических решений? И как понимать тот факт, что Московско-Тайбэйскую комиссию возглавил высокопоставленный деятель из президентского окружения? И что на все это скажет КНР?

КНР по дипломатическим каналам выразила серьезную озабоченность создавшейся ситуацией. Необходимо было дать четкий ответ. И 15 сентября 1992 г., в день, когда О.Лобов во главе делегации, включавшей в себя ряд официальных лиц, отправился в Тайбэй, президент страны Б.Н. Ельцин подписал указ об отношениях между Россией и Тайванем, в котором подчеркнул: Россия исходит в своей политике из того, что существует только один Китай, правительство Китайской Народной Республики является его единственным законным правительством, а Тайвань является частью Китая. Российская Федерация не поддерживает с Тайванем официальных межгосударственных отношений. Все возможные представительства российских организаций на Тайване и, соответственно, тайваньских в России являются неправительственными учреждениями. На МИД РФ возложен контроль за соблюдением положений Указа¹⁰².

С этого момента отношения России с Тайванем вошли в приемлемое для России неполитическое русло, в котором и начали к обоюдной выгоде небезуспешно развиваться. В 1993г. в Москве было открыто представительство Тайбэйско-Московской комиссии, в 1997 в Тайбэе - представительство Московско-Тайбэйской. Двусторонняя торговля уже в 1994 г. перевалила за миллиард долларов. В Москве стали проходить фестивали тайваньских

кинофильмов, участились поездки на остров российских журналистов, артистов. На Тайване появились российские преподаватели и ученые¹⁰³.

То, что произошло у тайваньских дипломатов в России, в общих чертах повторилось в Латвии. Там благодаря усилиям Чжан Сяояня в 1992 г. было открыто тайваньское генконсульство. Чжан, вернувшись из турне по бывшим советским республикам, был, как писала гонконгская пресса, "весьма удовлетворен поездкой и на радостях публично объявил о том, что он - сын прежнего президента Тайваня Цзян Цзинго. До сих пор он тщательно скрывал это"¹⁰⁴. Радость, однако, была недолгой. Правительство КНР в знак протеста отозвало из Риги своего Временного Поверенного и, в конце концов, добилось того, что тайваньское представительство было лишено дипломатического статуса.

Таким образом, кое в чем Тайбэю пришлось отступить. Но и достижения были ощутимые. Помимо России и Латвии, он открыл в тот период новые представительства в Чехии, Венгрии, Польше. Ли Дэнхуэй имел все основания расценивать все это как успех своей "прагматической дипломатии".

Однако настоящим триумфом стали для него президентские выборы в марте 1996 г., впервые на Тайване всеобщие, тайные и прямые. Основную конкуренцию Ли Дэнхуэю составил кандидат от ДПП профессор Пэн Минминь, ровесник Ли и его однокашник по Тайваньскому университету, известный теоретик и практик тайваньского сепаратизма, при Чан Кайши заключенный на десять лет в тюрьму за "подрывную" деятельность, но через год выпущенный на свободу и получивший возможность эмигрировать в США.

Выборы проходили в необычно сложной внешнеполитической обстановке и привлекли внимание, пожалуй, всего мира: чтобы будущие руководители Тайваня и их избиратели могли почувствовать, чем чревато для них провозглашение независимости острова, руководители КНР вновь, как и после визита Ли Дэнхуэя в США в 1995 г., провели в районе Тайваня военные учения. То были крупнейшие за последние годы маневры Народно-освободительной армии. В них участвовали подводные лодки с ракетами на борту, военная авиация всех видов, баллистические ракеты запускались на участки акватории в двадцати километрах к северу и в пятидесяти километрах к югу от острова.

В свою очередь, не остались в бездействии и США. Они стянули в район учений две мощные авианосные группы, дабы, как заявили в госдепартаменте, "продемонстрировать, что США не допустят расширения действий Китая, и убедить азиатские страны, что США намерены играть стабилизирующую роль в регионе".

Надо сказать, демонстрация силы, предпринятая КНР, достигла своей цели - приглушить на острове волну сепаратизма, отпугнуть от ДПП тех избирателей, кто до того момента мало задумывался об опасных последствиях политической игры в независимость. Естественно, все это оказалось на руку и Ли Дэнхуэю. Американские маневры, наоборот, придали духу "независимцам". Для тайваньского руководства в целом затеянное двумя мировыми гигантами бряцание оружием пошло на пользу в том смысле, что привлекло к острову внимание международной общественности, а это позволило Тайбэю лишний раз напомнить миру о своих достижениях и пожаловаться на дискриминацию.

Равнодействующая всех внешних и внутренних сил и влияний дала Ли Дэнхуэю возможность нанести сокрушительное поражение своему сопернику, набрав 54% голосов против 21,1% у Пэн Минминя. Для ДПП это был рекордно низкий показатель. Председатель партии Ши Миндэ, человек мужественный, приговоренный в 1977 г. к пожизненному заключению (см. выше об инциденте в поселке Чжунли) и вышедший на свободу через десять лет по объявленной Ли Дэнхуэем амнистии, расценил эти результаты как свой провал и подал в отставку.

В инаугурационной речи Ли подтвердил свою позицию: "Китайская Республика всегда была и останется суверенным государством", выразил готовность "отправиться с визитом мира в материковый Китай" в качестве главы государства и предложил обширнейшую программу дальнейших политических и экономических преобразований, придав "тихой революции" едва ли не всеобъемлющий характер. Ключевым словом для нового цикла реформ стала "конкурентоспособность", понимаемая предельно широко: не просто как конкуренция товаров, но как способность общества добиться высоких показателей во всех областях своей жизни¹⁰⁵.

В экономической сфере для завоевания новых высот был составлен грандиозный, на сотни миллиардов долларов план превращения Тайваня в "региональный операционный центр" - крупный промышленный узел и одновременно ворота к рынкам КНР и других стран Азии для западных компаний. Этот план был разработан в порядке продолжения и корректировки почти столь же масштабного Шестилетнего плана национального развития. Безусловно, одна из важнейших задач обоих планов состояла в том, чтобы, сделав Тайвань необходимым элементом региональной хозяйственной системы, тем самым "обеспечить неоспоримое и убедительное присутствие Тайваня на международной арене" (Ли Дэнхуэй) и скомпенсировать в какой-то мере его дипломатическую изоляцию.

Далее, были намечены "углубление демократии", "создание более "чистого" и эффективного правительства", перестройка судебной системы, образования, культуры и социального обеспечения. Разумеется, и здесь присутствовал внешнеполитический расчет - особая заинтересованность Тайваня в уважении со стороны международной общественности. Однако, главным стимулом всего намеченного комплекса реформ было отчетливое понимание мирового закона: замедленный прогресс равносителен отставанию.

Чтобы яснее показать, как были поставлены названные задачи, я приведу несколько выдержек из выступлений тайваньских политических руководителей. Может быть, подчас они звучат наивно, однако, мы найдем в них немало интересного: и обширный перечень обязанностей правительства перед народом, столь непохожий на лозунги российских романтиков и циников от либерализма; и уважение к психологии личности; и воспроизведение классической формулы социализма "от каждого по способностям", которую почему-то именно в социалистических странах реализовать было особенно трудно.

Чем, собственно, должно заниматься правительство?

"Конечной целью экономического развития является улучшение качества жизни всех граждан за счет повышения дохода на душу населения. Правительство должно создать или стимулировать создание таких условий, чтобы каждый человек имел дом, где можно жить, дороги, по которым можно ездить, воду, которую можно пить, воздух, которым можно дышать, школы, больницы, места для отдыха и спорта, окружающую среду, в которой можно существовать, возможности для раскрытия своих способностей и справедливость, в которую можно верить. Мы должны также избавить общество от угрозы со стороны криминальных групп, от политики, основанной на власти денег, от тайных сговоров в обход закона"¹⁰⁶ (вице-президент Лянь Чжань).

О социальной защите. "Мы будем усиливать заботу о социально незащищенных группах и с учетом финансовых возможностей последовательно создавать справедливую и устойчивую систему социального обеспечения, которая будет гарантировать всем гражданам избавление от нужды"¹⁰⁷ (Президент Ли Дэньхуэй).

О реформе образования. "Главный смысл реформы системы образования заключается в реализации следующих педагогических принципов: чувство радости, удовлетворенность, плюрализм и взаимное уважение. Следует устранить неразумные ограничения, обеспечить полный простор для реализации творческого потенциала и индивидуальных особенностей каждого человека, постоянно стремиться к самосовершенствованию и самореализации"¹⁰⁸ (президент Ли Дэньхуэй).

Одновременно с выдвижением этой колоссальной многоплановой программы (местами, впрочем, ощутимо декларативной) президент предложил тайваньцам новую систему мировоззренческих ориентиров, изложив ее во множестве речей и в книге "Трудиться во имя Большого Тайваня"¹⁰⁹, изданной в 1995 г. Гонорар за книгу Ли Дэнхуэй перечислил в фонд Академии Наук, созданный с целью поощрения талантливых тайваньских ученых.

Идеология Ли Дэнхуэя содержит то, что в принципе нужно человеку, чтобы чувствовать себя человеком: она предлагает каждому тайваньцу оптимистическое видение будущего, сопричастность к жизни общества и высокую цель, которая оправдывает и делает содержательной его жизнь.

Вот, предельно схематично, содержание идей Ли Дэнхуэя, изложенных им на презентации его книги¹¹⁰.

Тезис первый. Тайваньцам не следует терзаться комплексом неполноценности из-за трудностей с дипломатическим признанием их страны, им есть, чем гордиться. "Китайцы, которые сто лет назад - на рубеже XIX и XX веков - считались в странах Запада склонными к деспотическому правлению, находившимися на феодальной стадии развития, бедными и отсталыми, ныне создали в Тайваньском регионе новое общество демократии, благосостояния и прогресса, снискав себе этим восхищение всего мира".

Тезис второй - идиллическая картина светлого тайваньского будущего, уже недалекого. Описывая ее, президент из политика слегка превращается в поэта. "Жизнь на Тайване должна быть уютной. Со вступлением в XXI век условия жизни на Тайване, я надеюсь, получат должное развитие, каждый сможет пользоваться удобствами и духовными достижениями городской цивилизации и одновременно наслаждаться красотой полей и парков, дышать их чистым воздухом.

Хочется, чтобы наши дети могли спокойно учиться в своем привычном кругу, им вовсе не обязательно уезжать в чужие края ради того, чтобы попасть в какое-нибудь престижное учебное заведение. Пусть учеба доставляет им удовольствие, станет для них радостным путешествием за новыми открытиями, а не тяжким давящим бременем. Надеюсь также, что в любом районе у жителей его будет полноценная культурная жизнь, что местные библиотеки, театры и дворцы культуры будут постоянно приобщать людей к культуре и искусству с их способностью вызывать печаль и радость, будут воспитывать у людей естественное уважение к красоте жизни, облагораживать их духовные вкусы. Земля Тайваня - это наш родной дом, в котором предстоит жить нам и многочисленным поколениям наших потомков".

Тезис третий, органичный для страны, где царит социальный мир. "Сегодня мы имеем невиданные возможности, действуя рука об руку, в единстве сердец, полностью слить воедино различные части нации, выковать единое общенародное сознание".

Тезис четвертый, мессианский. "Двигать вперед дело Большого Тайваня - это наша главная задача на пороге нового века. Она не просто имеет реальное значение для благополучия двадцатимиллионного населения Тайваня; решая ее, мы тем самым выполняем пионерскую, лидирующую роль в обновлении цивилизации всего Китая. Какая это важная и славная миссия!"

Заключение - вдохновляющий призыв. "Любите друг друга, любите свою семью, любите общество, в котором живете. !

Трудитесь на благо Большого Тайваня, повернитесь лицом к новому веку, к новым надеждам! Цели наши величественны, перспективы светлы. Давайте ж, вместе пойдем вперед!"

С радужной картиной расцвета Тайваня и его восхождения к еще более сияющим вершинам цивилизованного капитализма под руководством мудрого президента не согласны, однако, критики Ли Дэнхуэя и его курса. А охотников критиковать президента нашлось немало, как и положено в плюралистическом обществе. Его осуждают за диктаторские, как утверждают, замашки, самоуверенность, безапелляционность, неумеренное использование ораторского дара. Порицают за религиозность, которую он и не думает скрывать. Наоборот, он подчеркивает свою близость к богу. Он всем рассказывает, как голос свыше подсказал ему решение вполне земной коммерческой проблемы: куда сбыть излишки бананов? Голос рек: предложить их военному ведомству для солдат, несущих службу в дальних гарнизонах на малых островах. В другой раз надвигавшийся на Тайбэй грозный тайфун неожиданно изменил свое направление и ушел в сторону. "Я понял, что святой дух услышал мою молитву". Если все это так, спрашивают оппоненты Ли Дэнхуэя, то кого же слушает всенародно избранный президент: народ или бога, при чем, бога одного из религиозных меньшинств Тайваня?

Спустя два года после того, как Ли Дэнхуэй стал президентом и председателем Гоминьдана, падкие на сенсации журналисты откопали в биографии президента пятно, по прежним тайваньским меркам, самой черной черноты: оказалось, приблизительно в 1946 г. студент Тайваньского университета Ли Дэнхуэй вступил в коммунистическую организацию! Это был период, когда КПК энергично начала создавать на Тайване, освобожденном от японской оккупации, сеть своих ячеек. В них вошло немало известных представителей интеллигенции. Ли, как писали о нем, "поддался уговорам товарищей, утверждениям о

неизбежном поражении Гоминьдана на материке", но потом, "не питая к компартии настоящего интереса, стал отходить от нее все дальше и дальше, и, в конце концов, повернулся к ней спиной" - потерял с нею всякую связь¹¹¹. Это и спасло Ли Дэнхуэя, когда, после эвакуации на Тайвань в 1949 г., гоминьдановские спецслужбы в течение нескольких лет "чистили" остров от коммунистов.

Бывший сотрудник органов безопасности Тайваня генерал Гу Чжэнвэнь, излагая в 1992 г. эту историю, рассказывал: "После 1949 года положение коммунистов на Тайване поистине было достойно жалости. Кто не являлся с повинной, кто после ареста не хотел начать новую жизнь, помогая властям - тех ждал конец. Некоторые коммунисты бежали в Японию или Гонконг, другие возвращались на материк, чтобы доложить обстановку. Но на материке считали, что вернувшиеся "подхватили заразу" от Гоминьдана, и не хотели больше иметь с ними дело"¹¹².

Свой рассказ Гу Чжэнвэнь закончил так: "Я сам когда-то состоял в компартии, не щадил ради нее жизни, и не скрываю этого".

Так изменились времена на Тайване!

Сегодня, если есть охота, Вы без труда можете купить там какую-нибудь книгу, в которой президент изображен носителем чуть ли не всемирного зла. Например, с помощью такой софистики. Многократно предсказано, что XXI век станет веком Китая. И предсказание сбудется, если китайские коммунисты возьмут Тайвань за образец для подражания. Но что произойдет, если Ли Дэнхуэю удастся добиться своего - смять демократию и установить личную диктатуру? "Тогда век Китая, скорее всего, не состоится". Следовательно, "можно смело утверждать, что Ли Дэнхуэй оказывает влияние на судьбу всей нации, на ход событий всей эпохи!"¹¹³.

Существенно более серьезной, чем выпады такого рода в адрес Ли Дэнхуэя, выглядит критика социальных изъянов Тайваня, тем более, что в этой критике сходятся между собою и многоопытная ДПП, и молодая Новая партия, и христианские организации. Я не буду излагать здесь обширный счет, который выставили президенту лидеры оппозиции, склонные оценивать его деятельность исключительно штрафными баллами и упрекать его в заимствовании их собственных идей - упреки отчасти, может быть, и справедливые, но плюрализм не предполагает права собственности на политические изобретения. Вместо этого я процитирую отрывки из открытого письма, направленного президенту христианами Тайваня.

"Уважаемый Президент,

Господь да ниспошлет Вам мир!

С момента Вашего избрания христианские Церкви Тайваня молились за Вас, прося Всевышнего ниспослать Вам мудрость, требуемую для управления страной, дабы Вы могли не только свидетельствовать во славу Господа, но и возвести в государстве демократические устои.

Однако последнее время наша община глубоко озабочена нарастанием проявлений зла в политике и в экономике.

...Возникли такие негативные явления, как утечка доходов, незаконное присвоение привилегий, фальсификация выборов, коррупция, махинации с землей и акциями. Ясно прослеживаются корыстные связи финансовых группировок с правительственными кругами и народными избранниками, между ними возникает круговая порука. Все это подрывает доверие народа к правительству, привязанность к земле, веру масс в демократическую политику".

Дальше святые отцы обращаются в президенту с призывами исправить положение:

"Политика правительства должна быть открытой, понятной для народа, свободной от махинаций".

"Действия властей должны быть примером в нравственном отношении, лица, облеченные властью, должны отделять себя от финансовых группировок и разного рода групп интересов".

"Правящая партия ни в коем случае не должна ради победы на выборах идти на соглашения с финансовыми группами, кланами, теневыми структурами, иначе она окажет глубокое негативное влияние на демократическую политическую систему"¹¹⁴.

Все эти социальные язвы, болезненный разрыв между тем, как должно быть, и как есть на самом деле, знаком российскому читателю не по наслышке, и в комментариях нет необходимости. За исключением, пожалуй, одного, в порядке напоминания: по российским меркам болезни тайваньского социального организма, богатая пища для самых отчаянных нападков на правительство - это и не болезни вовсе, а так, легкое недомогание.

Кроме того, в добавление к письму христиан мне хочется из длинного перечня претензий оппозиции к Ли Дэньхуэю привести два отрывка из книги, принадлежащей перу председателя ДПП Сюй Синьяна. Сюй Синьян критикует современные порядки с классовых позиций, проводя, однако, границу между капиталистами и народом не по Марксу - Ленину, а приблизительно так, как это делал Сунь Ятсен.

"Богатство Тайваня, - пишет Сюй Синьян,- создано не капиталистами, они - только потребители, а подлинные его создатели - это предприниматели. Масштабы тайваньских предприятий малы, как правило хозяин предприятия и весь персонал сидят в одной комнате, вместе обдумывают и принимают решения. Вследствие этого хозяин может сам, если надо, заняться черновой работой, а рядовые сотрудники находятся в курсе дел компании. Набравшись опыта, они сами имеют шанс стать предпринимателями. Именно в этом состоит наш секрет успеха.

Мы не хотим, чтобы в тайваньском обществе расплодился капиталисты, мы хотим, чтобы контроль за экономикой находился в руках предпринимателей”¹¹⁵.

По мнению Сюй Синьяна, нынешняя власть стоит слишком близко к крупным компаниям и финансовым группам - капиталистам и не уделяет достаточно внимания малым и средним предприятиям.

Многочисленные выступления вроде приведенных здесь показывают, что демократия, воцарившаяся на Тайване, при всех ее неоспоримых достоинствах имеет теневые стороны, серьезно затрагивающие интересы масс. О том же свидетельствует и происходящий на протяжении многих лет рост популярности оппозиции, приостановленный лишь особыми внешними обстоятельствами в период президентских выборов 1996 г.

В свое время тайваньская интеллигенция, поддержанная слоем мелких и средних предпринимателей, настойчиво добивалась демократических свобод - и потому, что без них она не может нормально существовать, осуществлять свои функции в обществе, и потому, что была уверена: демократия позволит избавить общество от коррупции, уменьшить социальную несправедливость. И крупно ошиблась: и коррупция, и несправедливость могут цвести пышным цветом при любом режиме. При относительно либеральном Цзян Цзинго коррупции было больше, а воротилы бизнеса чувствовали себя увереннее, чем при суровом Чан Кайши, когда, по словам американского посла на Тайване Л. Ангера, “Китайская Республика стала образцом чистого государства”¹¹⁶ и многие высокопоставленные деятели, в том числе Цзян Цзинго, Чэнь Чэн, министр обороны Юй Давэй подавали пример своим скромным образом жизни. При Ли Дэнхуэе состоялся брак правительственных кругов с денежными мешками. По крайней мере, такое мнение сложилось в обществе. Заметим, однако: в обществе, привыкшем судить по строгим меркам предыдущего периода. Рядом же со многими другими странами Тайвань и сегодня выглядит царством порядка.

Как бы то ни было, на острове сформировался вызов общества своим руководителям.

Не заставил себя ждать и ответ. Он был включен в гигантский проект повышения конкурентоспособности, о котором рассказывалось выше. Остается, однако, неясным, насколько проект продуман в каждом из его аспектов, насколько проработан хотя бы в начальной стадии.

В проекте фигурируют, например, "создание "чистого" правительства" (как тут не вспомнить борьбу Цзян Цзинго за честного чиновника) и "углубление демократии". Однако, как отмечает, например, американский политолог проф. Дж. Робинсон, "многие на Тайване полагают, что успех первых прямых президентских выборов означает завершение процесса демократизации"¹¹⁷. К этим многим относятся в первую очередь действительно многие правительственные деятели, которые в своих выступлениях рисуют тайваньскую демократию едва ли не идеальной, а чтобы сделать ее абсолютно идеальной, остается совсем немного: удешевить избирательные кампании, добиться большей объективности от телевидения и т.п. "Примером явлений, требующих скорейшего устранения, служат нередкие потасовки в парламенте", - вот еще один из пунктов этого недлинного перечня. В грядущем же некоторые правительственные деятели пылко обещают построить "общество безусловной и полной демократии"¹¹⁸

Упомянутые здесь способы шлифовки демократии сами по себе, надо думать - не лишние, однако, сомнительно, чтобы они и впрямь позволили существенно углубить демократию, если только иметь в виду, что многопартийность - это еще не вся демократия, это лишь часть ее механизма. Демократию же, наверное, целесообразно понимать как возможность для массы управляемых влиять на поведение управляющих, заставляя их больше заботиться об интересах этой массы и поменьше - об их собственных интересах.

Развитие демократии, понимаемой таким образом, по всей видимости, должно быть связано с формированием гражданского общества, способного через множество неформальных организаций постоянно передавать давление снизу наверх.

Тайваньские политические деятели уже сегодня отмечают "возникновение на Тайване гражданского общества" и утверждают, что "новые организации, особенно те, которые занимаются защитой окружающей среды, активно стимулируют перераспределение власти"¹¹⁹. Не забегают ли они вперед в своих оценках?

Спустя некоторое время после президентских выборов 1996 г. в совершенствовании демократической системы появилось новое направление. Как это ни парадоксально, оно заключалось в упразднении выборов глав местной администрации (в поселках и волостях). Дело в том, что в трудной борьбе с противниками реформ Ли Дэнхуэй был вынужден

опереться на влиятельные местные силы; чтобы заручиться их поддержкой, он, используя партийные ресурсы, помогал их лидерам избираться на административные посты.

Эт позволило местным группировкам набрать вес и повести себя излишне независимо от центра. А поскольку многие из них были тесно связаны с “денежными мешками” и с криминальным миром, повышение их роли стало оказывать негативное влияние на общественную атмосферу. Чтобы оздоровить ее, Гомиьндан и ДПП в 1997 г. договорились заменить выборы администраторов низшего звена их назначением.

Короче говоря, "тихой революции" есть, куда развиваться дальше.

И все же: по большому счету Тайвань стал символом процветания, классическим примером рывка из бедности в благополучие. Чтобы понять его истоки и значение, нужно сравнить Тайвань с чем-то другим. Некоторые ученые, сопоставляя друг с другом две части Китая, объясняют тайваньский феномен стечением благоприятных обстоятельств¹²⁰. К ним относят первоначальную американскую помощь Тайваню, вывезенные с материка ценности, “позитивную часть полувекового колониального господства” Японии на острове и т.п., вплоть до малых размеров острова. Другие видят главный залог успеха островитян в эффективности рыночных механизмов, которые лидеры Гомиьндана, от Чан Кайши до Ли Дэнхуэя, приспособили к специфике Тайваня, создав пространство для экономической самостоятельности населения и придав ей оптимальное направление¹²¹.

Логическими рассуждениями доказать справедливость какой-либо из этих точек зрения невозможно. Но если выйти за китайские пределы и сопоставить сегодняшние результаты развития двух мировых социально-общественных систем, окажется, что эти результаты - своим количеством, глобальными масштабами подтверждают вторую точку зрения. Выступая в 1996 г. в Тайбэе с докладом, озаглавленным “Вызовы XXI века”, М. Тэтчер подчеркнула: “Государства не делаются богатыми автоматически с соответствием со своими природными ресурсами. Если б это было так, Россия была бы богатейшей страной мира. У нее есть все: нефть, золото, серебро, металлы для промышленности, строительный лес и плодородные земли. Богаты те страны, правительство которых своей политикой поощряет творчество, инициативу и предприимчивость, признает стремление человека принести благо своей семье. В самом деле, все более очевидно, что величайший ресурс человека - это сам человек. Вот почему Япония, Швейцария, Гонконг Сингапур и Тайвань, лишенные природных богатств, оказываются в числе наиболее процветающих стран мира”¹²².

Привлекательная сторона тайваньского взлета - его “гладкость”, отсутствие на протяжении полувека экономических провалов, социальных потрясений, политических переворотов. Если сравнивать Тайвань с Россией, то нашу “негладкость” следует, вероятно, объяснить прежде всего особой радикальностью, особой глубиной наших преобразований - глубиной, которая тайваньскому обществу была неведома и в которой оно и не нуждалось. Важно и другое: тайваньцы, перестраивая свою экономику и конституцию на западный лад, достаточно ясно представляли себе, что такое Америка, что такое Япония, поскольку имели с этими странами теснейшие связи. В тайваньских интеллектуальных и политических кругах диплом американского университета был самым обычным делом. Российские же сторонники реформ, скупно выпускаемые за рубеж, имели поверхностное представление о тех образцах, на которые равнялись. Мало того, придавленное состояние советского обществоведения препятствовало формированию у них основательных представлений о собственной стране, необходимых для успешного проведения столь масштабных преобразований.

Обратимся, однако, опять к материковой части Китая. Уже после образования КНР, утверждения политической власти КПК и создания в высшей степени централизованной экономики китайскому обществу на материке пришлось выдержать череду сильнейших потрясений, в том числе в 50-х годах - авантюрные экономические эксперименты “большой скачок” и “народные коммуны”, в 60-70-х - еще более мощный катаклизм - “культурную революцию”. Между тем, КПК пришла к руководству страной сплоченной, в ореоле победителя, обладая немислимой в гоминьдановском Китае полнотой власти. Лидеры КНР опирались на материальную помощь СССР и на советский опыт государственного и хозяйственного строительства, на его информационный научно-технический потенциал. Всего этого оказалось недостаточно, чтобы спасти КНР от малых и больших, глубинных и верхушечных потрясений.

Стартовые позиции Гоминьдана были неизмеримо слабее, чем у КПК. Гоминьдан эвакуировался на Тайвань, обессиленный гражданской войной, растеряв в проигранных битвах свою силу и авторитет. Почему же тайваньскому обществу удалось так радикально обновиться, ни разу после 1949 г. не сорвавшись в кризис? Тому есть несколько причин.

Во-первых, существование класса собственников, а, с другой стороны, система альтернативных выборов в местные административные органы несколько ограничивали власть правящей партии, не давали возможности ее лидерам ощущать себя всемогущими. сбиваться на путь экономических и социальных авантур.

Во-вторых, та же система выборов плюс допущение некоторой дозы свободомыслия, с годами возраставшего, позволяли руководителям однопартийного режима отчетливее слышать голос общественности, лучше понимать зреющие в обществе тенденции и, значит, проводить более реалистическую политику.

В-третьих, учение Сунь Ятсена - идеологическая основа тайваньского общества - настраивало общество не на классовую борьбу, не на ликвидацию того или иного класса, не на поиск классовых врагов, а, наоборот, на гармонизацию интересов и сотрудничество всех сил и слоев общества.

В-четвертых, гоминьдановской элите на всем протяжении ее пребывания на Тайване было присуще чувство ответственности за сохранение единства: внутри партии, между ветвями власти, во всем обществе. Это чувство диктовалось постоянным ощущением внешней угрозы, опасением, что в случае возникновения крупных беспорядков КПК может вмешаться в ход дел на острове. Тайваньские политологи пишут: “Когда президент Перу Фухимори не смог убедить конгресс согласиться с ним, он попросту распустил его. Когда президент Ельцин оказался в таком же положении, он дал команду танкам открыть огонь по зданию парламента...Если Тайвань останется без правительства хотя бы на три недели, коммунисты попытаются захватить Тайвань”¹²³.

Как известно, благосостояние общества не связано напрямую с его политической системой. Существуют нищие демократии и процветающие диктатуры. Демократический Тайвань и авторитарный Сингапур равно могут служить яркими примерами прогресса китайского общества; оба они рассматриваются политологами как возможные модели будущей эволюции “социализма с китайской спецификой” в КНР (против чего сами руководители КНР, естественно, категорически возражают). Существует, однако, мнение, и довольно убедительное, что из-за отсутствия механизма обратного воздействия, снизу вверх, и из-за большой зависимости от личных качеств правителя авторитарная власть неспособна обеспечить хорошее правление в течение более или менее длительного периода времени. Один из сторонников этой гипотезы, видный американский политолог С.Хантингтон замечает: “Свобода и дух созидания, которые президент Ли Дэнхуэй установил на Тайване, переживут его. Честность и эффективность, которые премьер Ли Куан Ю добился в Сингапуре, очевидно, исчезнут с его уходом”¹²⁴.

Будущее покажет, кто и как выдержал проверку на долговечность. Но, независимо от этого, Тайвань, каким он стал сегодня - это уникальная страница и в истории Китая, и в жизни

мирового сообщества. Видное место на этой странице занимают имена Цзян Цзинго и Ли Дэнхуэя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹Воронцов В.Б.. Наследник диктатора // Проблемы Дальнего Востока (далее ПДВ), 1988. № 6; 1989. № 1.

Пролог. Подросток и революция

¹ Цзян Цзинго. Фуцинь цзэньян цзяо во ду шу цзо жэнь цзо ши (Как отец наставлял меня учиться, быть настоящим человеком и делать дело) // Цзян Цзинго сяньшэн цюань цзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Т.1. Тайбэй, 1991. С. 162-163.

² Цзян Цзинго. Во ды фуцинь (Мой отец). Тайбэй, 1975. С.107.

³ Для более подробного ознакомления с темой укажем из моря работ по новейшей истории Китая монографии, вышедшие в свет в 90-х годах: Тихвинский С.Л. Путь Китая к освобождению и независимости. 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996; История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998; разнообразие подходов к теме видно из сравнения вышеназванных монографий с более ранними: Новейшая история Китая, 1917-1970 / Гл. ред. М.И.Сладковский. М., 1972; Новейшая история Китая, 1917 – 1927 / Гл. ред. М.И.Сладковский, отв. ред. В.И. Глунин. М., 1983; Новейшая история Китая, 1928-1949 / Гл. ред. М.И. Сладковский, отв. ред. В.Н. Никифоров. М., 1984.

⁴ Ограничиваясь из-за многочисленности работ только монографиями, назовем здесь исследование: Мамаева М.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923-1927). М., 1991.

⁵ Из многочисленных трудов по данной проблематике назовем здесь монографии: Тихвинский С.Л.. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. Из истории национально-освободительного движения китайского народа. М., 1964; Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20-30-е годы). М., 1990.

⁶ О взаимоотношениях Коминтерна с Гоминьданом см. капитальное собрание материалов: ВПК(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. Т. 1. / Редколл.: Го Хэньюй, М.Л. Титаренко (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И.Глунин, А.М.Григорьев, Р. Фельбер, К.В.Шевелев. М.,1994; Т.2 / Редколл.: М.Л.Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И.Глунин,

А.М.Григорьев, Р. Фельбер, К.В.Шевелев. М., 1996; см. также Н.Л. Мамаева. Коминтерн и Гоминьдан, 1919 – 1929. М., 1999.

⁷ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964. С. 368.

⁸ Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С. 64-65.

⁹ Далин С.А.. Китайские мемуары. 1921-1927. М., 1975. С. 111.

¹⁰ См. напр. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964. С. 549.

¹¹ Там же. С. 742.

¹² Бай Юй сяньшен фанвэнь цзилу (Запись бесед с г-ном Бай Юем) / Чжунъян яньцзююань. Цзиньдай ши яньцзюсо (Академия наук. Институт новой и новейшей истории). Тайбэй, 1987. С. 18, 19.

¹³ Цзян Цзинго. Во цзай сулянь ды жицзы (Мои дни в Советском Союзе) // Цзян Цзинго сяньшен цюань цзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Т.1. Тайбэй, 1991. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 66.

СССР. Постигание социализма в отдельно взятой стране.

1. Цзян Цзинго. Во цзай сулянь ды жицзы (Мои дни в Советском Союзе) // Цзян Цзинго сяньшен цюань цзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Т.1. Тайбэй, 1991. С. 66.

2. Фэн Юйсян. Во ды шэнхо (Моя жизнь). Б.м., 1944. Т. 2. С. 92.

3. О порядках в университете см. Yueh Sheng. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. A Personal Account. Kansas, 1971.

4. Цзян Цзинго. Во цзай сулянь ды шэнхо (Моя жизнь в Советском Союзе) // Цзян Цзинго сяньшэн цюаньцзи цзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Т.1. Тайбэй, 1991. С. 4.

5. Бай Юй сяньшен фанвэнь цзилу (Запись бесед с г-ном Бай Юем) / Чжунъян яньцзююань. Цзиньдай ши яньцзюсо (Академия наук. Институт новой и новейшей истории). Тайбэй, 1987. С. 22.

6. О троцкизме среди китайских студентов см. Alexander Pantsov. From Students to Dissidents: the Chinese Trotskyists in Soviet Russia // Issues and Studies. Taipei, v.30, No. 3-5.

7. Российский центр хранения и изучения документов по новейшей истории (ниже РЦХИДНИ), ф. 530, оп. 1, д. 14.

8. ВПК(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. Т.2, ч.1. М., 1996. С. 132.

9. Там же. С. 24.

10. Комсомольская правда. 13.07.1976.
11. Маяковский В. Избр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 322.
12. Григорьев А.М.. Борьба ВКП(б) и Коминтерна по вопросам политики в Китае (1926-1927). ПДВ. 1993. № 2-3. С. 112.
13. Yueh Sheng . Op. Cit. P. 119.
14. Цит. по Payne R. Chiang Kai-shek. N.Y., 1969. P. 92.
15. См. напр. Crozier B. The Man Who Lost China. N.Y.,1976.
16. Cline Ray S. Chiang Ching-kuo Remembered: The Man and His Political Legacy. Washington, 1989.
17. Это подтверждается и новейшими архивными разысканиями - см. Юй Миньлин. Эго данань чжун ды лю Су сюэшэн Цзян Цзинго (Цзян Цзинго - советский студент. По материалам российских архивов) // Цзинь дай ши яньцзусо цзикань (Сборник трудов Института новой истории). Тайбэй, 1998, №. 29.
18. Ср. напр. Crozier B. Op. cit. и Curtis R. Chiang Kai-shek. N.Y., 1969.
19. РЦХИДНИ, Ф. 530, оп. 1, д. 34, с.6.
20. РЦХИДНИ, Ф. 550, оп. 1, д. 10, с. 23.
21. Цзян Цзинго. Во цзай сулянь ды жицзы (Мои дни в Советском Союзе) // Цзян Цзинго сяньшен цюань цзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Т.1. Тайбэй, 1991. С. 76.
22. Litten Frederik S. The Noulens Affair // The China Quarterly. 1994, № 138.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ниже ЦДОО СО). Ф. 153, оп. 1, д. 120, л. 5.
24. См. Сюй Су. Цзян Сун да цзяцзу (Клан Цзянов - Сунов). Шэньян, 1988, с. 46.
25. Зайцев В. Коля Елизаров - президент Тайваня // Вечерний Свердловск. 26. 02. 1990. О жизни Цзян Цзинго-Елизарова в Свердловске см. также публикации С. Алексеева и В. Зайцева, Г. Каеты, Г. Максимова (Уральский рабочий 12.10.1988, 16.12.1990, 25.05.1993).
26. За тяжелое машиностроение. Свердловск, 27.11.1934.
27. За тяжелое машиностроение. Свердловск, 12.12.1934.
28. Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С. 343.
29. ЦДОО СО, ф. 1020, оп. 1, д. 121, л. 84 об.; д. 149, л. 2; д. 197, л. 35-36 и др.
30. Цзян Цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т.1. Тайбэй, 1981. С.415.
31. Цзян Цзинго. Во цзай сулянь ды жицзы (Мои дни в Советском Союзе) // Цзян Цзинго сяньшен цюань цзи (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго). Т.1. Тайбэй, 1991. с. 84.

32. Там же, с. 85
33. За тяжелое машиностроение. Свердловск. 08.02.1937.
34. За тяжелое машиностроение. Свердловск. 06.01.1937.
35. Mayling Soong (Madame Chiang Kai-shek). Sian: A Coup d'Etat. Chiang Kai-shek. A Fortnight in Sian: Extracts from a Diary. Shanghai, 1937. P. 89.
36. Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party 1928 - 1938. Kansas, 1972. p. 488.
37. Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп.68, д. 146, л. 15.
38. См. Сюй Су. Указ. соч. с. 50-51.
39. ЦДОО СО, ф. 161, оп. 6, д. 322, л. 6.
40. ЦДОО СО, ф. 153, оп. 1, д. 120, л. 143 - 145.
41. Free China Review. Taipei, 1978. V. 28. № 5. P. 12.
42. Т. Ефимова. Уралмашевцы. Десять заводских пятилеток. Литературно-документальная летопись. Свердловск, 1982. С. 63.

Китай. Возвращение, борьба, поражение

1. Чжоу Юйкоу. Цзян Фанлянь и Цзян Цзинго (Цзян Фанлянь и Цзян Цзинго). Тайбэй, 1993. С. 118.
2. Чжан Юйфа. Чжунго сяньдай ши (Новейшая история Китая). Тайбэй, 1988. С. 384-385, 388-389.
3. Там же. С. 390, 391.
4. Там же. С. 404-405.
5. Там же. С. 404.
6. Там же. С. 415.
7. См. напр. Мяо Чухуан. Краткая история Коммунистической партии Китая. М., 1958. С. 47, 64, 79.
8. Чжан Юйфа. Указ. соч. С. 437-438.
9. Там же. С. 405.
10. Там же, С. 438.
11. Делюсин Л.П. Цюй Цюбо и Пэн Шучжи о проблемах китайской революции // Революция 1925-1927 гг. в Китае. М., 1978. С. 94.

12. История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 518.
13. Приложение. Сост. А Колпакиди // Г. Беседовский. На путях к термидору. М., 1997. С. 391-392.
14. Подробнее см. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана (1927-1949). М., 1977.
15. Цзян Цзинго. Воды фуцинь (Мой отец). Тайбэй, 1975. С. 122.
16. Free China Review. Taipei, 1978. V. 28. № 5. P. 13-14.
17. Цао Цзюйжэнь. Цзян Цзинго лунь (О Цзян Цзинго). Гонконг, 1971.
18. Сюй Хаожу. Цзян Цзинго цзай Ганьнань (Цзян Цзинго в Ганьнани). Тайбэй, 1993. С. 42, 43-44.
19. См. об этом: В небе Китая. 1937-1940. Отв. ред. Ю. В.Чудодеев. М., 1986.
20. Тихвинский С.Л. Переписка Чан Кайши с И.В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым, 1937-1939 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 4.
21. Дагунбао. Чуньцин. 12.09.1943.
22. Этот и многие последующие из жизни Фаины в Китае см. в: Чжоу Юйкоу. Цзян Фанлянь юй Цзян Цзинго (Цзян Цзинго и Цзян Фанлянь). Тайбэй, 1993.
23. Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т.1. С. 103.
24. Цзян Цзинго. У бай лин сы сяоши (Пятьсот четыре часа) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т.1. стр. 542.
25. См. напр. Цзян Цзинго. Синь Ганьнань цзяньшэ мубяо цзи цитуцзин (Задачи строительства новой Ганьнани и путь к их осуществлению) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.).Т.1. Тайбэй, 1981. С. 263; Ци Гаожу. Цзян Цзинго ды и шэн. Цун Сиболия нугун дао Чжунхуа Миньго цзунтун (Жизнь Цзян Цзинго. От сибирского раба до президента Китайской Республики). Тайбэй, 1991. С. 33-40.
26. Сюй Хаожу. Указ. соч. С. 291.
27. Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М.. 1996. С. 16.
- 27а. Из многочисленных работ, посвященных политике СССР в отношении Китая в тот период и, в частности, Договору 1945 г., назовем последнюю и наиболее полно документированную монографию: Р.А. Мировицкая. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны: 1941 – 1945. М., 1999.

28. Чжунго сяньдай ши (Новейшая история Китая). Гл. ред. Ван Куайлинь. Пекин, 1995. Т. 1. С. 412.
29. Цзян Цзинго. И вэй пинфаньды жэнь (Великий простой человек) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.) Т. 4. Тайбэй, 1982. С. 644-649.
30. Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 0100, оп. 33, п. 224, д. 14, л. 192-194.
31. Материалы процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 27.
32. Борисов О. Советский Союз и маньчжурская революционная база (1945 - 1949). К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975.
33. Цит. по: Чэнь Ливэнь. Цзай лунь Чжун Су юхао тунмэн тяюэ (Еще о китайско-советском договоре о дружбе и союзе) // Го Фу цзянь дан гэмин и бай чжоунянь сюэшу таолунь цзи (Труды научной конференции, посвященной столетию создания Отцом Нации партии для революции). Тайбэй, 1995. Т. 3. С. 484.
34. Документы и их анализ см. в: А.М. Ледовский. Сталин и Чан Кайши. Секретная миссия сына Чан Кайши в Москву. Декабрь 1945 - январь 1946 // Новая и новейшая история. 1996. №4. С. 100 - 129.
- 34а. Анализ стратегии СССР в отношении Китая в тот период посвящена хорошо документированная монография: Р.А. Мировицкая. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны: 1941 – 1945. М., 1999.
35. Цит. по: Борисов О. Указ. соч. С. 94.
36. А.М. Ледовский. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь - февраль 1949г.) // ПДВ. 1955. № 3. С. 101.
37. Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. Публикация А. Григорьева, Т. Зазерской // ПДВ. 1994, № 5. С. 106.
38. А. Ледовский. Визит в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июле – августе 1949 г. // ПДВ. 1996. № 4. С. 80.
39. Сун Пин. Цзян Цзэши шэньпин (Жизнеописание Чан Кайши). Цзилинь. 1987. С. 500.
40. Panikkar K.M. In Two Chinas. Memoir of a Diplomat. L., 1955. P. 33.
41. Сюй Су. Указ. соч. С. 57.
42. Цзян Цзинго. Ху бинь жици (Шанхайские записки) // Цзян Цзинго сяньшэн цюань цзи. Т.1. Тайбэй, 1991. С. 603.

43. Ход военных действий подобно освещен в монографии: Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. 1931 - 1950. М., 1977.

44. Титов А.С. Из воспоминаний о работе в Китае в 1948 - 1950 гг. // ПДВ. 1995. № 3. С. 113.

45. Цзян Цзинго. И вэй пинфаньды жэнь (Великий простой человек) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.) Т. 4. Тайбэй, 1982. С. 625 - 626.

46. Цзян Цзинго. Вэйцзи цунь ван чжи цю (Осень между жизнью и смертью) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь. (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 2. Тайбэй, 1982. С. 604.

47. Там же. С. 624, 625.

48. Цзян Цзинго. И вэй пинфаньды жэнь (Великий простой человек) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.) Т. 4. Тайбэй, 1982. С. 632 - 633.

49. Цзян Цзинго. Вэйцзи цунь ван чжи цю (Осень между жизнью и смертью) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь. (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 688.

50. Цзян Цзинго. И вэй пинфаньды жэнь (Великий простой человек) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.) Т. 4. Тайбэй, 1982. С. 636.

51. Цзян Цзинго. Вэйцзи цунь ван чжи цю (Осень между жизнью и смертью) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь. (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 2. Тайбэй, 1982. С. 697.

52. А.М.Ледовский. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь - февраль 1949г.) // ПДВ. 1955. № 3. С. 97.

Тайвань. Построение капитализма на отдельно взятом острове.

1. Минбао юэкань. 1990. № 12.

2. Хоу Цзяцзюй. Гуан фу чу ци Тайвань цзинци тиси чжи чунцзянь (Возрождение экономики Тайваня в начальный период после освобождения) // Го Фу цзянь дан гэмин и бай чжоунянь сюэшу таолунь цзи (Труды научной конференции, посвященной столетию создания Отцом Нации партии для революции). Тайбэй, 1995. Т 4. С.25.

3. Анализ разных сторон жизни тайваньского общества в настоящее время, а также в исторической ретроспективе см. в: Современный Тайвань. Отв. ред. П.М. Иванов. Иркутск, 1994; Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М., 1997; Многопартийность на Тайване / Сост. М.Л. Гудошников. М., 1999; Тайвань. Краткие справочные данные / ИДВ РАН. Ч. 1 – 8. М., 1990 – 1998; Ширли В.Ю. Гою Экономическая политика Тайваня. М., 1999.
4. Синьхуа юэ бао. Т. 1. № 1. 15.11.1949. С. 43.
5. Дун Сяньгуан. Цзян Цзунтун чжуань (История президента Цзян Цзинго). Тайбэй, 1962. Т. 3. С. 43.
6. Синьхуа юэ бао. Т. 1. № 1. 15.11.1949. С. 43
7. Department of State bulletin. Wash., January 16, 1950. P. 79.
8. Чжунъян жибао. Тайбэй, 27.05.1950.
9. Чжунъян жибао. Тайбэй. 30. 05.1950.
10. Цзян Цзинго сяньшэн цюань цзи. Цзи ши нянь бяо. 1910 - 1988 (Полное собр. соч. г-на Цзян Цзинго. Биохроника 1910 - 1988) / Ред. сост. Чжан Жуйчэн. Т. 1. Тайбэй, 1992. С. 152.
11. А.М. Ледовский. Визит с Москву делегации коммунистической партии Китая в июле - августе 1949г. // ПДВ. 1996. № 5. С. 89-90.
12. История международных отношений на Дальнем Востоке 1945-1975. Хабаровск, 1978, с. 24.
13. Санкей Симбун. 23.03.1996.
- 13а. Независимое военное обозрение. 1999. № 17. С. 6.
14. Кулик Б.Т. США и Тайвань против КНР. 1949 - 1952. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 33.
15. Шао Юйлинь. Ханьчэн чэтуй цянй ды мань чан лян чжоу е. Ши хань хуэйи лу чжи ши лю (Двое суток перед отступлением из Сеула. Воспоминания посла в Корею. Ч. 16) // Чжуань цзи вэньсюэ (Биографические записи). № 193. Тайбэй, 1977. С. 103.
16. Сергейчук С. США и Китай. М., 1973. С. 61.
17. Жэньминь жибао. 30.06.1950.
18. Myers Ramon H, Chao Linda. A New Kind of Party: the Kuomintang of 1949 - 1952 // Proceedings of Centennial Symposium on Sun Yat-sen's Founding of the Kuomintang for Revolution. Taipei, 1995. V. 4. P. 42.

19. Цит. по: Tsang Steve. Revitalising the Revolution: Chiang Kai-shek's Approach to Political Reform in the 1950's // Proceedings of Centennial Symposium on Sun Yat-sen's Founding of the Kuomintang for Revolution. Taipei, 1995. V. 4. P. 51.
20. См. напр. Ibid. P. 53.
21. Цит. по: Myers Ramon H, Chao Linda. Op. cit. P. 33.
22. Tsang Steve. Op. cit. P. 57.
23. Ibid. P. 60.
24. Цзян Цзинго. Фуву сишэн фэньдоу дао ди (Служить, жертвовать собой, бороться до конца) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 2. Тайбэй, 1982. С. 65
25. Payne R. Op. cit. P. 91.
26. Omestad T. Dateline Taiwan: A dynasty Ends // ForeignPolicy. Summer 1988. № 71. P. 180.
- 26а. В.Г. Буров. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. с.65.
27. Миньго ли цзюй цзунтун (Президенты Республики). Ред. Ван Шуинь, Ли Сунлинь. Тайбэй, 1994. С. 280-281.
28. См. напр. исследование на эту тему: Hung-mao Tien. The Great Transition: Political and Social Change in the Republic of China. Stanford, Calif., 1989.
29. Whiting Allen. A Man of Mystery // Saturday Evening Post. 12.03. 1995.
30. Миньго ли цзюй цзунтун (Президенты Республики). Ред. Ван Шуинь, Ли Сунлинь. Тайбэй, 1994. С. 212.
31. Лун Чжунтянь. Цзян Цзинго цзай Тайвань (Цзян Цзинго на Тайване) // Цзян Цзинго цзай Тайвань (Цзян Цзинго на Тайване) / Отв. ред. Ло Жэньцзе. Пекин, 1988. С. 8.
32. См. Tsang Steve. Op. cit. P. 59.
33. Сергейчук С. Указ. соч. С 79.
34. Подробные данные см. Taiwan Statistical Data Book 1997. Taipei, 1997. P. 225.
35. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С. 411, 417.
36. Асахи. 17. 04. 1996.
37. Кэлайэнь. Во со чжидао ды Цзян Цзинго (Р. Клайн. Цзян Цзинго, которого я знал). Тайбэй, 1991. С. 71.
38. Миньго ли цзюй цзунтун (Президенты Республики). Ред. Ван Шуинь, Ли Сунлинь. Тайбэй, 1994..С. 282.

39. Сулянъ тэву цзай Тайвань (Советский шпион на Тайване). Ред. издательство “Ляньхэбао”. Тайбэй, 1995.
40. Кэлайэнь. Указ. соч. С. 82.
41. Там же. С. 80.
42. В качестве одного из документальных свидетельств назовем: Фань гун юцзидуй туцзи Фуцзянь Ляньцзян цзун ху фэй фан вэньцзянь хуэйбянь (Сборник документов, захваченных десантом в уезде Ляньцзян пров. Фуцзянь). Тайбэй, 1964.
43. Кэлайэнь. Указ. соч. С. 125 - 127.
44. Там же. С. 128 - 137.
45. Сун Пин. Указ. соч. С. 581.
46. Ли Сунлинь. Цзян Цзинго ды Тайвань шидай (Тайваньская эпоха Цзян Цзинго). Тайбэй, 1993. С. №.
47. Там же, С. 43 - 44.
48. Там же. С. 32.
49. Синдао жибао. Гонконг, 30.05.1978
50. Harrison Selig S. Taiwan after Chiang Ching-kuo // Foreign Affairs. 1988. V. 66. № 4. P. 791.
51. Цзян Цзинго. Ся чжа гэнь (Пускать корни в низы) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэнь яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 8. Тайбэй, 1982. С. 104.
52. Люши нянь лай чжунго лю сюэшэнь чжи фэн шуан чо ли (60 лет назад: горькие годы учебы на чужбине) / Чжунхуа лю Э тунсюэ хуэй (Общество обучавшихся в России). Тайбэй, 1988. Приложение. С. 18
53. Там же. С. 19.
54. Во цзай Цзян Цзешу фу цзы шэнь бянь ды жицзы (Моя служба рядом с Чан Кайши и его сыном). Беседы с Вэн Юанем. Запись Ван Фэна. Тайбэй, 1994. С. 223-224.
55. Цзян Цзинго. Дуй ши сян гэсинь юньдун чжи чжишэ (Указания для кампании за десять новых установок) // Цзян цзунтун Цзинго сяньшэнь яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 8. Тайбэй, 1982. С. 313-314.
56. Far Eastern Economic Review. 1975. V. 87. № 34. P. 20.
57. Цзян Цзунтун Цзинго сяньшэнь яньлунь чжушу хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т.11. Тайбэй, 1982. С. 249.
58. Economic Development. Taiwan. Republic of China 1991. Taipei, 1992. P. 43.
59. Taiwan Statistical Data Book 1997. Taipei, 1997. P. 34

60. Максимов А.А. Экономика Тайваня: итоги и перспективы. М., 1991. С. 129.
61. Wei Wou. Capitalism. A Chinese Version. Ohio, 1992. P. 3.
62. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 47.
63. Hsin-Huang Michal Hsiao. The Rise of Social Movements and Civil Protests // Political Change in Taiwan. Ed. by Tun-jen Cheng, Stephan Haggard. Boulder - London, 1992. P. 59-60.
64. С.К. Меркулов. Американо-китайское сближение (вторая половина 70-х годов). М., 1980. С. 35.
65. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 156.
66. Newell Ph. P. The Transition to the Transition Toward Democracy in Taiwan: Political Change in the Chiang Ching-kuo Era, 1971 - 1986. UMI Dissertation Service. Ann Arbour, 1994.
67. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 194 - 195.
68. Подробнее см. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1980. С. 241 - 243.
69. См. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 80.
70. Чжунъян жибао. Тайбэй, 31.03.1981.
71. Там же.
72. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 229.
73. Там же. С. 229.
74. Цзян Цзинго. Чжун хуа ды миньюн (Судьбы Китайской Республики) //Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь чжушу хуэйбянь хуэйбянь (Г-н президент Цзян Цзинго. Собр. соч.). Т. 2. Тайбэй, 1982. С. 136.
75. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 230.
76. Сюй Су. Указ. соч. С. 61 - 63.
77. Там же. С. 19.
78. Чжунъян жибао. Тайбэй. 14.01.1988
79. Цю Шу. Ли Дэнхуэй ды шэнпин (Жизнеописание Ли Дэнхуэя) // Цун юаньсинцюй дао цзунтун фу. Юй Ли Дэнхуэй мянь дуй мянь (От родного дома до президентского дворца. Лицом к лицу с Ли Дэнхуэем). Тайбэй, 1995. С. 39-40.
80. Там же. С. 40.
81. Dr. Lee Teng-hui, President of the Republic of China. Taipei. 1990. P. 8.
82. Сюй Хань. Ли Дэнхуэй ды ци ши нянь. Ли Дэнхуэй пинчжуань (Семьдесят лет Ли Дэнхуэя. Критическая история Ли Дэнхуэя). Тайбэй, 1993. С. 85.
83. Сюй Хань. Указ. соч. С. 75.

84. Чжунъян жибао. Тайбэй, 09.03.1990.
85. Чжоу Юйкоу. Ли Дэнхуэй ды и цянь тянь (Тысяча дней Ли Дэнхуэя) 1988 - 1992. Тайбэй, 1993. С. 140.
86. Ли Сунлинь. Указ. соч. С. 156.
87. Нинцзин гэмин (Тихая революция) / Синчжэн юань синвэнь цзюй бянь ин (Ред. , изд.: отдел печати Исполнительной палаты). Тайбэй, 1994. С. 22.
88. Си ду Ли Дэнхуэй (Внимательно читая Ли Дэнхуэя) / Гл. ред. Чжан Исинь. Тайбэй, 1996. С. 295.
89. Там же. С. 311.
90. Свободный Китай. Тайбэй, 1997. № 1, С. 2,3
91. Свободный Китай. Тайбэй, 1997. № 4, С. 32.
92. Тайваньский вопрос и объединение Китая / Канцелярия по тайваньским делам. Канцелярия по делам печати при Госсовете. Пекин, 1993. С. 7, 15.
93. Жэньминь жибао. 31.01.1995.
94. Чжунгун яньцзю. Тайбэй, 1996. Т. 30, № 2. С. 10.
95. См. The Republic of China Yearbook 1997. Taipei, 1997. P. 159; Свободный Китай. 1997, № 4. С. 24.
96. См. The Republic of China Yearbook 1997. Taipei, 1997. P. 116.
97. Ibid. P. 135.
98. Нинцзин гэмин (Тихая революция) / Синчжэн юань синвэнь цзюй бянь ин (Ред. , изд.: отдел печати Исполнительной палаты). Тайбэй, 1994.; Free China Journal. Taipei, 19.06.1992.
99. Свободный Китай. Тайбэй, 1995. № 15. С. 33.
100. Тайвань жибао. Тайбэй, 31. 05. 1986.
101. Известия. 10.09.1992.
102. Дипломатический вестник. 1991,15-31 окт. № 19-20. С. 46.
103. Подробнее об отношениях России с Тайванем см. Peter Ivanov. Russian-Taiwanese Relations: Current State, Problems and Prospects of Development. Occasional Papers/ Reprints Series in Contemporary Asian Studies. Boston, 1996.
104. Известия. 04.02.1992.
105. Свободный Китай. Тайбэй, 1996. № 4.
106. Свободный Китай. Тайбэй, 1996. № 6. С. 7.
107. Свободный Китай. Тайбэй, 1996. № 4. С. 8.

108. Там же. С. 6.
109. Ли Дэнхуэй. Цзиньин да Тайвань (Трудиться во имя Большого Тайваня). Тайбэй, 1995.
110. Чжунго шибао. 15.01.1995.
111. Сюй Хань. Указ. соч. С. 233 - 241.
112. Там же, С. 241, 282.
113. Там же. С. 8.
114. Там же. С. 243 - 244.
115. Сюй Синьян. Тяочжань Ли Дэнхуэй (Вызов Ли Дэнхуэю). Тайбэй, 1995. С. 169.
116. Ли Юнхань. Чжунго Гоминьдан ши яньцзю юй пинлунь (История Гоминьдана. Исследования и суждения). Тайбэй, 1992. С. 324.
117. Свободный Китай. 1996. № 2. С. 11.
118. Свободный Китай. 1994. № 4, С. 30.
119. Свободный Китай. 1997. № 3. С. 23.
120. Cohen P.A.. Responce to Introduction. Situational versus Systematic Factor in Societal Evolution // Two Societies in opposition. The Republic of China and the Peole's Republic of China after Fourty Years. Ed. by R.H. Myers. Stanford, Calif. 1991. P. liii.
121. Metzger T.A. and Myers Ramon H. Introduction. Two Diverging Societies // Two Societies in opposition. The Republic of China and the Peole's Republic of China after Fourty Years. Ed. by R.H. Myers. Stanford, Calif. 1991. P. xiv .
122. Thatcher M. Challenges of the 21st Century // Peace through Democratic Reforms. Taipei, 1996. P. 228.
123. Free China Review. Taipei, 1997, Oct. V. 47. № 10. P. 42.
124. Hantington Samuel. Democracy for the Long Hail // Peace through Democratic Reforms. Taipei, 1996. P. 167.